

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2015

2 (24)

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2015

БАЛТИЙСКИЙ

РЕГИОН

2015

2 (24)

Калининград:
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2015.
142 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
4 номера в год
на русском
и английском языках

Учредители:

Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция

Адрес: 236000, Россия,
Калининград,
ул. Зоологическая, 2.

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
Тел.: +7 4012 59-55-43
Факс: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

© БФУ им. И. Канта, 2015

Редакционный совет

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., ректор БФУ им. И. Канта — сопредседатель (Россия); *К. К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ — сопредседатель (Россия); *В. Г. Барановский*, д-р ист. наук, проф., зам. директора ИМЭМО РАН (Россия); *Й. фон Браун*, директор Центра изучения развития, проф. Боннского университета (Германия); *К. Люхто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор РАНХиГС (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., декан факультета прикладной политологии НИУ — ВШЭ (Россия); *Р. М. Нуреев*, д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономического анализа организаций и рынков департамента прикладной экономики НИУ — ВШЭ (Россия); *А. О. Чубарьян*, проф., акад. РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Редакционная коллегия

Г. М. Федоров, д-р геогр. наук, проф., директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства БФУ им. И. Канта — сопредседатель (Россия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., зав. каф. региональной политики и политической географии СПбГУ — сопредседатель (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, ведущий исследователь Института социальных исследований, Даугавпилсский университет (Латвия); *Т. Р. Гареев*, канд. экон. наук, доц., проректор по развитию и инновационной деятельности БФУ им. И. Канта (Россия); *Ю. М. Зверев*, канд. геогр. наук, зав. кафедрой географии, природопользования и пространственного развития БФУ им. И. Канта (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *Э. Кнаппе*, д-р агрономии, руководитель направления «Региональная география Европы», Институт землепользования им. Лейбница, г. Лейпциг (Германия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований Института географии РАН (Россия); *Ю. В. Косов*, д-р филос. наук, проф., декан факультета международных отношений РАНХиГС (Россия); *Г. В. Кретишин*, д-р ист. наук, проф., проф. кафедры истории БФУ им. И. Канта (Россия); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., зав. кафедрой географии регионального развития Гданьского университета (Польша); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., директор Центра трансграничных исследований, Клайпедский университет (Литва); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф. кафедры прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия).

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

BALTIC REGION

2015

2 (24)

BALTIC
REGION
2015
2 (24)

Kaliningrad:
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2015.
142 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
4 issues
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
2, Zoologicheskaya str.,
Kaliningrad, Russia 236000

Executive secretary:
Tatyana Kuznetsova,
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

© I. Kant Baltic Federal
University, 2015

Editorial council

Prof. *Andrei Klemeshev*, rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (co-chair); Prof. *Konstantin Khudolei*, head of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof. Prof. *Vladimir Baranovsky*, deputy director of the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. Dr *Joachim von Braun*, director of the Center for Development Research (ZEF), Professor, University of Bonn, Germany; Prof. *Aleksander Chubaryan*, director of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Russia; Dr *Kari Liuhio*, director of the Pan-European Institute, Turku, Finland; Prof. *Vladimir Mau*, rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Andrei Melville*, dean of the Faculty of Applied Political Science, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. *Rustem Nureev*, head of the Department of Economic Analysis of Organizations and Markets, National Research University — Higher School of Economics, Russia.

Editorial board

Prof. *Gennady Fedorov*, director of the Institute of Environmental Management, Territorial Development and Urban Construction, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (co-chair); Dr *Nikolai Kaledin*, head of the Department of Regional Policy & Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Dr *Timur Gareev*, head of the Department of Economics of the Firm and Markets, vice-rector for Innovative Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Mikhail Ilyin*, head of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr *Elke Knappe*, Leibniz Institute for Regional Geography, Leipzig, Germany; Prof. *Vladimir Kolosov*, head of the Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Prof. *Yuri Kosov*, dean of the Faculty of International Relations, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Gennady Kretinin*, Department of History, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Nikolai Mezhevich*, Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Tadeusz Palmowski*, head of the Department of Regional Development, University of Gdansk, Poland; Prof. *Andrei Shastitko*, Department of Applied Institutional Economics, Faculty of Economics, Moscow State University, Russia; Prof. *Eduardas Spiriajevas*, head of the Centre of Transborder Studies, Klaipeda University (Lithuania); Dr *Viktor Voronov*, Leading Research Fellow, Institute of Social Studies, Daugavpils University, Latvia; Dr *Yuri Zverev*, head of the Department of Geography, Environmental Management and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения

- Межевич Н.М.* Россия и государства Прибалтики: некоторые итоги и перспективы межгосударственных отношений 7
- Карабешкин Л.А.* Одинокое лидерство Литвы 2.0..... 19

Международное сотрудничество

- Оленченко В.А.* Иностраннные инвестиции в государствах Прибалтики: к вопросу о соперничестве российского и североевропейского капиталов.... 30
- Невская А.А.* Динамика и перспективы торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества России и Эстонии в условиях кризиса..... 50

Внутриполитические процессы

- Ланко Д.А.* Партийно-политическая система Эстонской Республики в середине 2010-х годов 67
- Смирнов В.А.* Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики..... 78
- Томашевский В.* Институциональная подготовка Польши к вступлению в Европейский союз..... 98

Дискуссия

- Мартынов В.Л.* Российская социально-экономическая география: современное состояние, основные проблемы и перспективы развития..... 109
- Дружинин А.Г.* Развитие российской общественной географии: тренды, проблемные ситуации, приоритеты 127

CONTENTS

International Relations

- Mezhevich N.* Russia and the Baltic States: Some Results and a Few Perspectives 7
- Karabeshkin L.* Lithuania's Lonely Leadership 2.0..... 19

International Co-operation

- Olenchenko V.* On Russian/Nordic Investment Competition in the Baltic States 30
- Nevskaya A.* Russian-Estonian Economic and Investment Cooperation During the Crisis: Dynamics and Possibilities 50

Domestic Policies

- Lanko D.* Estonian Political Parties in the mid-2010s..... 67
- Smirnov V.* The Role of Political Elites in the Development of Politics of Memory in the Baltic States 78
- Tomaszewski W.* Polish Accession to the European Union: Participating Institutions..... 98

Discussion

- Martynov V.* Russian Socio-Economic Geography: Status, Challenges, Perspectives 109
- Druzhinin A.* The Development of Russian Social Geography: Challenges, Trends, Priorities..... 127

УДК 327

РОССИЯ И ГОСУДАРСТВА ПРИБАЛТИКИ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Н. М. Межевич^{*}

Россия имеет устойчивые внешнеполитические интересы в восточной части Балтийского региона. Их реализация невозможна или затруднена применительно к отношениям с государствами Прибалтики. В течение 20 лет Россия предлагала модель взаимовыгодного сотрудничества. Однако антироссийская политика прибалтийских элит, обусловленная задачами сохранения политической монополии, этому препятствует.

Необходимо признать бесперспективность прежней модели отношений с государствами Прибалтики, выступающими в авангарде антироссийской политики. Поставлен вопрос об ответственности прибалтийских стран за собственную политику. С точки зрения автора, существующая модель отношений не имеет адекватных исторических предпосылок. И в долгосрочной перспективе нельзя говорить о ее сохранении.

Цель исследования — подвести итоги 25 лет развития межгосударственных отношений России и государств Прибалтики. Используются междисциплинарные методологические научные подходы, а также метод исторического анализа. Сделан вывод: несмотря на выгоды внешнеэкономических связей, политические события препятствуют развитию двусторонних отношений. Консервация политической системы неизбежно вызовет экономическую стагнацию в государствах Прибалтики. При нарастании внешней неблагоприятной конъюнктуры и дальнейшем ухудшении российско-прибалтийских отношений возможна деструкция экономического и политического режима соседних государств.

---

^{*} Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7—9

Поступила в редакцию 20.02.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-2-1

© Межевич Н. М., 2015

Ключевые слова: Балтийское море, государства Прибалтики, внешняя политика, модели исторической памяти, концепции внешней политики России, политические элиты, внешнеэкономические связи

Российские интересы в регионе Балтийского моря являются одним из наиболее стабильных приоритетов внешней политики нашего государства. Интересы государства и общества в этом регионе возникли и оформились раньше, а оказались более стабильными, чем само государство в его конкретном сиюминутном названии.

Контуры современного российского внешнеполитического курса в данном регионе можно проследить в эпоху Киевской Руси. В период существования Новгородской феодальной республики балтийская политика стала ключевым направлением внешнеполитических и внешнеэкономических связей. Именно в Новгороде процесс взаимодействия с другими государствами и государственными образованиями привел к нескольким принципиально важным подходам в практике международного сотрудничества:

1. Начиная с XIII века в договорах Новгородской республики со Швецией, четко регламентировались правила взаимной торговли, правосубъектность торговых складов и иных объектов, режимы охранных грамот и т. д.

2. В договорах Новгорода и Ливонского ордена детально описывается линия государственной границы, то есть прослеживается тенденция к договорно-правовому оформлению территориального разграничения.

3. Договорная база отношений Новгорода, Пскова и Швеции содержала детальную регламентацию вопросов обмена пленными, ограничения военных действий в отношении отдельных групп населения, иммунитета послов.

4. Организации власти и хозяйственной деятельности в Новгородской феодальной республике и Псковской феодальной республике испытала значительное влияние западноевропейской (ганзейской, германской, скандинавской) правовой и хозяйственной системы.

5. Активно развивая торговлю, Новгород и Псков сохраняли способность и готовность отразить нападение с запада. 1240-й и 1242 г. убедительно подтвердили то, что достаточно эффективный экономический режим, не подкрепленный военной и политической силой, к самостоятельному существованию не приспособлен.

Итак, уже в период Новгородской феодальной республики во многом под влиянием западных партнеров русское государство было интегрировано в систему международных отношений, в том числе и в экономической сфере.

Историческое значение балтийского и скандинавского направлений в политике русского государства определяется тем, что континуитет государственной независимости на этом направлении не прерывался никогда, даже в период феодальной раздробленности и татаро-монгольского господства.

Важнейшей особенностью российской политики на Балтике была ее сильная «экономизация». На этой сцене приоритеты экономического сотрудничества еще в XII—XIV вв. иногда оказывались сильнее идеологии территориальной экспансии. Для подтверждения этого тезиса до-

статочно обратиться к собранию новгородских актов XII—XV вв., опубликованных под редакцией С. Н. Валка [1], или соответствующей монографии В. Л. Янина [2].

Третья важная особенность системы международных отношений в этом регионе являлось относительно большое число участников при небольшой по размерам территории. Впрочем, так было не всегда. «Вследствие желаний е. в. императора всероссийского, е. в. императора германского, короля прусского, е. в. короля датского и е. в. короля шведского упрочить узы доброго соседства и дружбы, которые соединяют их государства, и тем способствовать сохранению всеобщего мира. <...> В случае если какие-либо события стали угрожать теперешнему территориальному порядку вещей в странах Балтийского моря, четыре правительства, подписавшие настоящую декларацию, войдут в сношение, дабы уговориться насчет тех мер, которые они сочли бы полезным принять в интересах поддержания этого порядка» [3, с. 400]. Таким образом, чуть более века назад карта региона выглядела существенно иначе. По сути, две империи определяли систему международных отношений в регионе. Статус-кво в регионе в принципе устраивал всех. Качественное изменение политической карты могло произойти лишь в случае одновременной деструкции Российской и Германской империй, что и произошло в 1917—1918 гг.

В настоящее время мы исходим из того, что существуют следующие ключевые характеристики российских внешнеполитических интересов в восточной части Балтийского моря:

- У России существуют масштабные экономические, военные и политические интересы в Балтийском регионе. Эти интересы для нас достаточно очевидны, однако они не признаны теми странами, которые записывают в зону своих «жизненных интересов» территории, находящиеся за тысячи километров от своих границ.

- Экономические интересы определяются тем, что через Балтику осуществляется значительная часть российской внешней торговли, в том числе и с не балтийскими странами (до США, Канады и Кубы включительно). По морю снабжается Калининградский эксклав и газом — Европа («Северный поток»).

- Возможность реализации этих интересов в значительной степени зависит от характера сотрудничества с соседями по региону. Даже в 2013—2014 гг. чуть меньше 40 % российского транзита осуществляется через порты государств Прибалтики. Двадцать лет назад эта цифра была в два раза больше.

- Российская внешнеполитическая доктрина с 1993 г., даты появления первой версии этого документа, по-разному воспринимается в странах Прибалтики, с одной стороны, и Финляндии — с другой. Занимая де-юре единую позицию в отношении референдума в Крыму, указанные страны используют различную политическую риторику и по-разному видят перспективы конфликта и собственную роль в нем. При этом Российская Федерация в основополагающих внешнеполитических

документах не проводит масштабной дифференциации видения своих отношений с партнерами в Восточной Балтике. Проблема в другом: внешнеполитические инициативы и текущая политика России воспринимается в Финляндии и в государствах Прибалтики по-разному.

- России необходимо найти такие возможности обеспечения своих интересов в указанном регионе, которые отвечали бы существующим возможностям страны и были адекватны сложившейся системе политических и экономических отношений в мире и Европе. При этом следует учитывать то, что внешняя политика государств Прибалтики в отношении РФ и соответствующее направление ее внешней политики является проекцией европейского вектора международных отношений. В последнее десятилетие можно говорить об уникальной прогностической функции в отношениях России и государств Прибалтики. Текущий характер отношений России и Прибалтики показывает то, какими будут отношения России и Европы в ближайшее время. События «бронзовой ночи» в Эстонии в 2007 г. предвещали развертывание «Восточного партнерства». Вильнюсский саммит «Восточного партнерства» — запуск деструкции украинского государства и гибридной войны против России. Не меньшее значение будет иметь и Рижский саммит восточного партнерства [4].

К сожалению, несмотря на общие интересы, отношения с нашими соседями на северо-западе, и в частности в Балтийском регионе, остаются достаточно сложными. Балтийский регион, пограничный для России и Евросоюза, подвержен изменениям геополитической конъюнктуры. В силу этого экономическая и политическая архитектура региона должна гармонично учитывать интересы Европейского союза и Российской Федерации, только в таком случае мы можем рассчитывать на сохранение существующей динамики экономического развития региона.

Рассматривается современное состояние и перспективы экономического и политического развития государств восточной части Балтийского моря в контексте их сотрудничества с Россией. Специфика данной территории заключается в том, что современные государства региона целиком или частично (Республика Польша) находились в составе Российской империи. В XXI в. Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша и Россия остаются соседями. Однако соседство — категория географическая, более значимым является реальное состояние экономического и политического сотрудничества. За последние 24 года не только качественно изменилась политическая карта региона, но и сформировались определенные модели сотрудничества между государствами восточной части Балтийского моря.

С определенным упрощением можно отметить существование двух моделей отношений между Россией и ее соседями в восточной части Балтики. Одна модель реализуется между Москвой и Хельсинки. Вторая модель — отношения России и государств Прибалтики. Эти отношения осуществляются в условиях общей внешнеэкономической открытости и развертывающегося партнерства между Россией и Евросоюзом. При формальном единстве экономических, политических и

международно-правовых предпосылок как экономические, так и политические отношения России с государствами Прибалтики качественно отличаются от отношений с Финляндией. По нашему мнению, ответственность за данную ситуацию лежит прежде всего на политиках Эстонии, Латвии и Литвы, игнорирующих объективную экономическую логику взаимовыгодных отношений.

Постоянное акцентирование на объективно имевших место исторических проблемах выполняет функции консервирования антироссийских настроений на уровне элит, получающих политической, а частично и экономический капитал на нагнетании именно русофобской риторики. При этом позиция России сводится к деполитизации экономического сотрудничества, к совместной работе над региональными проблемами, выводу дискуссий по сложным вопросам с политического на экспертный уровень. Отметим, что это процесс, требующий взаимного участия, чего не наблюдается в настоящее время, как, впрочем, и в прошлом.

Далее необходимо отметить то, что «сознательное извращение сути прошлых и настоящих отношений между Россией и прибалтийскими народами было и остается важной составной частью генеральной атаки на российскую историю» [5]. Возможен вопрос, нет ли здесь преувеличения? В данном контексте вспомним классика: «Установление контроля над воспоминанием и забвением является одной из постоянных забот классов, групп и индивидов, которые доминировали или все еще доминируют в исторических обществах» [6]. Это высказывания не Дж. Оруэлла, это позиция французского историка и социолога Жака Ле Гоффа. Действительно, обращает на себя внимание то, что в странах Прибалтики работы исторического характера в ряде случаев написаны не просто профессионалами — историками, политологами, а изданы (размещены) как официальные правительственные материалы [7], которые достаточно часто подготовлены действующими политиками самого высокого уровня. Именно так закладываются основы государственной идеологии. Е. Пономарева и Л. Шишелина подчеркивают, что «конечно, можно понять исторические обиды, понять разное отношение к различным драматическим событиям. Но нельзя в наше время оправдать репродуцирование искаженного, негативного образа соседней страны и народа, формирование у молодежи чувства неприязни и нелюбви к ним, равно как и сознательное отступление от истины в преподнесении и оценке исторических событий и процессов» [8].

Безусловно, и в государствах Прибалтики есть юристы, историки, политологи, имеющие свой собственный взгляд на события 1918—1920 гг. и 1939—1940 гг. [9; 10]. Однако абсолютно преобладает иная, официальная, точка зрения, основанная на избирательном правопреемстве и оккупационной доктрине и демонстративной антироссийской риторике [11—13].

Тональность Таллина, Риги, Вильнюса в диалоге с Россией не адекватна как экономическим, так и политическим возможностям этих стран. Объединенная Европа не готова радикализировать отношения с

Россией по литовскому сценарию, который тем не менее пользуется поддержкой из-за океана и поэтому продвигается через ряд стран новой Европы, и прежде всего Прибалтику.

С предельной четкостью сформулировал свое видение России Президент Эстонии Томас Х. Ильвес (еще будучи министром иностранных дел своей страны): «...в эстонском МИДе никого не интересует опыт соседства с Россией. Интересуют будущие отношения с Западом» [14]. С этим же лозунгом он был избран и переизбран Президентом Эстонской Республики. Однако в России этот тезис слышали не все. Еще 5—6 лет готовились доклады Совета по внешней и оборонной политике и ряда родственных структур [15—20]. В этих разработках фактически был проигнорирован негативный опыт наших отношений. Лишь после «бронзовой ночи» и осетинских событий 2008 г. сформировалось представление об очевидном тупике в отношениях с государствами Прибалтики. Анализ текущих практик в отношениях России и Прибалтики свидетельствует о том, что прибалтийские страны стремительно смещаются на политическую периферию.

Российская политика в этих условиях не должна реагировать на незначительные изменения внешнеполитического курса соседей. Следует приветствовать отдельные шаги наших партнеров, направленные на корректировку и решение наиболее острых проблем. К примеру, постепенное движение Эстонии к ратификации пограничного договора на заранее согласованных условиях. Тем не менее из этого не следует делать масштабные выводы. Нам необходимо добиваться общей корректировки политического курса соседей до уровня прагматического сотрудничества, не идя на компромисс по принципиальным позициям в политике и экономике.

Мы должны с пониманием относиться к элементам неадекватного восприятия России. Определенные этапы российской истории и внешнеполитической практики действительно далеки от современного международного права. Вместе с тем следует решительно противостоять попыткам внедрения в российское и мировое общественное мнение тезиса об ответственности России и ее граждан за те или иные действия СССР в XX в.

Нам необходимо последовательно отстаивать все формальные и неформальные характеристики государственного суверенитета. Это общее положение особо относится к региону Балтийского моря, где разворачивающиеся политические процессы несут прямую угрозу российским интересам.

В условиях нарастающей экономической и политической неопределенности в Европе и мире следует активнее позиционировать Россию как закономерную часть европейской цивилизации и естественного союзника главного европейского интеграционного объединения.

Вопрос об упущенных возможностях не может рассматриваться как упрек нашим соседям. Мы с пониманием относимся к специфическим моментам в нашей общей истории, однако исходим из того, что необ-

ходимо преодолевать исторические фобии. Упомянутый опыт финско-российских отношений убедительно свидетельствует о том, что это возможно.

Анализируя выступления ведущих политиков и экспертов Германии, Франции, Италии, Великобритании, мы слышим различные мнения, видим попытки комплексного анализа не простых процессов, приведших к кризису в отношениях России и ЕС. Однако в Таллине, Риге и в наибольшей степени в Вильнюсе взят курс на полное единообразие во внешнеполитических оценках. Политики «Центра согласия» в Латвии и Центристской партии в Эстонии, выразившие осторожные сомнения в правильности однозначных оценок происходящих процессов, фактически обвинены в государственной измене.

Реализации российских интересов в отношении государств Прибалтики препятствует не только сами государства Прибалтики. Существует вполне определенная, хотя и закономерная «усталость» российских дипломатов и экспертов от той динамики отношений, которую мы видим 25 лет. Однако, несмотря на это разочарование, российские интересы все-таки должны быть четко структурированы и должна быть внятная государственная политика, понятная нам самим и нашим соседям.

Говоря о российских интересах в государствах Прибалтики, следует обратить внимание на эволюцию концепций внешней политики России. Первая принята в 1993 г. Последняя — в 2013-м [21—23]. Двадцать лет — это уже не только политика, но и история. В Концепции-1993 странам Прибалтики посвящено полторы страницы, столько же — отношениям с США. Однако в Концепции-2013 страны Прибалтики не упоминаются. Говорится о регионе Балтийского моря. Страница перевернута. Такой, на первый взгляд, близкой Прибалтики нет, зато далекая Австралия — есть. Период, когда Россия была готова сделать шаги навстречу и предложить взаимовыгодный диалог даже ценой уступок, вероятно, закончился.

Рассматривая вопрос о российских интересах в странах Прибалтики (это все-таки главное), и государств Прибалтики в России (для нас это вторично), следует учитывать как пространственный, так и исторический контекст. Не сделав этого, трудно адекватно структурировать эти интересы и практически невозможно ответить на вопрос о том, какие проблемы препятствуют их реализации.

Теоретически «на фоне крушения политических и экономических стереотипов возможен поворот стран Балтии от одновекторной внешней политики к ее многовекторной модели — обращение к потенциалу традиционных географически-исторических связей» [24]. Такой вариант развития событий нельзя исключать. Дипломат — это тот человек, который никогда не говорит «никогда» (или это уже не дипломат). Да и дипломатия не просто вид деятельности, но в идеале — искусство. Но сейчас для политических элит стран Прибалтики Россия остается «внешним, чуждым для Европы государством — сибирской Нигерией

или Алжиром». Соответственно, «логичным становится проведение по отношению к ней эгоистичной политики, сводящейся к получению доступа к ее источникам сырья и транзитным путям, лишению страны естественных конкурентных преимуществ и одновременным мерам по ограждению себя от возможных рисков в сфере «мягкой безопасности» [25].

В заключение укажем на то, что государственные интересы России могут быть структурированы следующим образом:

- Завершение международно-правового оформления государственной границы России с государствами Прибалтики. В настоящее время это означает ратификацию пограничного договора с Эстонией.

- Совершенствование транспортной и энергетической инфраструктуры в Калининградском эксклаве, что предполагает, но совсем не гарантирует эффективное взаимодействие с прибалтийскими странами. Литва при поддержке Польши фактически заблокировала строительство Балтийской АЭС. Впрочем, это не помогло ей и не могло помочь возведению собственной атомной станции.

- Защита прав соотечественников в странах Прибалтики как важнейшая и долгосрочная задача российской политики в регионе. Отметим то, что речь идет как о собственно соотечественниках, так и о гражданах России, постоянно проживающих в государствах Прибалтики.

- Развитие сотрудничества в рамках региональных организаций. Недопущение превращения данных международных организаций в площадки координации антироссийской политики в регионе.

Государства Прибалтики — крайне неудобный объект для взаимодействия, но, с другой стороны, любой положительный результат в этом направлении будет убедительно свидетельствовать об общей эффективности внешней политики России как минимум на европейском направлении.

В соответствии с нормами и практиками международного права следует рассматривать государства Прибалтики как равных и значимых партнеров, что в свою очередь предполагает адекватную ответственность наших партнеров. Речь идет и о политических заявлениях президента Литвы, и о шествиях ветеранов СС в Риге 16 марта 2015 г., и о таких практических действиях, как военный парад войск НАТО в эстонской Нарве в 250 метрах от государственной границы России 24 февраля 2015 г.

Список литературы

1. *Грамоты* Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М. ; Л., 1949.
2. *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. М., 1991.
3. *Декларация* и меморандум России, Германии, Дании и Швеции по Балтийскому вопросу. Санкт-Петербург, 10—23 апреля 1908 г. // Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917 гг. М., 1952.

4. *Соколов В.* Почему Таллинн стремится на запад // Независимая газета. Дипкурьер. 2001. № 10 (30). 21 июня.
5. *Мошес А.Л.* Еще раз о плюсах европейского выбора // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3, № 4. С. 111—212.
6. *Jacques Le Goff.* History and Memory. New York, 1992. P. 54.
7. *Фелдманис И.* Оккупация Латвии — исторические и международно-правовые аспекты URL: <https://www.mfa.gov.lv/ru/information/history/history-juridical-aspects/?print=on> (дата обращения: 03.04.2014).
8. *Пономарева Е., Шишелина Л.* Председательство Латвии в ЕС-2015: «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией : аналитический доклад / под ред. О. Гаман. М., 2014.
9. *Lauri Mälksoo, Nõukogude anneksioon ja riigi järjepidevus: Eesti, Läti ja Leedu staatus rahvusvahelises õiguses 1940. a — 1991. a ja pärast 1991. a. Uurimus pingest normatiivsuse ja võimu vahel rahvusvahelises õiguses.* Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2005.
10. *Ильмарв М.* Безмолвная капитуляция: Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940) / пер. В. Белоборовцева. М., 2012.
11. *Лаар М.* Красный террор: Репрессии советских оккупационных властей в Эстонии / пер. с эст. С. Карм. Таллин, 2005.
12. *Лаар М.* Эстония во Второй мировой войне / пер. с эст. С. Карм. Таллин, 2005.
13. *Лаар М.* Забытая война: Движение вооруженного сопротивления в Эстонии в 1944—1956 гг. / пер. с эст. С. Карм. Таллин, 2005.
14. *Плат К.* Оккупация vs. колонизация: история, постколониальность и географическая идентичность. Случай Латвии URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6961-okkupaciya-vs-kolonizaciya-istoriya-postkolonialnost-i-geograficheskaaya-identichnost-sluchaj-latvii.html (дата обращения: 03.04.2014).
15. *Доклад «Россия и Балтия: 2010»* // Foundation for Prospective Studies and Initiatives апрель, 2003 г. URL: <http://www.psifoundation.ru/publications/2003/05/baltika1.htm> (дата обращения: 03.04.2014).
16. *Россия и Прибалтика* URL: <http://www.svor.ru/yuka/1045.shtml> (дата обращения: 03.04.2014).
17. *Россия — Балтия-2.* URL: http://www.svor.ru/live/materials.asp?m_id=6884&t_id=6922 (дата обращения: 03.04.2014).
18. *Как углубить сотрудничество России и Европейского союза?* Доклад. М., 2003.
19. *Ознобищев С.К.* Россия и Балтия — Подует ли ветер перемен? // Обозреватель. 2001. № 10 (141). С. 23—25.
20. *Россия — Балтия-IV.* Доклад СВОП : материалы конференций / под ред. С.К. Ознобищев, И.Ю. Юргенс. М., 2005.
21. *Концепция* внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. 1993. № 1—2.
22. *Концепция* внешней политики Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html> (дата обращения 03.04.2014) ; URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml> (дата обращения: 03.04.2014).
23. *Концепция* внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (дата обращения 03.04.2014).
24. *Оленченко В.* Ветры Балтики // Прямые инвестиции. 2012. № 8 (124). С. 20.

25. Максимычев И. Ф. Прибалтика: непредвзятый взгляд историка // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 4 (19). С. 210 (рец. на кн.: Воробьёва Л. М. Прибалтика на разломах международного соперничества. М., 2013. 536 с.).

Об авторе

Николай Маратович Межевич, доктор экономических наук, профессор факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: mez13@mail.ru

RUSSIA AND THE BALTIC STATES: SOME RESULTS AND A FEW PERSPECTIVES

N. Mezhevich*

* Saint Petersburg State University
7—9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034 Russia

Submitted on February 20, 2015

Russia has a vested political interest in the Eastern Baltics; yet acting upon this interest is made either difficult or altogether impossible when it comes to the Baltic States. For 20 years, the Russian Federation has been actively promoting a model of mutually beneficial co-operation. The anti-Russian discourse of the Baltic States' political elites — driven by their own wish to maintain their political monopoly — halts most of co-operation efforts.

It is time to accept that the previous model of co-operation with the Baltic States is now irrelevant, since these states now form the avant-garde of anti-Russian movement; whether they will — or, indeed, shall — be held accountable for that is another question that bears answering, for which they should certainly be held accountable. The author of this article believes that the current model is unprecedented and failing, so it is unwise to speak of its continuing long-term application.

The aim of this study is to draw some conclusions on the 25 years of intergovernmental relations between Russia and the Baltic States. The author uses a number of cross-disciplinary methods and relies heavily on the method of historical analysis. It is concluded that there are reasons rendering mutual co-operation impossible — however beneficial such co-operation may seem. Conservation of the current political system will inevitably lead to economic stagnation in the Baltic States. If external pressures continue to rise and the relations with Russia continue to deteriorate, the destruction of economic and political systems of the neighboring states may become a reality.

Key words: Baltic Sea, Baltic States, international politics, historical memory models, Russian international policy, political elites, international economy.

References

1. Valk, S.N. (ed.), 1949, *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Instruments of Novgorod and Pskov], Moscow-Leningrad.
2. Janin, V.L. 1991, *Novgorodskie akty XII—XV vv.* [Novgorod acts twelfth and fifteenth centuries], Moscow.
3. Deklaracija i memorandum Rossii, Germanii, Danii i Shvecii po Baltijskomu voprosu [The Declaration and the Memorandum of Russia, Germany, Denmark and Sweden on the Baltic issue], 1952. In: *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami 1856—1917* [Collection of Russian treaties with other States 1856—1917], Saint Petersburg, 10—23 April 1908, Moscow, p. 400.
4. Sokolov, V. 2001, Pochemu Tallinn stremitsja na zapad [Why Tallinn is committed to the west], *Nezavisimaya Gazeta*, no. 10 (30), 21 June.
5. *Moshes, A.L.* 2005, Eshhe raz o pljusah evropejskogo vybora [Once again about the advantages of the European choice], *Rossija v global'noj politike* [Russia in Global Affairs], Vol. 3, no. 4, p. 111—212
6. Le Goff, J. 1992, *History and Memory*, New York, p. 54.
7. Feldmanis, I. 2015, Okkupacija Latvii — istoricheskie i mezhdunarodno-pravovye aspekty [The occupation of Latvia — historical and international legal aspects], *The official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia*, available at: <https://www.mfa.gov.lv/ru/information/history/history-juridical-aspects/?print=on> (accessed 03.04.2014).
8. Ponomareva, E., Shishelina, L. 2014, *Predsedatel'stvo Latvii v ES-2015: «Vostochnoe partnerstvo» vmesto ili vmeste s Rossiej: analiticheskij doklad* [Latvia's EU Presidency 2015: "Eastern partnership" instead of or together with Russia: analytical report], Gaman, O. (ed.), Moscow, 92 p.
9. Mälksoo, L. 2005, *Nõukogude anneksioon ja riigi järjepidevus: Eesti, Läti ja Leedu staatus rahvusvahelises õiguses 1940. a — 1991. a ja pärast 1991. a. Uurimus pingest normatiivsuse ja võimu vahel rahvusvahelises õiguses*, Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus.
10. Ilmyarv, M. 2012, *Bezmolvnaja kapituljacija: Vneshnjaja politika Jestonii, Latvii i Litvy mezhdu dvumja vojnami i utrata nezavisimosti (s serediny 1920-h godov do anneksii v 1940)* [Silent surrender: The foreign policy of Estonia, Latvia and Lithuania between the two world wars and the loss of independence (since the mid-1920s to the annexation in 1940)], Moscow, ROSSPEN, 806 p.
11. Laar, M. 2005, *Krasnyj terror: Repressii sovetskikh okkupacionnyh vlastej v Jestonii* [Red Terror: The repression of the Soviet occupation authorities in Estonia], Tallinn, Grenader.
12. Laar, M. 2005, *Jestonija vo Vtoroj mirovoj vojne* [Estonia during World War II], Tallinn, Grenader.
13. Laar, M. 2005, *Zabytaja vojna: Dvizhenie vooruzhennogo soprotivlenija v Jestonii v 1944—1956* [Forgotten War: armed resistance movement in Estonia in 1944—1956 gg.], Tallinn, Grenader.
14. Plat, K. 2010, Okkupacija vs. kolonizacija: istorija, postkolonial'nost' i geograficheskaja identichnost'. Sluchaj Latvii [Occupation vs. colonization history, postcoloniality and geographical identity. The case of Latvia], *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency ration], no. 3, available at: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6961-okkupaciya-vs-kolonizaciya-istoriya-postkolonialnost-i-geograficheskaya-identichnost-sluchaj-latvii.html (accessed 03.04.2014).

15. *Doklad «Rossija i Baltija: 2010»* [The report "Russia and the Baltic States: 2010"], 2003, Foundation for Prospective Studies and Initiatives, April, available at: <http://www.psifoundation.ru/publications/2003/05/baltika1.htm> (accessed 03.04.2014).

16. *Rossija i Pribaltika* [Russian and Baltic], 1999, Report of the Committee of Russia in a United Europe, SVOP, available at: <http://www.svop.ru/yuka/1045.shtml> (accessed 03.04.2014).

17. *Rossija i Pribaltika-II* [Russian and Baltic-II], 1999, Report of the Committee of Russia in a United Europe, SVOP, available at: http://www.svop.ru/live/materials.asp?m_id=6884&r_id=6922 (accessed 03.04.2014).

18. *Kak uglubit' sotrudnichestvo Rossii i Evropejskogo Sojuza?* [Deepen the cooperation between Russia and the European Union?], 2003, report, Moscow, The Committee "Russia in a United Europe".

19. Oznobischev, S.K. 2001, *Rossija i Baltija — Poduet li veter peremen?* [Russia and the Baltic States — the wind of change will blow you?], *Obozrevatel* [Observer], no. 10 (141), p. 23—25.

20. Oznobischev, S.K., Jurgens, I. Yu. (eds.), 2005, *Rossija i Pribaltika-IV* [Russian and Baltic-IV], Report of the Committee of Russia in a United Europe, SVOP, Moscow.

21. *Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii* [The Foreign Policy Concept of the Russian Federation], 1993, *Diplomaticheskij vestnik* [Diplomatic bulletin], no. 1—2.

22. *Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii* [The Foreign Policy Concept of the Russian Federation], 2008, available at: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml> (accessed 03.04.2014).

23. *Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii* [The Foreign Policy Concept of the Russian Federation], 2013, available at: <http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html> (accessed 03.04.2014).

24. Olenchenko, V. 2012, *Vetry Baltiki* [Winds Baltic], *Prjamyje investicii* [Direct investment], no. 8 (124), p. 20.

25. Maksimych, I. F. 2013, *Pribaltika: nepredvzjatyj vzgljad istorika* [Baltics: an unbiased view of the historian], *Problemy nacional'noj strategii* [Problems of National Strategy], no. 4 (19), p. 210.

About the author

Prof. Nikolai Mezhevich, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: mez13@mail.ru

УДК 327

**ОДИНОКОЕ
ЛИДЕРСТВО
ЛИТВЫ 2.0**

Л. А. Карабешкин^{*}

Рассматривается внешняя политика Литвы в контексте выдвинутой в первой половине 2000-х гг. концепции регионального лидерства. Анализируются причины неосостоятельности первой попытки лидерства в 2004—2008 гг. и факторы, которые обусловили возрождение концепции в 2010-х гг. Констатируется, что, несмотря на относительно благоприятные экономические условия и некоторое улучшение отношений с соседними странами, в первую очередь Польшей, содержание литовского лидерства продолжает носить субподрядный характер («экспорт демократии»), имеет узкую повестку и его недеклаируемая цель — сдерживание влияния восточного соседа. Эскалация насилия и углубление социально-экономического кризиса на Украине снижают актуальность реформ по европейскому образцу, в которых Литва считает себя экспертом, а конфронтационная риторика в отношении России приведет к экономическим потерям и росту политической напряженности в регионе.

Ключевые слова: Литва, внешняя политика, региональное лидерство, постсоветское пространство, энергетическая безопасность, российско-литовские отношения

Близится четвертьвековой юбилей второй (как минимум, в последние несколько столетий) независимости стран Балтии. Безусловно, наиболее значимую роль в формировании общественного движения за отделение от метрополии сыграла Литва. В результате советской политики именно эта республика стала крупнейшей среди стран Балтии по населению, экономическому потенциалу и уровню внешнеполитических амбиций. В межвоенный период роль неформального лидера субрегиона играла скорее Латвия.

Литва шла на шаг впереди в плане вывода российских войск в первой по-

---

^{*} Евроакадемия.
10621, Эстония, Таллин
Мустамяэ тее, 4

Поступила в редакцию 19.03.2015 г.

doi:10/5922/2074-9848-2015-2-2

© Карабешкин Л. А., 2015

ловине 1990-х, рассматривалась как приоритетный кандидат в НАТО во второй половине 1990-х, имела наилучшие отношения с Россией и в первой половине 2000-х гг. быстрее других балтийских республик заключила Договор о границе с Российской Федерацией (а также в рамках переговоров по Калининграду и Договор о реадмиссии нелегальных мигрантов). Наконец, Литва активнее других подключилась к «экспорту демократии» во второй половине 2000-х, посчитав уровень своей политической и экономической эмансипации достаточным для провозглашения концепции регионального лидерства. В 2013 г. Литва стала первой страной Балтии, председательствовавшей в ЕС.

Первая попытка сформулировать новые «проактивные» приоритеты внешней политики связаны с достижением цели вступления в ЕС и НАТО в 2004 г. Несмотря на всю эйфорию от этих событий, стало очевидным, что в рамках европейской политики Литве отведена роль не только географической, но и политико-экономической периферии. Концепция регионального лидерства, провозглашенная в середине 2000-х гг., должна была ответить на вопросы о новых внешнеполитических приоритетах Литвы, ее нише и специализации в европейской политике. Содержанием новой внешнеполитической концепции становится, по определению М. Юркинаса, «трансатлантический активизм и продвижение западных норм через активное вовлечение в региональное сотрудничество в регионе Балтийского моря и Восточной Европе, то есть Беларуси, Молдове, Украине и Южном Кавказе» [3]. Внешнеполитическая среда, казалось, благоприятствовала таким задачам: волна «цветных» революций затронула практически все постсоветские страны, хотя и не везде привела к власти режимы, однозначно ориентированные на Запад; интерес ЕС и США к странам постсоветского пространства возрос; оттепель в российско-американских отношениях завершилась, а отношения РФ — ЕС начинали стагнировать.

Однако при первом подходе к региональному лидерству была предпринята попытка взять слишком большой вес. Расчет на восприимчивость новых партнеров по постсоветскому пространству к предлагаемому успешному (по мнению Вильнюса) опыту трансформации и интеграции в евроатлантические структуры был переоценен, как и фактор поддержки такой политики со стороны внешних контрагентов. Постсоветские страны, которые конъюнктурно избрали опцию оппонирования России на постсоветском пространстве, постепенно возвращались к более привычному для них балансированию. Попытки конструирования альтернативных интеграционных группировок, и более широко, новой пространственной организации постсоветского региона (в частности, через проект Черноморо-Балто-Каспийского региона) оказались малоуспешными как в связи с противоречивыми интересами участников, так и с конъюнктурным характером внешней поддержки. Более эффективно функцию лидерства на постсоветском пространстве стала играть Польша, инициировав совместно со Швецией «Восточное партнерство» (хотя представители литовского истеблишмента подчеркивают факт активного участия в его выработке). Наступивший в 2008 г. экономиче-

ский кризис в наибольшей степени затронул прибалтийские страны, отодвинув внешнеполитическую повестку на далекую периферию. Неудачная (уже вторая) попытка блокирования переговорного процесса РФ — ЕС после войны в Южной Осетии (Литва не получила поддержки ни от одного другого государства ЕС), смена руководства в Польше в 2010 г. после трагической гибели Президента Я. Качинского, ряд некорректных действий вновь избранного Президента Д. Грибаускайте в начальный период первого президентства привели к внешнеполитической полуизоляции Вильнюса: фактически со всеми основными партнерами — Россией, Польшей, США — отношения развивались по нисходящей. Евросоюз также с большой осторожностью относился к попыткам Литвы играть активную региональную роль. «Региональное лидерство», формально обращенное к странам бывшего СССР, на деле в значительной степени было ориентировано на внутреннюю аудиторию и в действительности оставалось элементом политики выстраивания отношений с Россией, в которой все большую роль играла риторика сдерживания. Как отмечал Э. Некрашас, внешняя политика Литвы (в том числе в рамках ЕС) оставалась «политикой одного вопроса» (российского), а концепция регионального лидерства являлась нереалистичной, не связанной с национальными интересами Литвы и создающей препятствия в отношениях Литвы как со странами ЕС, так и Россией [5].

Стоит отметить, что парадигма политики в отношении России меняется еще в середине 2000-х гг. Если до этого периодически происходила смена риторики в отношении России от наступательно-мобилизационной до конструктивно-прагматичной, что коррелировало с доминированием в правительстве консерваторов и социал-демократов соответственно, то уже с 2004—2005 гг., в период нахождения у власти правительства во главе с социал-демократом Г. Киркиласом, она приобретает устойчиво конфронтационный характер. Мэйнстрим литовской политики приходит к выводу о том, что именно агрессивная риторика в отношении России, нацеленная на привлечение внешнего внимания и мобилизацию электората, является более эффективным *modus operandi* в отношении восточного (географически — и западного) соседа.

В практическом плане в этот период усиливается политизация энергетического сотрудничества¹, вес которого в российско-литовских отношениях был традиционно высок. После закрытия (формально — по техническим причинам) ответвления нефтепровода «Дружба» в направлении Мажейкяйского НПЗ в 2006 г. конфронтация в этой сфере начинает развиваться по спирали. Литва выступает одним из инициаторов либерализации европейских энергетических рынков (так называемого Третьего энергопакета), в рамках реализации которого национа-

¹ Примечательно, что Программа правительственной коалиции (2012 г.) декларировала необходимость «деполитизации энергетических проектов» (п. 302). Cf.: Šešiolikto vyrausybės 2012—2016 metų programa [Программа шестнадцатого правительства на 2012—2016 гг.] 13.12.2012. URL:http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=439761 (дата обращения: 26.02.2015).

лизируются газотранспортные активы в Литве, ранее частично контролировавшиеся Газпромом; развивается проект строительства терминала сжиженного газа в Клайпеде, торпедируется проект строительства Балтийской АЭС в Калининградской области, и, напротив, проталкивается слабо проработанный проект Висагинской АЭС. Вновь артикулируется вопрос компенсации Россией ущерба, нанесенного Советским Союзом в годы оккупации, принуждения России к участию в расследовании событий 1991 г. в Вильнюсе и Мядининкай.

Безусловно, активность Литвы на постсоветском пространстве, которая, как уже было отмечено, стала ключевым моментом стратегии регионального лидерства, была раздражающим моментом для Москвы. Было понятно, что такая линия реализуется в контексте активизации США и Европы в регионе, в частности американской инициативы «Расширенное партнерство в новой Европе» (e-PINE) и формирующегося Восточного партнерства Евросоюза. Примечательно, что когда в апреле 2008 г. Литва предпримет попытку блокирования переговоров РФ — ЕС по новому рамочному договору, в число требований будут включено и разрешение «замороженных» конфликтов в Грузии и Молдове. Впрочем, было бы преувеличением утверждать, что попытки влияния на постсоветском пространстве были в числе основополагающих причин заморозков в отношениях с Россией. К концу 2000-х гг. Москва в значительной степени смягчила свое отношение к Восточному партнерству, в том числе с учетом низкой эффективности программы. Кроме того, налицо пример Польши, которой активная линия на постсоветском пространстве не помешала осуществить нормализацию отношений с Россией в начале 2010 гг.

Президентские выборы 2009 г. дали легкую надежду на то, что новый литовский лидер, политическая карьера которой многими связывалась с деятельностью патриарха литовской политики А. Бразаускаса, а образование получено в России, откорректирует внешнеполитический курс Литвы. Тем более что уже в период предвыборной кампании обозначился активный интерес будущего президента к этой сфере. Комментируя концепцию регионального лидерства, Д. Грибаускайте заявила о том, что «попытки Литвы считать себя региональным лидером являются самовнушением» [7]. Новый этап в литовской политике оказался весьма противоречивым. Элементы прагматизации и попытка сбалансировать односторонний проамериканский курс за счет более активной игры в рамках ЕС, сдвиг регионального фокуса с постсоветского пространства на европейский север сопровождался ухудшением отношений с Россией на фоне приоритизации энергетической безопасности.

Представляется, что ключевую роль сыграла инерция, сформировавшаяся в результате согласования интересов системообразующих партий (в первую очередь консерваторов и значительной части социал-демократов) и бюрократии. Последняя в условиях возрастающей партийной фрагментации и экономического кризиса стала играть все более самостоятельную роль в формировании политико-экономических приоритетов и общественного мнения. Сложившийся консенсус ориенти-

рован на обеспечение максимально возможной автономии от бывшей метрополии, маргинализацию сил, выступающих за кооперативный подход в отношениях с Москвой.

Эта инерция идеологически базируется на комплексе устойчивых представлений о России и отношениях с ней. Данный комплекс, в частности, включает следующие положения. Во-первых, Россия при любых обстоятельствах представляет опасность для независимой Литвы — либо своей нестабильностью, либо с необходимостью присущими ей имперскими амбициями. Во-вторых, отношения Литвы и России носят заведомо асимметричный характер, а Россия не готова воспринимать Литву в качестве равноправного партнера. Поэтому эффективная политика в отношении России возможна только в составе коалиций в рамках ЕС, и желательно с участием США. В-третьих, гарантии безопасности в рамках Евросоюза не являются в полной мере надежными, так как ведущие европейские страны могут пойти на сговор с Россией за спиной малых стран. В этих условиях Литва заинтересована в обеспечении максимального присутствия США в регионе Балтийского моря в военно-политическом смысле (в том числе через механизмы НАТО), а также, по возможности, и экономически. При этом до последнего времени Литва рассматривала военную угрозу со стороны России как крайне маловероятную, о чем говорят низкий приоритет оборонных расходов (менее 1% ВВП), а также переход к контрактному способу комплектования армии (при одновременном усилении роли добровольцев-резервистов).

Стойкость инерции негативного восприятия России (со стороны политической элиты) подтвердили парламентские выборы 2012 г., на которых победу одержала левоцентристская коалиция социал-демократов, Партии труда В. Успаских, Партии «Порядок и справедливость» бывшего президента Р. Пахсаса, а также Избирательной акции поляков Литвы. Эти партии традиционно высказывались в пользу конструктивно-прагматичного подхода в отношениях с Россией, и коалиционный договор говорил о необходимости «использовать геополитическое положение Литвы для сближения с новыми соседями и Россией», необходимости «перезагрузки» («perkrovimas») российско-литовских отношений, смотреть не в прошлое, а в будущее [10]. Однако на практике новое правительство существенных корректив во внешнеполитический курс не внесло. Учитывая неформальные особенности литовской политической системы, в которой вес института президента, особенно в сфере внешней политики, зависит от популярности, контроль за внешней политикой фактически остался в руках Д. Грибаускайте. Впрочем, в коалиционном соглашении 2012 г. о лидерстве не говорится, а приоритеты сформулированы следующим образом: «Поощрять и развивать региональное сотрудничество, укреплять образ Литвы как центра межрегионального сотрудничества. Создавать благоприятные условия для трехстороннего сотрудничества стран Балтии. Развивать стратегическое партнерство с Польшей. Инициировать создание и закреплять новые форматы регионального сотрудничества, объединяющие государ-

ства Северной, Центральной и Восточной Европы» [10]. Данные формулировки свидетельствовали о перефокусировке литовской внешней политики на Северо-Балтийский и Центрально-Европейский регионы.

К 2013 г. Литва в основном преодолела последствия глубокого экономического спада, взяла курс на присоединение к зоне евро (осуществлено 1 января 2015 г.). Одновременно она начинает ощущать все возрастающий спрос на критический взгляд в отношении России — на фоне завершения периода перезагрузки в российско-американских отношениях, углубления стагнации в отношениях России и Евросоюза, а также все более обостряющейся геополитической конкуренции на постсоветском пространстве. ЕС пытается расширить свое влияние в регионе, в том числе через приглашение к подписанию Соглашений об ассоциации ряда стран — Молдовы, Украины, Грузии, а также Армении. Определенная поспешность Брюсселя была вызвана не столько резко возросшей готовностью постсоветских стран к более глубокой интеграции с ЕС, сколько реакцией на активизацию Евразийской интеграции. На 2013 г. пришлось первое председательство Литвы в Европейском союзе, среди основных приоритетов которого было провозглашено Восточное партнерство. Имиджевым апофеозом председательства должно было стать подписание Соглашения об ассоциации ЕС — Украина на Вильнюсском саммите Восточного партнерства в ноябре 2013 г.

Председательство в ЕС было воспринято в Литве как шанс частичной реанимации концепции регионального лидерства. Как отмечает М. Шешелгите, «можно утверждать, что Восточное партнерство является специфическим приоритетом, по которому шансы достижения чего-то осязаемого для Литвы наиболее высоки... а неподписание Соглашения ассоциации может быть воспринято в Литве с разочарованием и отменить возможные достижения президентства» [9, р. 9]. Как известно, отказ украинского руководства от подписания Соглашения приводит сначала к революционному всплеску в Киеве, а потом — к затяжному конфликту на востоке Украины. Литовские политики — как от праволиберальных, так и левых партий активно выступают в поддержку Майдана, некоторые лично принимают участие в акциях протеста. Литовское руководство занимает позицию однозначной поддержки Киева, а президент Д. Грибаускайте отметилась крайне жесткими (в сравнении с риторикой других лидеров стран Балтии и ЦВЕ) заявлениями².

Конфликт на Украине позволил литовской политической элите легитимизировать рост военных расходов, начать дискуссию о возврате призывной армии и еще больше поднять значимость энергетической безопасности (содержанием которой является политизация экономиче-

² «Украина сегодня борется за мир во всей Европе, за всех нас. Если террористическое государство, которое осуществляет агрессию против своего соседа, не остановить, то агрессия может распространиться на Европу и дальше». Цит. по: *Грибаускайте* обещает помощь Киеву. BBC Украина. 24.11.2014. URL: http://www.bbc.co.uk/ukrainian/ukraine_in_russian/2014/11/141124_ru_s_gribauskaite_visit_to_kyiv (дата обращения: 01.03.2015).

ского сотрудничества в энергетической сфере), в том числе по вопросу строительства Висагинской АЭС (ВАЭС). Несмотря на результаты референдума (2012), на котором большинство литовцев выступили против строительства АЭС, плохо скрываемое нежелание Латвии и Эстонии соинвестировать в ВАЭС, а также отсутствие перспектив привлечения средств структурных фондов ЕС, литовские руководители (президент, премьер, министр энергетики) начали вновь прощупывать общественное мнение на предмет развития собственной атомной энергетики³. Представляется, что, несмотря на очевидные экономические, финансовые, технологические и экологические сложности, у проекта ВАЭС есть определенная перспектива. Во-первых, после остановки второго энергоблока Игналинской АЭС в 2009 г. Литва превратилась в крупного импортера электроэнергии, второго по объему покупателя российской энергии за рубежом (порядка 70% потребления). Во-вторых, существуют технологические возможности развития атомной генерации на базе инфраструктуры, оставшейся от ИАЭС. В-третьих, в контексте планируемой к 2025 г. (фактически это, вероятно, произойдет позднее) десинхронизации энергосистем стран Балтии от России и Беларуси (так называемой энергосистемы BRELL) ВАЭС может стать источником региональной базовой генерации. Наконец, в политическом плане к концу 2014 г. была решена задача диверсификации поставок газа — запущен плавучий терминал в Клайпеде. Таким образом, литовская элита может сформулировать новые задачи в сфере энергобезопасности.

Казалось бы, передовой опыт применения наиболее радикального варианта Третьего энергетического пакета, который в действительности позволил Литве добиться скидки на газ от Газпрома в размере 20% (впрочем, менее склонные к резким действиям Латвия и Эстония длительное время получали газ дешевле Литвы) [4], может стать подспорьем в контексте выстраивания регионального лидерства. Однако ряд обстоятельств вынуждают подвергнуть данный тезис сомнению: терминал СПГ не покрывает всей потребности страны и пока не привел к снижению цены для конечных потребителей (при том, что рассчитанная по формуле цена трубопроводного газа снижается вслед за нефтяными ценами); возрастают постоянные издержки на поддержание инфраструктуры и снижается привлекательность реализации других проектов в энергетической сфере, в частности, газовое соединение с Польшей (за что Вильнюс подвергался критике из Варшавы [6]); демонтируется каркас экономического взаимодействия в регионе Балтийского моря, в значительной степени базировавшийся на энергетическом фундаменте. Выход Газпрома из капитала литовских газотранспортных компаний может в результате привести к прекращению транзита газа через Литву в Калининградскую область как по экономическим сообра-

³ См., например: Глава Литвы вновь говорит о строительстве новой АЭС — электричество в России слишком дорогое. ИА Регнум. 22.01.2015 URL: <http://regnum.ru/news/1887276.html> (дата обращения: 14.03.2015).

жениям, так и в связи со снизившейся взаимозависимостью и возросшими рисками [2]. Таким образом, будет ослаблено влияние фактора калининградского транзита, традиционно служившего стабилизатором российско-литовских отношений.

Заключение

Стремление малых стран к повышению своего статуса и преодолению политико-экономической периферийности за счет реализации либо медиативных функций, либо лидерства в отдельных функциональных областях давно замечено политологами. На постсоветском пространстве ряд стран выказывали претензии на региональное лидерство, хотя реальные результаты, как правило, носили имиджевый характер.

В Вильнюсе верят, что ряд факторов дает Литве право претендовать на особую политическую роль. Во-первых, Литва (наряду с другими восточноевропейскими странами) обладают более глубоким уровнем экспертизы по вопросам политики России и стран постсоветского пространства. События на Украине 2014—2015 гг. используются в подтверждение правильности представлений Литвы о политике России. Во-вторых, у Литвы есть богатый опыт рыночной трансформации и демократических реформ, увенчавшихся вступлением в НАТО и ЕС, в которых страна «в состоянии оказывать влияние на формулирование целей общей внешней политики и безопасности» [8]. В-третьих, считается, что население Литвы настроено более проевропейски, нежели в среднем по Европе, и эту позицию успешно транслирует политическая элита: к примеру, Литва гордится тем, что была первой страной ЕС, ратифицировавшей Конституцию Европейского союза (Лиссабонский договор) [9, р. 3].

Казалось бы, более благоприятны и те факторы, которые ранее препятствовали реализации концепции регионального лидерства. Постепенно нормализуются отношения с соседними странами, в частности Польшей. Литва пытается реализовывать особый подход в отношениях с Беларусью. Экономический рост приобрел устойчивый характер, хотя говорить о наличии привлекательной внутренней модели развития было бы преувеличением. Председательство в ЕС позволило приобрести аппаратно-бюрократический опыт в рамках Евросоюза, а события на Украине подтвердили правильность того курса, который Литва избрала в отношениях с Россией. Политика на постсоветском пространстве направлена на капитализацию веса в ЕС («Росту влияния маленьких стран способствуют и такие моменты, как имидж и репутация государства. Накапливать данный "капитал" помогает последовательная проевропейская политика страны, ее способность передавать свой удачный опыт внешним партнерам и т. д.» [1]). Наконец, в пользу активности Литвы играет ее небольшой размер, позволяющий выдвигать инициативы, которые более крупные страны не могут реализовать от своего имени.

Однако, как представляется, развитие событий на Украине в среднесрочной перспективе в очередной раз высветит проблемные аспекты регионального лидерства Литвы, которое имеет субподрядный (трансляция лидерства и моделей развития более влиятельных центров силы), негативный характер (ослабление позиций влиятельного регионального игрока, вплоть до сдерживания), имеет узкую региональную повестку (часть постсоветского пространства). Военные действия на Украине и углубляющийся там социально-экономический кризис делают всё менее актуальными экономические реформы по европейскому образцу, не говоря уже о перспективах интеграции в трансатлантические структуры. Острая фаза геополитического соперничества ограничивает возможности малых стран, а однозначная поддержка только одной стороны обесценивает посреднический потенциал. В условиях возрастающего значения силового фактора в мировой политике позиции Литвы также не выглядят предпочтительными.

Кроме того, лидерство предполагает наличие ведущего и ведомых. Представляется, что постсоветские страны нельзя отнести в полной мере к ведомым странам, так как они, скорее, объект, нежели субъектом политики. Несмотря на активные усилия по выстраиванию оси Вышеградская группа — страны Балтии — Северные страны (V4/NB8), позиции данных государств по вопросу об отношениях с Россией и ситуации на постсоветском пространстве расходятся. Северные страны традиционно стремятся держать страны Балтии на определенной дистанции. Страны Вышеградской группы в последние годы пошли на нормализацию политических отношений с Россией, что было подкреплено и целым комплексом совместных экономических проектов. Остаются Латвия и Эстония, которые, несмотря на декларируемую поддержку постсоветских республик, реализуют в регионе крайне осторожную политику «низкой интенсивности», стремясь избежать ненужной напряженности как в отношениях с Россией, так и внутри своих стран (с учетом большой доли нетитульного населения). Это, однако, не означает, что Рига и Таллин готовы поручать Вильнюсу выполнять за них грязную работу. Балтийская солидарность носит весьма эфемерный характер, общность интересов в энергетической, транспортной и даже оборонной сфере весьма ограничена.

Список литературы

1. *Бруналас Б.* Лидерство Литвы в регионе: возможности маленьких стран ЕС. 27.06.2011. URL: <http://www.geopolitika.lt/?artc=4751> (дата обращения: 02.02.2015).
2. *Горлин Б.* «Балтийский СПГ» получит финансирование // Коммерсант. СПб., 2014. 21 нояб.
3. *Jurkinas M.* Has Lithuanian Foreign Policy Become Personalised? // *Diplomaatia*. No 80. 2010. URL: <http://www.diplomaatia.ee/en/article/has-lithuanian-foreign-policy-become-personalised/> (дата обращения: 01.03.2015).
4. *Kardas, Szymon.* The Tug of War. Russia's Response to Changes on the European Gas Market. Warsaw, 2014.
5. *Nekrašas, Evaldas.* Kritiniai nepamasttymai apie Lietuvos užsienio politika // *Politologija*. 2009. №2. P. 123—142.

6. Polish Foreign Minister says Lithuania cannot have both LNG terminal and gas pipeline to Poland. European Dialogue. 06.03.2013. URL: <http://www.eurodialogue.eu/energy-security/Polish-Foreign-Minister-says-Lithuania-cannot-have-both-LNG-terminal-and-gas-pipeline-to%20Poland> (дата обращения: 01.03.2015).

7. *Samoškaitė, Eglė. D. Grybauskaitė: šiandien Lietuvos lyderystė isikalbėta.* DELFI. It. 11 May, 2009. URL: <http://www.delfi.lt/archive/dgrybauskaite-siandien-lietuvos-lyderyste-isikalbeta-atnaujinta.d?id=22076134> (дата обращения: 05.03.2015).

8. *Światłowski Bartosz.* Andrius Krivas: Lithuania does not stand alone. Visegrad + Forum for Visegrad + Studies. 25.01.2015. URL: <http://visegradplus.org/opinion/andrius-krivas-lithuania-not-stand-alone/> (дата обращения: 01.03.2015).

9. *Šešelgyte, Margarita.* The First Leadership Test: What to Expect from the Lithuanian Presidency of the EU. European Policy Analysis. 2013. No. 13.

10. *Šešiolytis* vyrausybes 2012—2016 metu programa [Программа шестнадцатого правительства на 2012—2016 гг.]. 13.12.2012. URL: http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=439761 (дата обращения: 26.02.2015).

Об авторе

Леонид Александрович Карабешкин, кандидат политических наук, профессор, и. о. декана факультета международных отношений, Евроакадемия, Таллин, Эстония.

E-mail: leonid@euroakadeemia.ee

LITHUANIA'S LONELY LEADERSHIP 2.0

L. Karabeshkin*

Euroacademy, 4 Mustamäe tee, Tallinn, 10621, Estonia

Submitted on March, 19 2015

The article scrutinizes Lithuanian foreign policy within the framework of the regional leadership concept first introduced in the early 2000s. The reasons of failure of the first leadership attempt in 2004—2008 are analyzed, as are the reasons behind the revival of the concept in 2010 and onwards. While the overall economy seems to be on the mend and the relationships with the adjacent countries (Poland, mostly) are improving, Lithuanian leadership, argues the author, is still very much a subcontract one: it follows the model of “export democracy”, has a narrow agenda and is implicitly geared towards curtailing the influence of its eastern neighbor. The escalation of violence and further development of social and economic crisis in Ukraine make a European-style reform (where Lithuania is a self-proclaimed expert) even less relevant, and confrontational rhetoric towards Russia may lead to economic losses and contribute to rising political tension in the region.

Key words: Lithuania, foreign policy, regional leadership, Post-Soviet space, energy security, Russian-Lithuanian relations.

References

1. Brunalas, B. 2011, *Liderstvo Litvy v regione: vozmozhnosti malen'kih stran ES* [Leadership of Lithuania in the region maybe a little EU], available at: <http://www.geopolitika.lt/?artc=4751> (accessed 02.02.2015).
2. Gorlin, B. 2014, «Baltijskij SPG» poluchit finansirovanie ["Baltic LNG" will receive funding], *Kommersant SPb*, 21 November.
3. Jurkinas, M., 2010, Has Lithuanian Foreign Policy Become Personalised? *Diplomaatia*, no. 80, available at: <http://www.diplomaatia.ee/en/article/has-lithuanian-foreign-policy-become-personalised/> (accessed 01.03.2015).
4. Kardas, Sz. 2014, *The Tug of War. Russia's Response to Changes on the European Gas Market*, Warsaw, 54 p.
5. Nekrašas, E. 2009, Kritiniai nepamastymai apie Lietuvos užsienio politika, *Politologija*, no. 2, p. 123—142.
6. Polish Foreign Minister says Lithuania cannot have both LNG terminal and gas pipeline to Poland, 2013, *European Dialogue*, 6 March, available at: <http://www.eurodialogue.eu/energy-security/Polish-Foreign-Minister-says-Lithuania-cannot-have-both-LNG-terminal-and-gas-pipeline-to%20Poland> (accessed 01.03.2015).
7. Samoškaitė, E. 2009, D. Grybauskaitė: šiandien Lietuvos lyderystė įsikalbėta, *DELFI.lt*, 11 May, available at: <http://www.delfi.lt/archive/dgrybauskaite-siandien-lietuvos-lyderyste-isikalbeta-atnaujinta.d?id=22076134> (accessed 05.03.2015).
8. Światłowski B. 2015, Andrius Krivas: Lithuania does not stand alone, *Visegrad+ Forum for Visegrad+ Studies*. 25 January, available at: <http://visegradplus.org/opinion/andrius-krivas-lithuania-not-stand-alone/> (accessed 01.03.2015).
9. Šešelgyte, M. 2013, The First Leadership Test: What to Expect from the Lithuanian Presidency of the EU, *European Policy Analysis*, no. 13, 16 p.
10. Šešioliktos vyrausybes 2012—2016 metu programa, 2012, *Lietuvos Respublikos Seimo Kanceliarija*, available at: http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=439761 (accessed 26.02.2015).

About the author

Prof. Leonid Karabeshkin, Acting Dean of the Faculty of International Relations, Euroacademy, Estonia.

E-mail: leonid@euroakadeemia.ee

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

УДК 339.9

**ИНОСТРАННЫЕ
ИНВЕСТИЦИИ
В ГОСУДАРСТВАХ
ПРИБАЛТИКИ:
К ВОПРОСУ
О СОПЕРНИЧЕСТВЕ
РОССИЙСКОГО
И СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКОГО
КАПИТАЛОВ**

В. А. Оленченко*

Характер взаимоотношений российского и североевропейского капиталов мало исследован, в частности, требует дополнительного освещения вопрос конкуренции между ними. Особый интерес этот ракурс может представить на территориях, которые географически, исторически и культурологически близки как России, так и странам Северной Европы. Цель статьи — проанализировать, как происходит конкуренция между российским и североевропейским капиталами в сфере инвестиционной деятельности в Прибалтике. В научном плане исследование помогает лучше понять принципы деятельности российского и североевропейского капиталов в Прибалтике, а в практическом — регулировать их отношения. Методологически исследование строится на сравнении условий деятельности в Прибалтике российского и североевропейского капиталов. Анализ позволяет констатировать, что прибалтийский рынок большей частью контролируется североевропейским капиталом, который препятствует приходу в страны Балтии российских инвестиций. С научной точки зрения исследование дает основание сделать уточнения к теории освоения зарубежных рынков. Практические итоги видятся в том, что российский капитал получает представление о том, как предпочтительнее вести дела в Прибалтике.

Ключевые слова: российский капитал, страны Балтии, североевропейский капитал, инвестиции, теория освоения рынков, энергетика, банковский сектор, сектор недвижимости, региональное измерение, инвестиционный климат, Евросоюз

---

* Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук
117997, Россия, Москва, В-71,
ГСП-7, ул. Профсоюзная, 23

Поступила в редакцию 15.03.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-2-3

© Оленченко В. А., 2015

Введение

Анализ нынешнего состояния инвестиционного присутствия иностранного капитала в Прибалтике неизбежно приводит к констатации того, что конкуренция в этой сфере происходит в основном между российским и североевропейским капиталами.

Наиболее очевидно конкуренция проявляется в сфере энергетики, где североевропейцы настойчиво стремятся потеснить российские позиции. Жесткое сопротивление российскому капиталу со стороны североевропейского наблюдается в финансовом секторе (банковский, страховой бизнес, лизинг, пенсионные фонды). Здесь североевропейцы, используя традиционные и скрытые формы конкуренции, препятствуют расширению российских инвестиций и одновременно пытаются подавлять активность уже имеющихся объектов российских инвестиций. Любопытная ситуация сложилась на рынке недвижимости (главным образом сектор жилья) Прибалтики, где продавцами прибалтийской недвижимости чаще всего выступают североевропейские компании, а среди покупателей преобладают представители России. Такие сделки приносят прибыль североевропейскому бизнесу, но увеличивают объем российских активов в сфере недвижимости в Прибалтике. В данном случае страны Балтии выступают пространством бизнеса между североевропейским и российским капиталами.

Речь идет о прямых инвестициях. Что касается портфельных, то здесь не приходится говорить о какой-либо заметной конкуренции, так как и организационно и фактически североевропейский капитал в Прибалтике в этом сегменте добился практически полной монополии, не оставляя значимого места не только российскому, но и никакому другому иностранному капиталу.

Если говорить о современных тенденциях, то факты и статистика свидетельствуют, что североевропейский капитал в последние 15 лет более результативно, чем российский, осваивает прибалтийское инвестиционное пространство. Более того, усиление роли и значения североевропейского капитала происходит в основном за счет завоевания позиций, ранее принадлежавших российскому капиталу.

Концептуальные предпосылки соперничества

Столкновение российских и североевропейских интересов в Прибалтике имеет глубокие исторические корни и вполне естественно, что оно должно было получить свое сегодняшнее продолжение — на этот раз в форме конкуренции капиталов. Концептуально противостояние российского и североевропейского капиталов в Прибалтике научно обосновано. Так, исследования (Р. Вернон, США; Я. Юхансон, Уппсальская школа, Швеция) по интернационализации капитала, то есть освоения им международных рынков констатируют, что география этого процесса начинается преимущественно с территорий, близких по

культурно-историческому развитию [1, с. 36—42]. В этом смысле Прибалтика выступает равноценно комфортной и для российского и для североευропейского капиталов и вполне понятно, что и тот и другой охотно устремляются в прибалтийское пространство, рассматривая его наиболее близким себе [2, с. 140]. Безусловно, следует учитывать дифференциацию каждой из прибалтийской республик, вытекающую из особенностей их исторического развития. Так, Эстония идентифицирует себя с родственной Северной Европой, и здесь в чистом виде присутствует конкуренция между российским и североευропейским капиталами. В Литве соперничество между российским и североευропейским капиталами «разбавлено» присутствием польского и белорусского капиталов. В Латвии — до недавних пор проявлял активность германский капитал, который постепенно уходит с латвийского рынка в пользу североευропейского капитала, оставляя поле конкуренции для последнего и российского.

На этом фоне не может не обращать на себя внимание и то, что систематическому обострению отношений России с прибалтийскими республиками зачастую предшествует «наступление» североευропейского капитала на российские позиции в Прибалтике. Более того, рождается гипотеза того, что поддержание и культивирование хронической конфликтности российско-прибалтийских связей может происходить не без помощи североευропейских стран. Кажется, в большинстве случаев североευропейцы могут выступать регулятором этого процесса, имея целью создание для российского капитала недружественного инвестиционного климата, а следовательно, генерирование дополнительных конкурентных преимуществ для себя, тем более что в настоящее время североευропейский капитал занимает доминирующее положение на прибалтийском рынке.

Особенности становления североευропейского капитала в Прибалтике

После обретения государственной независимости в начале 90-х гг. XX в. страны Балтии, как и другие страны постсоциалистического пространства, приступили к переводу своих экономик с социалистического уклада на рыночные условия. Формирование рынка, естественно, привлекло внимание иностранного капитала. В силу географических и исторических традиций им оказался в основном североευропейский капитал, то есть отчетливо проявилась отмеченная выше закономерность стремления капитала осваивать наиболее близкие ему в культурном отношении территории [1]. Что касается профиля капитала, то ведущим среди прочих выступил финансовый капитал, происходящий в основном из Швеции¹.

Североευропейский капитал первое время придерживался тактики поэтапного освоения рынка, приобретая небольшие доли у местного

---

¹ Финансовые группы SEB и Swedbank.

капитала, постепенно наращивая и расширяя их, но избегая публичности. В результате, к примеру, к концу 90-х гг. XX в. группе SEB в Литве принадлежал на 95% самый крупный местный банк «Вильняус банкас», но новые владельцы сознательно сохраняли его литовское название и позиционировали как банк национального капитала. В равной мере это относится к другому прибалтийскому банку — «Ханса банк», созданному в Эстонии местными предпринимателями, у которых его перекупила группа Swedbank, также предпочитавшая оставаться инкогнито.

Поведение североевропейцев мотивировалось рядом обстоятельств. Учитывалось, в частности, то, что прибалтийское население недоверчиво по своему менталитету и при прочих равных отдает предпочтение национальному. Кроме того, прибалтийские предприниматели сумели убедить североевропейцев в том, что обладают исключительным опытом ведения дел в России, и поэтому североевропейский капитал в 90-х гг. XX в. появлялся в России и развертывал свою деятельность под видом прибалтийских банков и компаний. Вследствие этой комбинации в России сложился имидж прибалтийских банков как надежных и авторитетных. Позже североевропейцы, когда освоились на прибалтийском и российском рынках, отказались от такой практики и обнародовали свои действительные бренды, под которыми они теперь представлены в России. Вместе с тем прибалтийские предприниматели продолжают эксплуатировать возникший имидж их повышенной деловой репутации и, опираясь на него, популяризируют среди российского населения привлекательность национальных прибалтийских кредитных и в целом деловых организаций. В определенной мере их пиар находит отклик среди россиян, которые размещают свои деньги в прибалтийских банках, несмотря на то, что периодически некоторые из них оказываются банкротами или подвергаются санации. К примеру, банк Snoras в Литве или банк Citadele в Латвии.

Энергетика

Сегодняшняя экономическая повестка Прибалтики насыщена, а точнее, перенасыщена разнообразными энергетическими проектами. Это соединение энергокабелями Финляндии и Эстонии (Estlink-1, Estlink-2), Швеции с Литвой и Латвией (NordBalt), создание терминалов по приему сжиженного газа (Латвия — Лиепая, Литва — Клайпеда, Эстония — Мууга, Палдиски) и сооружение газопровода между Польшей и Литвой (LitPol).

Даже простое перечисление проектов порождает вопрос о том, насколько они нужны странам Балтии в практическом плане. В этой связи просматривается ряд мотивов, которыми можно было бы объяснить прибалтийскую активность в формировании такого числа энергетических проектов, чья суммарная мощность превышает масштабы национальных потребностей.

Первый мотив — наиболее понятный — создать независимый источник энергии для промышленных и хозяйственных нужд. Эта по-

требность поддается измерению, поскольку можно подсчитать, сколько потребляется сейчас и, возможно, будет потребляться в будущем. Видится двойная польза — экономия средств, расходуемых сейчас на импорт энергии, и направление их на другие цели, в частности для устранения возможных препятствий, сдерживающих расширенное воспроизводство. Очевиден и критерий целесообразности затрат на реализацию проекта в виде цены единицы энергии. Если себестоимость производства единицы энергии будет ниже цены импортируемой энергии, то проект — рентабелен, если же выше, то это будет означать снижение конкурентоспособности производимых товаров, то есть конечный результат окажется обратным ожиданиям. Однако производственный мотив в настоящее время не столь актуален для стран Балтии, где, по оценке экспертов, отмечается деиндустриализация, вызванная выравниванием прибалтийских национальных экономик со сложившейся в Евросоюзе структурой разделения труда.

Второй мотив — повысить инвестиционную привлекательность страны за счет дешевых источников энергии. В случае со странами Балтии значение цены энергии как компонента инвестиционной привлекательности имеет исключительное значение, так как другие компоненты улучшению не поддаются. К примеру, такой компонент, как природные ресурсы, не может быть искусственно восполнен, поскольку Прибалтика не располагает полезными ископаемыми, которые по своему составу или количеству могли бы заинтересовать серьезных инвесторов. Нельзя считать Прибалтику привлекательной и с точки зрения рабочей силы. Традиционно основу квалифицированной рабочей силы здесь составляли специалисты из других советских республик, большая часть которых после обретения прибалтийскими республиками независимости, вернулась на родину или эмигрировала. Прибалтам с трудом удастся преодолеть этот стереотип, и пока коренное население может сейчас претендовать в странах ЕС в основном на статус неквалифицированной рабочей силы.

Третий мотив — производство энергии с целью ее возможного экспорта. На настоящий момент объективные условия реализации существуют, так как прибалтийские республики в бытность в Советском Союзе были включены (закольцованы) в единую советскую электросеть, позволявшую оперативно и в любых размерах перебрасывать электроэнергию из одной части СССР в другую. Схема пока работает и в случае сбоя Прибалтика в течение нескольких минут (доказанное время 3—5 минут) получает электроэнергию из России или Белоруссии. После отключения, чего добиваются местные власти, прибалтийские республики действительно окажутся в энергетической изоляции, обусловленной в том числе их географическим положением. Следовательно, вопрос об экспорте как обмене электроэнергией с Россией и Белоруссией потеряет свой смысл.

Четвертый мотив — возможность получения выгоды и дохода за счет транзита энергии. Здесь возможны два варианта. Один транзит между прибалтийскими республиками, имеется в виду приграничье, и

второй — в Польшу и североевропейские страны и получение выгоды. В настоящее время прибалтийские страны примеряются к национализации путепроводов и линий электропередач, имеющих на их территории, с целью обеспечить себе устойчивый доход на будущее.

Любопытно, что прибалтийские должностные лица в публичных заявлениях по энерготематике не обращаются ни к одному из перечисленных мотивов, а делают упор на том, что все предлагаемые ими проекты подчинены одной главной цели — освобождению от энергетической зависимости от России.

Лозунг преодоления энергозависимости

Термин «энергозависимость» введен в оборот относительно недавно — в 90-х гг. XX в. и первоначально предназначался для стран Балтии, обретших государственную самостоятельность в тот период, но якобы продолжавших испытывать подчиненность России в связи с сохранявшимися двусторонними хозяйственными связями, что особенно было заметно в части объемов экспорта в Россию прибалтийской сельскохозяйственной продукции и объемов импорта российских энергоносителей: природного газа и электроэнергии. Термин адресовался к странам Западной Европы и его лейтмотивом служил призыв помочь прибалтийским республикам сохранить свою идентичность, предоставив им, в частности, членство в Евросоюзе. Усилиями западных политиков термин прижился и несколько позже стал применяться расширительно для характеристики в целом отношений России и Евросоюза в части поставок российских углеводородов в Европу. В настоящее время приобрел характер одного из основных лозунгов отношения к России со стороны западных партнеров и имеет исключительно антироссийский ракурс.

Интересно, что среди базовых экономических терминов, представляемых академическими профильными словарями, понятие «энергозависимость» не встречается. Выяснение этимологии слова дает основание полагать, что источником происхождения термина «энергозависимость» является биология, где он обозначает взаимное потребление энергии разными объектами в форме обмена как условие жизни. Аналоги в романских языках, прежде всего английском, выражаются словом *volatility*, которое переводится как изменчивость, непостоянство, неустойчивость. Видимо, термин понравился тем, что таким образом можно презюпцировать Россию как ненадежного партнера.

Даже если отвлечься от антироссийского содержания термина «энергозависимость», то тем не менее просматриваются два его серьезных изъяна, ставящих под сомнение обоснованность его применения в экономической теории и практике. Первый изъян видится в том, что энергоносители как выразитель энергозависимости не рассматриваются как товары, каковыми они в действительности являются, а как некая величина, порождающая зависимость. Второй изъян заключается в том, что

термин дезориентирует производителей и потребителей, которым внушается, что последние вступают не в отношения товарного обмена с поставщиками энергоносителей, а в какую-то опасную связь с непредсказуемыми последствиями.

В практическом же плане следует констатировать, что в каждой из прибалтийских республик основой генерации энергетики служат разные объекты: в Латвии — гидроэлектростанции на р. Даугава, в Литве — до недавнего времени Игналинская АЭС (70% всего потребления), в Эстонии — тепловые электростанции, использующие в качестве топлива местный сланец (около 50% всего потребления). Как видим, ни один из названных источников энергии не связан с Россией.

Отмечается и различие подходов к реализации лозунга освобождения от энергозависимости от России. К примеру, литовское политическое руководство долгое время строило планы по сооружению в Литве атомной электростанции (АЭС), которую предполагалось построить на месте Игналинской АЭС, выведенной из рабочего состояния по требованию Евросоюза с 1 января 2010 г. Швеция и Финляндия, также поддерживающие прибалтийские республики в их намерении преодолеть энергозависимость от России, продвигают иной подход: они реализуют идею переподключения энергосистем Балтии к шведским и финляндским источникам генерации электроэнергии, имея в виду в основном свои национальные АЭС.

Можно под энергозависимостью понимать влияние стоимости энергоносителей на конечную цену для потребителей энергии в Прибалтике как для промышленности, так и домохозяйств. В этом случае придется констатировать, что замещение поступления электроэнергии из России, к примеру, источниками из Финляндии (Estlink-1) характеризовалось почти удвоением цены электроэнергии для домохозяйств Эстонии с 0,0288 евро за кВт в 2007 г. до 0,0488 — в 2014 г. [3].

Если принять постоянно тиражируемый тезис об энергозависимости как истинный, то тогда возникает вопрос о том, где пределы энергозависимости, то есть до каких границ страна может прибегать к поставкам энергии из России, не опасаясь попасть в зависимость. Авторы и популяризаторы тезиса не приводят таких цифр и избегают рекомендаций по оптимальному поведению, утверждая, что решение должно носить радикальный характер, то есть эффективность достигается лишь при отказе от импорта энергоносителей из России. Другими словами, странам импортирующим углеводороды и электроэнергию из России, дают понять то, что любое соприкосновение с Россией опасно — это как носитель вируса, с которым лучше всего избегать контактов.

Попробуем за авторов найти границы энергозависимости. В качестве ориентира можно было бы взять нормативы применения в ЕС возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Они кажутся наиболее подходящими, так как крайне трудно прогнозировать их надежность, поскольку речь идет о природных стихиях, не подвластных человеку. Каждый элемент ВИЭ — солнце, ветер, вода — могут повести себя в любой момент непредсказуемо и соответственно поступление генерируе-

мой им энергии необходимо будет их замещать надежными источниками. Под этим углом зрения можно провести определенные параллели с лозунгом энергозависимости. Евросоюз до недавних пор ставил странам-членам задачу довести долю ВИЭ в балансе национального потребления электроэнергии до 20%, а по итогам октябрьского 2014 г. саммита ЕС этот «потолок» может быть повышен до 40%.

Приведенные нормативы можно с определенной долей условности считать восприятием в Евросоюзе оптимальных границ энергозависимости, гарантирующих стабильность экономического функционирования. Сравним их с долей российских углеводородов в общем импорте энергоносителей в Евросоюз. Она находится на уровне 34%, что вписывается в параметры гарантированной энергозависимости ЕС и, следовательно, не должно вызывать беспокойства. Однако это — наши рассуждения. Авторы же лозунга энергозависимости не приводят свои расчеты в части границ его применения, что лишает вопрос возможности конкретной полемики и предметного обсуждения.

В целом анализ свидетельствует, что лозунг энергозависимости стран Балтии от России не имеет твердых оснований, носит искусственный характер и его основное назначение просматривается в том, чтобы российских поставщиков энергоносителей заместить североευропейскими, а в Литве еще и польскими.

Банковский сектор

Североευропейский финансовый капитал за последние два десятилетия сумел масштабнo обустроиться на прибалтийском финансовом рынке, взяв почти под полный контроль банковский сектор Латвии (более 60%), Литвы (около 70%), Эстонии (более 80%)².

Первоначальным направлением его экспансии в Прибалтике было распространение ссудного капитала в виде агрессивного предоставления кредитов местным предпринимателям и домохозяйствам. По экспертной оценке, в настоящее время суммарный частный долг стран Балтии исчисляется 60 млрд дол., процент с которых обеспечивает североευропейским кредиторам устойчивый доход, рассчитанный на долгосрочную перспективу.

Дальнейшая экспансия североευропейского капитала выразилась в развертывании на прибалтийском рынке страховых, лизинговых, консалтинговых компаний, пенсионных фондов из Северной Европы, которые тесно связаны между собой устойчивыми деловыми связями и взаимным проникновением капиталов.

В этих условиях попытки российского капитала выйти на прибалтийский рынок финансовых услуг в своем большинстве оказались безуспешными. Так, не сумела долго продержаться на рынке российская страховая компания РЕСО — ей были предъявлены претензии в ненадлежащем выполнении местного законодательства. Действительная при-

---

² Процент североευропейских банков в национальном банковском секторе.

чина заключалась в том, что компания отвлекала на себя заметную часть клиентуры из числа русскоговорящего населения Прибалтики. В Литве в 2011 г. был национализирован банк Snoras, контролировавшийся капиталом российского происхождения. Он составлял конкуренцию северо-европейским банкам тем, что обладал самой разветвленной сетью отделений, равномерно распространенной по литовской территории. После национализации сеть была передана северо-европейским банкам, более 50% которой досталась лидеру финансового сектора Литвы шведскому банку SEB.

Доминирование северо-европейского капитала на прибалтийском финансовом рынке не является темой табу в странах Балтии и обсуждается на экспертном уровне, в общественно-политических кругах. Сложилась прослойка населения (можно характеризовать ее как северо-европейское лобби), которая финансовый и в целом экономический патронаж стран Северной Европы над Прибалтикой рассматривает как существенный и серьезный позитив.

Их аргументация сводится к тезису того, что в условиях продолжающихся последствий глобального кризиса 2007—2009 гг., кризиса в зоне евро, приобретшего публичный характер весной 2010 г., сохраняющейся турбулентности в мировой экономике, экономическая интеграция со странами Северной Европы, прежде всего Швецией и Финляндией, хотя неофициальная, но практическая может служить своего рода гарантом экономической стабильности Прибалтики.

Этот тезис обоснован, если воспринимать Швецию и Финляндию и в целом северо-европейские страны как факторы, не подверженные изменениям и всегда несущие положительное воздействие. Однако ретроспектива и текущие события не дают веских оснований так считать. Швеция и Финляндия в начале 90-х гг. пережили масштабные национальные экономические кризисы, и некоторые эксперты допускают, что выход их из кризисного состояния был достигнут в том числе за счет доходов северо-европейского капитала, полученных в ходе экспансии в Прибалтике.

В настоящее время центробанки Дании, Швеции стали применять отрицательную учетную ставку, а Финляндия приступила к выпуску облигаций с отрицательным доходом³. Оба факта означают, что перечисленные страны сталкиваются с трудностями стимулирования экономического развития. В этом случае разносторонние экономические связи Северной Европы и Прибалтики становятся каналом быстрого и масштабного распространения кризисных явлений и на оба региона. А почему должно быть иначе, если их связывает плотная интеграция? Тем не менее уместен риторический вопрос: обладают ли страны Балтии каким-то механизмом ограждения от потенциального северо-европейского экономического негатива? Видимо, прибалтийские политики и экономисты, главным образом те, которых можно отнести к государ-

³ В Европе четыре страны прибегают к такой практике: Дания, Швейцария, Швеция, Финляндия. Из них три относятся к северо-европейским странам.

ственным, задумываются о профилактических мерах, но реально на данный момент им нечего противопоставить североамериканскому лобби в Прибалтике, которое глубоко и разносторонне присутствует в прибалтийской политике и экономике.

Сектор недвижимости

Обустройство североамериканских финансовых групп на прибалтийском рынке в настоящее время обрело характер широко разветвленной финансовой структуры, включающей в том числе агентства по торговле недвижимостью, которые, как правило, аффилированы с ведущими североамериканскими банками.

В рамках этой структуры складывается схема торговли недвижимостью, в которой покупателями выступают российские инвесторы, а продавцами североамериканские профильные компании. Особенность схемы заключается в том, что Прибалтика становится просто местом совершения сделок между российскими инвесторами и североамериканскими предпринимателями.

Так, денежные средства российских инвесторов в недвижимость практически не перемещаются в пространстве, а просто меняют своего владельца. К примеру, российский инвестор делает депозитный вклад в одном из действующих в Прибалтике банков. Скорее всего, это будет SEB или Swedbank. При намерении обзавестись собственностью в одной из стран Балтии этот инвестор обращается за консультацией к действующим на прибалтийском рынке агентствам, которые в своем большинстве принадлежат указанным североамериканским банкам. Последние, располагая достоверной информацией о платежеспособности клиента, имея в виду, что им известен масштаб его финансовых возможностей, то есть объем его сбережений в этих банках, подбирают ему варианты собственности, исходя из сумм, условий и информации о том, насколько он заинтересован и как может быстро конвертировать размещенные средства в недвижимость. Под конкретные обстоятельства формируются схемы, побуждающие клиентов действовать именно по выгодному для банка сценарию.

Рассматривать уязвимые места российских инвесторов можно и в более широком плане. Так, не секрет, что большая часть российских средств, пригодных для инвестиций, концентрируется в офшорных территориях. Главным их изъяном выступает то, что сведения об этих средствах и намерениях их применения зачастую становятся известны в западном банковском сообществе. Наиболее наглядный пример — санация кипрского банковского сектора Евросоюзом в 2013 г. Следовательно, надо исходить из того, что в большинстве случаев инвестиционные намерения российского офшорного капитала становятся известными конкурентам задолго до того, как они обретут какой-то конкретный вид.

Для наглядности гипотетически представим себе ситуацию, что, к примеру, известный банк JP Morgan Stanley разместил бы средства в российских банках и под российской юрисдикцией и одновременно го-

товился бы к инвестициям на российской территории или в отношении российских активов. Ответ на вопрос, кто обладал бы в этой ситуации преимуществами в борьбе за активы — JP Morgan Stanley или его российские конкуренты, кажется более чем понятным. Остается только примерить такую же схему к отношениям между российским инвестиционным капиталом в Прибалтике и действующими там североευропейскими финансовыми компаниями и банками.

Инвестиционный климат

Применительно к России инвестиционный климат в Прибалтике формируется двумя группами факторов. Первая — это местные власти, которые законодательно и практически его регулируют. Так, 90-е гг. XX в. и 2000-е отличаются повышенной конфронтационностью стран Балтии по отношению к России. Она носит систематический характер, выражается в пристрастном суждении о российской внутренней и внешней политике и в амбициозных попытках предъявлять претензии России по вопросам, не имеющим прямого отношения к Прибалтике.

Из их числа наиболее ярким примером может быть нынешняя ситуация на Украине и вокруг нее. Страны Балтии, активно поддержавшие санкционный режим в отношении России и Евросоюза, относятся к той небольшой группе стран, которые не только выступают за сохранение санкций в отношении России, но и настаивают на их ужесточении.

Те, кто заинтересован в поддержании напряженных отношений между странами Балтии и Россией, стремятся придать их нынешней конфронтационности характер традиционного состояния российско-прибалтийских отношений. Однако здесь достаточно отчетливо просматривается разделительная линия между нынешним прибалтийским руководством и населением. Так, руководители Латвии, Литвы, Эстонии выбрали стержнем внешней политики своих стран русофобию. Итоги же недавних избирательных кампаний в Прибалтике показывают, что электорат отдает предпочтение тем партиям, которые выступают за нормализацию отношений с Россией и поддержание с ней добрососедских отношений. Так, на президентских выборах в мае 2014 г. литовский президент Д. Грибаускайте, которая олицетворяет антироссийский уклон в политике Литвы, смогла переизбраться только со второй попытки при минимальном перевесе. В Латвии на парламентских выборах в ноябре 2014 г. наибольшее число голосов набрала партия «Согласие», выступающая за равноправный диалог с Россией. В Эстонии на парламентских выборах в марте 2015 г. подтвердила свою популярность Центристская партия, придерживающаяся того, что российский вектор должен быть неотъемлемой частью эстонской внешней политики.

Вторая группа факторов формирования инвестиционного климата в Прибалтике имеет североευропейское происхождение. Так, атмосферу неприятия России поддерживают и североευропейские банки в Прибалтике. Большей частью это происходит в завуалированной форме, в частности в виде регулярно распространяемых в странах Балтии на мест-

ных языках банковских бюллетеней об экономической конъюнктуре в регионе. Как правило, в них есть отдельный раздел, посвященный России, который обычно выдержан в негативных тонах⁴.

Дополнительным фактором усиления влияния североевропейского капитала на функционирование литовского финансового рынка стало недавнее учреждение института финансового рынка Литвы (*Lietuvos finansų rinkų institutas (LFRI)*) [4]. Состав его участников любопытен тем, что здесь, как и в целом в финансовой сфере Прибалтики, преобладают представители североевропейского капитала, которые олицетворяют основные сегменты финансового рынка: банки, инвестиционные фонды, консалтинговые услуги в сфере финансов, фондовую торговлю⁵[5].

В качестве основной миссии института, которому, судя по всему, придаются некоторые координационные функции, названа разработка рекомендаций по укреплению сложившихся рамок рынка. Примечательно, что отсутствуют ссылки на конкуренцию как двигатель бизнеса и не говорится о стагнации рынка в результате его монополизации. В этой связи интересен проект института по изданию справочника по литовскому финансовому рынку (*Baltic Financial Markets Handbook*), который должен, по замыслу авторов, формировать представление о рынке, выгодное учредителям. Закрепление тем подготовленного справочника за учредителями может служить подсказкой специализации североевропейских финансовых учреждений на литовском и, возможно, в целом на прибалтийском рынке [4].

Логично, что участники-учредители института генерируют и реализуют идеи, укрепляющие и расширяющие конкурентоспособность североевропейского капитала в Прибалтике, то есть усиливают статус прибалтийского финансового рынка как части внутреннего финансового рынка Северной Европы. Такого ориентира, в частности, придерживаются шведские финансовые группы, доминирующие в странах Балтии.

В целом обращение североевропейцев с прибалтийским рынком как сегментом внутреннего рынка Северной Европы можно рассматривать как своего рода гарантийное свидетельство для североевропейских инвесторов, а можно понять одновременно и как предупреждение для иностранных инвесторов, не относящихся к североевропейскому ареалу.

Значение опыта конкурентного противостояния

Российский и североевропейский капиталы, представленные в странах Балтии, обладают разным опытом преодоления конкурентного сопротивления при работе на зарубежных рынках. Первое разделяющее их обстоятельство — сроки функционирования компаний, другое — навыки освоения внешних рынков, третье — имиджевое воздействие.

⁴ Банки SEB, Swedbank, Nordea.

⁵ Swedbank, DNB, SEB, Nordea, fondus «Lords LB Asset Management», Baltcap, Litcapital, bendroves «Neries investicijos», KPMG, Opus Capita, Nasdaq OMX Baltic, Gild Coporate Finance ir Sorainen.

Так, ведущий шведский банк Swedbank — один из главных участников прибалтийского финансового рынка, датирует свое появление 1820 г. [6]. Другой активный участник рынка стран Балтии — финляндский банк Nordea ведет отчет своей деятельности также от 1820 г. [7]. В этом отношении российские банки в Прибалтике явно находятся в не равном положении. К примеру, российский СМП Банк, действующий в Латвии, зарегистрирован 11 апреля 2001 г. [8]. Дистанция в опыте между шведскими и российскими банками, представленными в Прибалтике, — 191 год, в этом свете обретение СМП Банком доли прибалтийского рынка можно расценить как комплимент банку.

В части навыков освоения внешних рынков привлекает внимание то, что они вытекают, к примеру, у шведских банков в большей части из опыта деятельности на внутреннем рынке. Так, особенностями шведской экономики выступает жесткое государственное регулирование, направленное на обеспечение полной занятости и выравнивание доходов. Соответственно можно предполагать формирование и совершенствование шведскими компаниями навыков последовательного и настойчивого преодоления государственного влияния с целью постоянного улучшения своих позиций. Эти навыки при экспансии на рынке Прибалтики оказались конкурентным преимуществом шведов, которые сумели, если не сказать, что подавить прибалтийский госаппарат, то создать во всяком случае условия для беспрепятственного проведения своих интересов. Российский же капитал, объективно оценивая его деятельность за рубежом, пока полностью не овладел навыками успешной конкурентной борьбы на внешних рынках.

Что касается влияния имиджа капитала, то в новой истории, к примеру, шведский капитал ассоциируется для большинства с понятием «шведская модель», что считается тождественным стабильности и процветанию. Долгое время (с 1936 г.) она воспринималась как срединное явление между социализмом и капитализмом и этим была привлекательна для стран Балтии, искавших пути перехода от социалистического хозяйствования к рыночной экономике. Отказ в мировой практике от традиционного противостояния между идеологиями социализма и капитализма привел к тому, что образ шведской модели оказался размытым и затрудненным для восприятия, но привлекательности не потерял [9]. Образ российского капитала подвергается постоянному деформированию, генерируемому западными СМИ: то его обвиняют в связях с криминальным миром (начало 90-х гг. XX в.), то в отсутствии стабильности (конец 90-х), то государственной зарегулированности (первая половина 2000-х), то в коррумпированности (вторая половина 2000-х), то в изолированности и агрессивности (текущий момент).

По всем трем показателям — сроки присутствия на рынке, навыки конкурентной борьбы, общий имидж — российский капитал выглядит менее конкурентоспособным, чем североευропейский. Резерв улучшения ситуации видится в инвестировании российским капиталом средств в улучшение имиджа и внимательном изучении методов деятельности конкурентов.

Различия региональных подходов

Концептуально североевропейцы считают себя лидером в регионе Балтийского моря и претендуют на то, чтобы формировать здесь политику и патронировать ее проведение в жизнь. Свое особое положение в регионе они аргументируют статистикой ВВП. По их данным, с которыми частично солидаризуется Евросоюз, на североевропейские страны приходится почти 60 % ВВП региона Балтийского моря, на северные районы Германии и Польши — соответственно 14,5 и 5 %, районы Северо-Западного федерального округа России — 14 %, страны Балтии — 7 %. Понятно, что такая методика расчета условна и вызывает вопросы, в частности, почему североевропейцы оперируют данными своих национальных ВВП, а в отношении других государств Балтийского моря, за исключением стран Балтии, — только прибрежными территориями? Внятных объяснений североевропейцы не дают, но продолжают активно пользоваться данной методикой [10, с. 39].

Характерно, что Швеция и Финляндия — наиболее близкие географически Прибалтике и России — придерживаются следующей тактики. Идея того или иного регионального балтийского формирования обычно дискутируется без привлечения России. Без ее участия формируются механизмы деятельности объединения. Не поступает приглашения России принять участие и в институализации объединений. Когда же объединения становятся субъектом международного права, России предлагают кооперироваться с ними в том или ином виде, вплоть до присоединения. Естественное желание России при этом обозначить, а тем более отстаивать свои национальные интересы интерпретируются для общественного мнения как обычное российское противопоставление себя западному сообществу. В качестве примеров можно указать программу «Северное измерение», Стратегию для Балтийского региона [10, с. 40—45].

В этом контексте североевропейские амбиции на экономическое доминирование в Прибалтике предстают как часть их общебалтийской стратегии лидерства. Более того, шведские финансовые группы (Swedbank, SEB) классифицируют страны Балтии как сегмент своего внутреннего рынка (home market) [6]. Вторая по национальной значимости финляндская финансовая группа OP-Pohjola Group исходит из того, что Финляндия и Эстония являются единым рынком [11]. Приведенные подходы не представляют собой секрета, однако официальные власти Латвии, Литвы, Эстонии публично не отвергают такую постановку вопроса, то есть фактически признают ее обоснованность. Соответственно для иностранных инвесторов правомочен при размещении инвестиций в Прибалтике вопрос о факторах регулирования прибалтийского рынка и формирования на нем условий для свободной конкуренции.

Что касается России, то в отношении прибалтийских республик традиционен термин «приграничное сотрудничество». Имеется в виду, что экономические интересы прибалтийских республик не отличаются большой географической глубиной и зачастую исчерпываются регио-

нами, включенными в российский Северо-Западный федеральный округ. Так, такие ориентиры предлагаются для развития отношений с Латвией, которая чаще, чем Эстония, и тем более Литва, демонстрирует на российском направлении подходы, основанные на прагматизме (см., к примеру, выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Латвии Э. Ринкевичем. Москва, 12 января 2015 года) [12].

Значение Евросоюза

Внешняя политика стран Балтии после обретения ими независимости в начале 90-х гг. XX в. была подчинена задаче присоединения к Евросоюзу, что произошло в мае 2004 г. В рамках Евросоюза прибалтийские республики сразу стали блокироваться и блокируются по настоящее время с теми странами-членами, у которых идея политического диалога с Россией и развития с ней экономического партнерства не вызывает энтузиазма.

Более того, страны Балтии и Польша предпринимали активные усилия по насаждению в целом в Евросоюзе атмосферы недоверия к России и неприятия ее в качестве добросовестного экономического партнера. В этом русле ими продвигался тезис о том, что страны-члены Евросоюза должны проводить единую политику в отношении России, предлагая в качестве основы конфронтационность и создание препятствий для российской политики по развитию отношений с Евросоюзом. Наиболее рельефно это проявилось при реализации проекта «Северный поток» по доставке газопроводом по дну Балтийского моря российского природного газа в Западную Европу. Российским инвестициям в рамках данного проекта противопоставлялась сомнительная альтернатива в виде прибалтийско-польского проекта газопровода с месторождений на Кавказе в Европу (проект «Набукко») с расчетом, что он через Польшу выйдет на Литву, оттуда в Латвию и Эстонию, а затем — в Финляндию. Страны Балтии и Польша при поддержке североευропейских стран настаивали на том, чтобы их проект был бы принят в Евросоюзе в качестве одного из главных и первоочередных инфраструктурных проектов. Авторы идеи надеялись таким образом лишить проект «Северный поток» политической и экономической целесообразности.

Аналогичную политику прибалтийские республики проводили в отношении российских инвестиций и в рамках своих национальных территорий. Здесь руководство Латвии, Литвы, Эстонии не только препятствовало российским инвестициям, но и стремилось изменить право собственности российских активов в свою пользу. Наглядным примером может служить отношение прибалтийских стран к применению директивы ЕС 2009/73/ЕК (так называемая «газовая директива») по разделению производителей газа, транзитеров газа и поставщиков конечному потребителю. Директива содержала изъятие для стран Балтии и Финляндии, которые квалифицировались как изолированный рынок и им позволялось применять нормы директивы в добровольном порядке.

Кроме того, после принятия директивы (03.09.2009 г.) отводилось 18 месяцев на адаптацию, то есть к директиве рекомендовалось обращаться не ранее марта 2011 г. Прибалтийское руководство проигнорировало оба обстоятельства и уже весной 2010 г. инициировало процесс раздробления и отчуждения российских активов в газовой сфере в Прибалтике [13, с. 372—375].

Странам Северной Европы совместное членство с прибалтийскими республиками в Евросоюзе представляет интерес по ряду моментов. В частности, оно служит своего рода гарантией неприкосновенности североευропейских инвестиций в Прибалтике и твердого обеспечения доходов с них, с другой — создает североευропейскому капиталу в странах Балтии конкурентные преимущества перед капиталом других стран, не входящих в состав Евросоюза, но близких прибалтийским республикам географически и культурно-исторически. Кроме того, ротационное председательство североευропейских стран в Евросоюзе предоставляет возможности продвижения решений, выгодных североευропейскому капиталу. В частности, обращает на себя внимание, что так называемая «газовая директива» была принята в качестве официального документа Евросоюза в период председательства Швеции, и в настоящее время ее реализация привела к частичному вытеснению России с газового рынка Прибалтики и замещению поставками из Норвегии.

Заключение

Выводы видятся в виде нескольких групп. Одна — выводы, касающиеся собственно прибалтийского рынка. Другая — в части взаимоотношений российского и североευропейского капиталов. Еще одна — уточнения к концептуальному обоснованию иностранных инвестиций на зарубежном рынке.

В рамках первой можно констатировать, что проанализированная ситуация в сфере прямых иностранных инвестиций в странах Балтии свидетельствует, что положение дел здесь очень далеко от того состояния, которое принято называть свободной конкуренцией. Рынок зарегулирован местными властями и монополизирован североευропейским капиталом. В результате затруднено поступление на прибалтийский рынок инвестиций от инвесторов, прямо или косвенно не связанных с североευропейским капиталом. Последний, судя по всему, исчерпал большую часть своего инвестиционного интереса в Прибалтике, но тем не менее препятствует возможностям прихода сюда других инвесторов. В целом рынок стран Балтии как бы законсервирован североευропейским капиталом, а следствием стала стагнация национальных прибалтийских экономик, которая приобретает хронический характер.

В целом можно утверждать, что страны Балтии под воздействием североευропейского капитала постепенно, но последовательно трансформируются в состояние, которое уместно называть не столько национальным рынком, сколько бизнес-пространством для взаимодействия и конкуренции иностранных капиталов. В принципе это отвечает

доминирующей в западном сообществе идее ограниченного суверенитета малых стран, которая является одним из современных ответвлений концепции евроатлантизма.

Что касается соперничества российского и североевропейского капиталов, то приведенные примеры и описанные схемы свидетельствуют о том, что поведение североевропейского капитала по отношению к российскому можно с очень большим допуском называть добросовестной конкуренцией.

Возникает ряд вопросов, которые вряд ли стоит считать риторическими. Первый — присуще ли это североевропейскому капиталу только в Прибалтике во взаимоотношениях с российским или следует быть готовым к аналогичному поведению североевропейского капитала независимо от места и времени его приложения? Касается ли это только отдельных видов североевропейского капитала или это его общая национальная черта? Соответственно — должен ли российский капитал учитывать прибалтийский опыт общения с североевропейским капиталом везде и всегда или считать его неприятным исключением?

К примеру, поведение шведского капитала в России не всегда можно назвать корректным в части исполнения российского законодательства. Так, известная шведская компания по производству косметики Oriflame пока не смогла опровергнуть выдвинутые летом 2014 г. утверждения о том, что она применяла специально разработанные схемы для уклонения от уплаты в полном объеме налогов в России [14]. Более того, Oriflame в этой ситуации обращается за содействием к корпоративной солидарности шведских компаний и апеллирует к помощи шведского государства, посол которого Вероника Бард Брингус в контактах с профильным комитетом Совета Федерации Федерального собрания России в ультимативной форме дает понять, что если расследование против Oriflame не будет прекращено, то все 400 шведских компаний, располагающих на российской территории дочерними предприятиями, откажутся от бизнеса в России [15].

В этих условиях российскому капиталу во взаимоотношениях с североевропейским предпочтительнее действовать адекватно, то есть в полной мере пользоваться конкурентными преимуществами там, где это возможно, прежде всего на пространстве СНГ и в рамках Евразийского экономического союза. В то же время не стоит погружаться в эмоции мстительности, но иметь в виду, что существуют реальные возможности для ответных мер на недобросовестную конкуренцию со стороны североевропейского предпринимательства. Капитал так же, как и человек, строит свое поведение, придерживаясь прирожденных или усвоенных рефлексий. Надо помогать североевропейскому капиталу формировать объективную линию поведения во взаимоотношениях с российским капиталом и, в частности, освободиться от иллюзий своей исключительности и неприкосновенности.

Вместе с тем вряд ли оправданно относить наблюдаемую в Прибалтике дискриминацию российского капитала только на счет местных властей и североевропейского капитала. Резонно задать вопрос о том, полностью ли использует российский капитал имеющийся потенциал

для отстаивания своих интересов? Так, основные конкурентные слабости российского капитала в Прибалтике видятся в нескольких обстоятельствах. Одно — размещение финансовых средств в банках тех стран, капитал которых выступает прямым конкурентом российского капитала, что заведомо ставит его в неравное положение. Другое — отсутствие дружественной для российского капитала финансовой инфраструктуры (консалтинговые, юридические, страховые, лизинговые услуги), что вынуждает обращаться к соответствующим компаниям, контролируемым конкурентами, со всеми вытекающими последствиями для бизнеса. Еще одно — не просматривается региональной стратегии российского капитала. Можно добавить и то, что слабо чувствуется координация между различными ветвями российского капитала. Напрашивается мысль о том, что отправной точкой улучшения условий инвестиционной деятельности российского капитала в Прибалтике должно быть устранение перечисленных конкурентных слабостей.

Опыт соперничества российского и североευропейского капиталов в Прибалтике позволяет внести некоторые уточнения в теорию экспансии капиталов на иностранные рынки (Р. Вернон, Я. Юхансон — описана выше). В частности, анализ свидетельствует, что отмеченная в теории закономерность проникновения капитала прежде всего на рынки, близкие географически и в культурно-историческом плане, не носит безусловного характера. Для реализации этой закономерности, как показывает опыт Прибалтики, необходимо формирование однотипных благоприятных инвестиционных условий, иначе, если речь идет о капиталах разных стран, предоставление преференций одним оказывается дискриминацией для других.

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00097 «Оптимизация российских внешних инвестиционных связей в условиях ухудшения отношений с ЕС») в Институте мировой экономики и международных отношений РАН.

Список источников и литературы

1. Кузнецов А. В. Интернационализация российской экономики. М., 2007.
2. Оленченко В. А. Множественность образов корпоративной ответственности // *Zeszyty Naukowe*. 2013. 1(39).
3. Eurostat. Electricity prices components for domestic consumers. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=nrg_pc_204_c&lang=en (дата обращения: 08.02.2015).
4. Институт финансового рынка Литвы. URL: <http://www.lfmi.lt/lt/80-testas.html> (дата обращения: 08.02.2015).
5. Diena. URL: <http://www.diena.lt/naujienos/verslas/imoniu-pulsas/swedbank-prisijunge-prie-finansu-rinkos-vystymo-veiklos-673917#.VNdbBv4cSuk> (дата обращения: 08.02.2015).
6. Swedbank. URL: <https://www.swedbank.com/idc/financialreports/AnnualReview2008/en/adresser/adresser.html> (дата обращения: 05.03.2015).
7. Nordea. URL: <http://www.nordea.com/About+Nordea/Nordea+overview/History/51412.html> (дата обращения: 04.03.2015).

8. СМП Банк. URL: <http://smpbank.bank.ru/> (дата обращения: 03.03.2015).
9. Волков А. М. Трансформация шведской модели // Международная экономика. 2014. № 7. С. 39—48.
10. Кулик С. Россия в Балтийском лабиринте / Институт современного развития. М., 2013.
11. OP-Pohjola Group. URL: <https://www.pohjola.fi/pohjola/group/op-pohjola-group?id=358000&kielikoodi=en> (дата обращения: 02.03.2015).
12. МИД России. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newline/E47437042173F9B643257DCB004C2386 (дата обращения: 21.01.2015).
13. Оленченко В. А. Страны Балтии: особенности современного этапа развития. Год планеты. М., 2012.
14. Агентство РБК. URL: <http://top.rbc.ru/incidents/04/08/2014/940854.shtml> (дата обращения: 02.02.2015).
15. Агентство Прайм. URL: http://www.1prime.ru/state_regulation/20150306/804132680.html (дата обращения: 07.03.2015).

Об авторе

Владимир Анатольевич Оленченко, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Центр европейских исследований, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Россия.

E-mail: olenchenko.vladimir@mail.ru

ON RUSSIAN/NORDIC INVESTMENT COMPETITION IN THE BALTIC STATES

V. Olenchenko*

** Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences.
23 Profsoyuznaya ul., Moscow, 117997 Russia*

Submitted on March 15, 2015

The researchers often overlook the relationships between Russian and Nordic investment capital; and even less attention is paid to studying the competition between the two. Yet this subject can be of particular relevance to the areas that are geographically, historically and culturally close to both Russia and the Nordic countries. Thus, the aim of this article is to understand how the competition between Russian and Nordic capital investment is played out in the Baltic States. The study discusses the principles of Russian and Nordic investment in the Baltic, and suggests ways to regulate these relations. To this end, we compare the investment conditions created in the Baltic States for both Russian and Nordic investors. The analysis shows that most of the Baltic market is controlled by the Nordic capital, which blocks the arrival of Russian investment to the Baltic States. With a nod to a number

of previous studies, the authors of this article suggest some adjustments to the theory of foreign direct investment. The study will be also of practical interest to those Russian investors who are seeking entry points to the Baltic markets.

Key words: Russian capital, the Baltic States, Nordic capital, investment, market development theory, energy, banking, real estate, the regional dimension, the investment climate, EU.

References

1. Kuznetsov, A. V. 2007, *Internacionalizacija rossijskoj jekonomiki* [The internationalization of the Russian economy], Moscow, p. 284.
2. Olenchenko, V.A. 2013, Mnozhestvennost' obrazov korporativnoj otvetstvennosti [The multiplicity of images of corporate responsibility], *Zeszyty Naukowe*, no. 1(39), p. 221.
3. *Electricity prices components for domestic consumers*, Eurostat, available at: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=nrg_pc_204_c&lang=en (accessed 08.02.2015).
4. *Instituta finansovogo rynka Litvy* [Lithuanian Institute of Financial Market], available at: <http://www.lfmi.lt/lt/80-testas.html> (accessed 08.02.2015).
5. „Swedbank“ prisijungė prie finansų rinkos vystymo veiklos, 2015, *Diena*, available at: <http://www.diena.lt/naujienos/verslas/imoniu-pulsas/swedbank-prisijunge-prie-finansu-rinkos-vystymo-veiklos-673917#.VNdbBv4cSUK> (accessed 08.02.2015)
6. *Swedbank*, available at: <https://www.swedbank.com/idc/financialreports/AnnualReview2008/en/adresser/adresser.html> (accessed 05.03.2015).
7. *Nordea*, available at: <http://www.nordea.com/About+Nordea/Nordea+overview/History/51412.html> (accessed 04.03.2015).
8. *SMP Bank*, available at: <http://smpbank.bank.ru/> (accessed 03.03.2015).
9. Volkov, A.M. 2014, Transformacija shvedskoj modeli [Transforming the Swedish model], *Mezhdunarodnaja jekonomika* [International Economics], no. 7, p. 39—48.
10. Kulik, S. 2013, *Rossija v Baltijskom labirinte* [Russia in the Baltic maze], Moscow, p. 215.
11. *OP-Pohjola Group*, available at: <https://www.pohjola.fi/pohjola/group/op-pohjola-group?id=358000&kielikoodi=en> (accessed 02.03.2015).
12. *Russian Foreign Ministry*, available at: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/E47437042173F9B643257DCB004C2386 (accessed 21.01.2015).
13. Olenchenko, V.A. 2012, *Strany Baltii: osobennosti sovremennogo jetapa razvitija. God planety* [The Baltic countries: features of the present stage of development. Year of the Planet], Moscow, p. 480.
14. Sledovateli prishli v Oriflame po "staromu delu" [Investigators came to Ori-flame by "old case"], 2014, *the RBC*, available at: <http://top.rbc.ru/incidents/04/08/2014/940854.shtml> (accessed 02.02.2015).
15. Posol Shvecii: RF sozdajutsja prepjatstvija dlja raboty shvedskih kompanij [Swedish Ambassador: Russian obstructed for Swedish companies], 2015, *Agentstvo jekonomicheskoy informacii PRAJM* [Business News Agency PRIME], available at: http://www.lprime.ru/state_regulation/20150306/804132680.html (accessed 07.03.2015).

About the author

Dr. Vladimir Olenchenko, senior research fellow, Center for European Studies, Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: olenchenko.vladimir@mail.ru

УДК 339.9

**ДИНАМИКА
И ПЕРСПЕКТИВЫ
ТОРГОВО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
И ИНВЕСТИЦИОННОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА
РОССИИ И ЭСТОНИИ
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА**

А. А. Невская*

---

* Институт мировой экономики
и международных отношений
Российской академии наук
117997, Россия, Москва, В-71, ГСП-7,
ул. Профсоюзная, 23

Поступила в редакцию 14.03.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-2-4

© Невская А. А., 2015

Анализируется развитие отношений России и Эстонии в период кризисов 2007 и 2014 гг. с точки зрения соотношения политического и экономического факторов в процессе принятия решений правительством Эстонской Республики. Освещаются основные особенности, тенденции и проблемы двусторонних торговых и инвестиционных связей.

Ставится задача выявить ключевые мотивы обеих сторон и движущие силы экономических и политических процессов в регионе с целью выработки рекомендаций по их корректировке. Эта задача представляется особенно актуальной в условиях резкого ухудшения экономической ситуации в России и перспектив усиления бегства капиталов из страны, наиболее вероятным направлением которого будут страны-члены ЕС — соседи России.

Исследование проведено методом сравнительного анализа воздействия двустороннего кризиса 2007 г. и международного конфликта вокруг Украины 2014 г. на экономические отношения России и Эстонии и динамику основных показателей сотрудничества в эти периоды. Рассматривается расстановка сил на региональном рынке энергоносителей.

Делается вывод, что влияние политического фактора в принятии решений правительством Эстонии хоть и не уменьшается, но частично купируется мерами по поддержке бизнеса, в том числе предпринимаемыми структурами ЕС. С российской стороны влияние политического фактора выражено меньше, но имеет тенденцию к возрастанию. Одновременно растет количество упущенных возможностей на северо-западе страны.

Ключевые слова: Россия, Эстония, экономическое сотрудничество, внешнеторговый баланс, прямые иностранные инвестиции, санкции, конкуренция юрисдикций

Кризис во взаимоотношениях России и стран Запада, в первую очередь государств-членов Европейского союза, сделал актуальными ряд проблем в международных экономических отношениях. Многие из этих вопросов существовали и ранее, однако особую остроту приобрели именно сегодня. Одним из таких «спорных мест», несомненно, можно считать взаимодействие политических реалий и интересов бизнеса, работающего на международной арене¹. Взаимоотношения России и Эстонии всегда демонстрировали этот дуализм, однако в ходе текущего кризиса он проявился с особой остротой и получил новое развитие.

Предыстория

Взаимоотношения нашей страны с ее прибалтийскими соседями никогда не были простыми и предсказуемыми, характеризуюсь дефицитом прагматичности и заметным дисбалансом между политическими эмоциями и экономическим интересом. Эстония, будучи важным экономическим партнером нашей страны в силу объективных географических и инфраструктурных параметров (одна из немногих стран-членов ЕС, имеющая общую достаточно протяженную границу с РФ; на ее территории находится самый близкий к российской границе морской порт Евросоюза, располагается необходимая инфраструктура для экспорта ряда наименований российской продукции в страны ЕС), в политическом и идеологическом плане всегда представляла собой препятствие для конструктивного диалога с западными партнерами. Стороны регулярно обменивались обвинениями: с российской стороны — в ущемлении прав русскоязычного населения, героизации фашизма, неуважении к памяти советских солдат; со стороны Эстонии — в непризнании оккупации, имперских амбициях, оказании влияния на внутривнутриполитическую жизнь страны и пр.

При этом экономическое сотрудничество развивалось своим чередом: российская сторона активно использовала транзитные мощности Эстонии для экспорта своих товаров в ЕС, а также возможности для инвестиций в эту страну: их росту способствовало как географическое положение Эстонии, так и налаженные культурные и гуманитарные связи: около 25% населения страны говорит по-русски. Эстонская сторона, в свою очередь, пользовалась возможностью сбыта своей продукции (в первую очередь, машиностроительной и пищевой промышленности) на емкий российский рынок, что стало особенно актуально после вступления страны в 2004 г. в ЕС и резкого повышения конкуренции на рынке, а также возникшей необходимости следовать правилам общей сельскохозяйственной политики Евросоюза (рис. 1).

---

¹ Подробнее о взаимодействии экономического и политического факторов при принятии внешнеполитических решений см. [17—19].

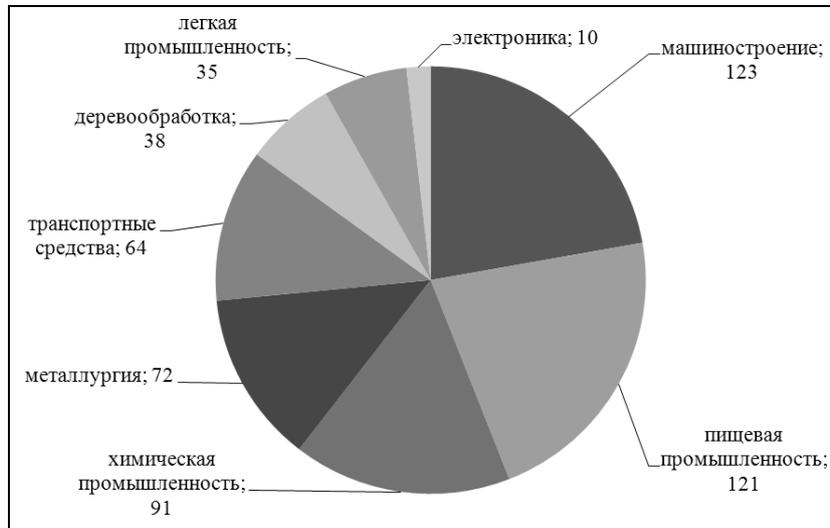

Рис. 1. Структура экспорта из Эстонии в Россию в 2006 г., млн евро

Составлено на основе данных [1].

Представляется, что отсутствие четкой и всеобъемлющей стратегии экономического взаимодействия у обеих сторон не позволило выстроить взаимовыгодные и доверительные отношения, которые могли бы купировать недостаток политического взаимопонимания в периоды обострения ситуации. Показательны примеры двух кризисов, произошедших во взаимоотношениях России и Эстонии в последнее десятилетие, и реакция на них обеих сторон.

Кризис 2007 года

События 2007 г., связанные с переносом на окраину Таллина памятника «Бронзовому солдату» — советскому воину-освободителю, получили широкое освещение в российской прессе и послужили лакмусовой бумажкой для многих процессов в Эстонии. Соотношение политических и экономических факторов в линии поведения страны на международной арене стало предметом пристального внимания.

Действия эстонских властей нанесли ощутимый удар интересам бизнеса. Так, транзитная отрасль потеряла огромную часть грузооборота: на тот момент Россия перевозила через территорию Эстонии 25% всех нефтепродуктов, поставляемых в страны ЕС. Значительным был транзит продукции угольной, лесной, химической, металлургической промышленности. В связи с «перебоями» в работе российских железных дорог на эстонском направлении, начавшимися сразу после событий вокруг «Бронзового солдата», возникли сложности и с обратным транзитом из стран Евросоюза в Россию, который также составлял значительную часть загрузки соответствующих инфраструктурных объек-

тов Эстонии (железных дорог, портов, терминалов). По данным государственной железнодорожной компании Эстонии, объем перевозки грузов сократился в январе-марте 2008 г. на 41 % по сравнению с аналогичным периодом 2007 г. При этом объемы перевозок нефти уменьшились на 33 %, а транзитных перевозок — на 45 % [14]. В результате этих событий была свернута деятельность примерно 10 транзитных предприятий и сокращено около 200 работников этой сферы.

В целом убытки, понесенные экономикой страны, составили приблизительно 8 млрд крон (0,5 млрд евро) ежегодно, что составляет где-то 3 % ВВП страны. При этом единовременные потери в посткризисный период были катастрофическими для ряда отраслей. Эксперты оценивают этот урон примерно в 320 млн евро без учета упущенной выгоды и потерь, проявившихся в среднесрочной перспективе [20]. Двусторонняя торговля также пережила значительный спад (рис. 2).

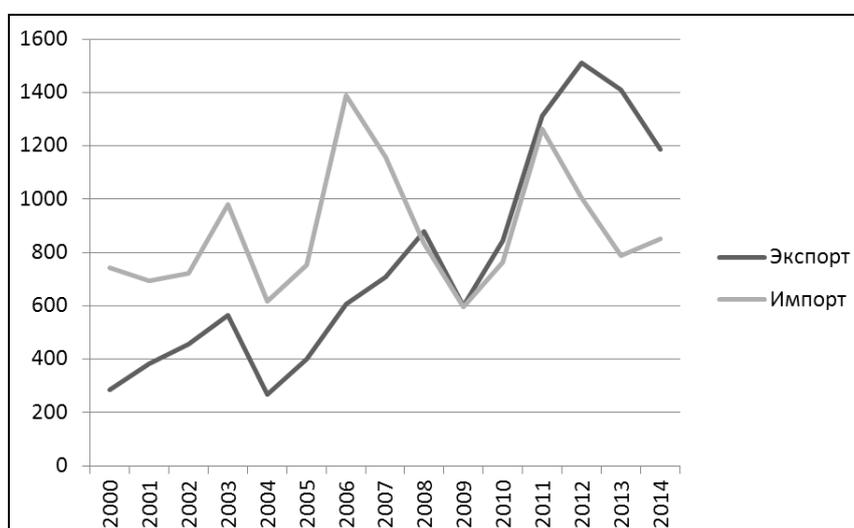

Рис. 2. Торговля Эстонии с Россией в 2000—2014 гг., млн евро

Составлено на основе данных [1].

В России был дан зеленый свет проектам, способствовавшим переносу экономической активности с эстонской приграничной территории на российскую. Именно тогда было активизировано строительство современного терминала в порту Усть-Луги и принята обширная программа по развитию российских портов на Балтике.

Еще одним болезненным для Эстонии следствием политического конфликта стал массовый уход российских предприятий и инвесторов и их переориентация на соседние страны или приграничные области на российской территории. В первую очередь страну покинули предприятия, работающие в сфере транзита, — оказывающие логистические и инфраструктурные услуги: нефтеперевалочный комплекс «Estonian Oil

Service AS», через который проходило около четверти российского экспорта мазута в страны ЕС, был продан его владельцем, компанией «Северстальтранс». Компания заморозила и другие проекты, которые планировала осуществлять на территории Эстонии: наиболее заметным среди них было строительство завода по производству автомобилей².

Крупные компании, работающие в других отраслях, последовали той же политической логике: химический холдинг «Акрон» отказался от ряда инвестиционных планов в Эстонии, а ЗАО «ВТБ Капитал» продало долю в местной девелоперской компании.

Несмотря на то что российская сторона ощутила экономические последствия конфликта в значительно меньшей степени, чем эстонская, отечественные предприятия все же столкнулись с рядом сложностей, связанных с необходимостью переориентации транзитных потоков. Российские порты на Балтике, в частности Санкт-Петербург, оказались не готовы обрабатывать такие объемы товаров, что обернулось значительными временными и репутационными потерями для бизнеса.

Тем не менее основным проигравшим в этом конфликте, несомненно, оказался эстонский бизнес. Давление, оказанное его представителями на власти Эстонии в последующие годы несколько «остудило» их и заставило более рационально подходить к решению некоторых политических и имиджевых вопросов. Это не замедлило сказаться как на дальнейших взаимоотношениях двух стран, так и поведении Эстонии во время нынешнего кризиса вокруг Украины, имеющего также преимущественно политическую подоплеку.

Структура и масштабы взаимодействия в 2007—2014 годах

Посткризисный период во взаимоотношениях России и Эстонии характеризовался неустойчивым ростом торгово-экономического сотрудничества, который был прерван сначала мировым финансовым кризисом 2008 г., а потом и политическим конфликтом вокруг Украины 2014 г. Колебания объемов взаимной торговли и инвестиций отражают эти этапы.

По объему экспорта наша страна занимает третье место среди торговых партнеров Эстонии: на нее приходится 12,1 % общего экспорта; в то время как по импорту Россия лишь на шестом месте с долей в 6,8 %. Товарная структура торговли оставалась примерно одинаковой в течение последних 20 лет (рис. 3).

² Такого рода инвестиции, мотивированные желанием избежать высоких ввозных пошлин ЕС на готовую продукцию, были весьма популярны среди российских компаний, стремившихся выйти со своей продукцией на рынок Европейского союза в тот период. Отказ от такого проекта означал преобладание политической составляющей над экономическими соображениями при работе в данном регионе.

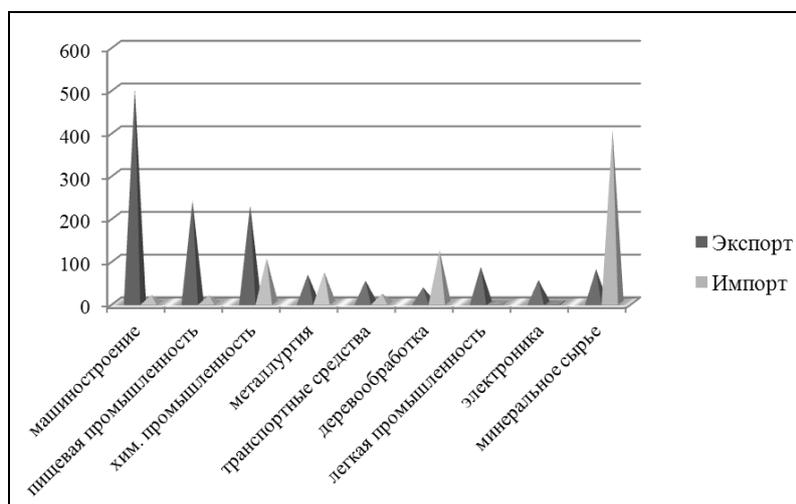

Рис. 3. Структура взаимной торговли России и Эстонии в 2013 г., млн евро
Составлено на основе данных [1].

Инвестиционные связи России и Эстонии развивались значительно медленнее, чем в докризисный период [5]: с российской стороны активность спала по политическим причинам, а Эстония весьма серьезно пострадала от экономического кризиса 2008 г., и поток инвестиций, направлявшийся оттуда в нашу страну в начале и середине 2000-х гг., заметно уменьшился. Взаимные доли прямых иностранных инвестиций (ПИИ) друг друга в общем количестве накопленных иностранных инвестиций оставались незначительными (рис. 4 и табл. 1).

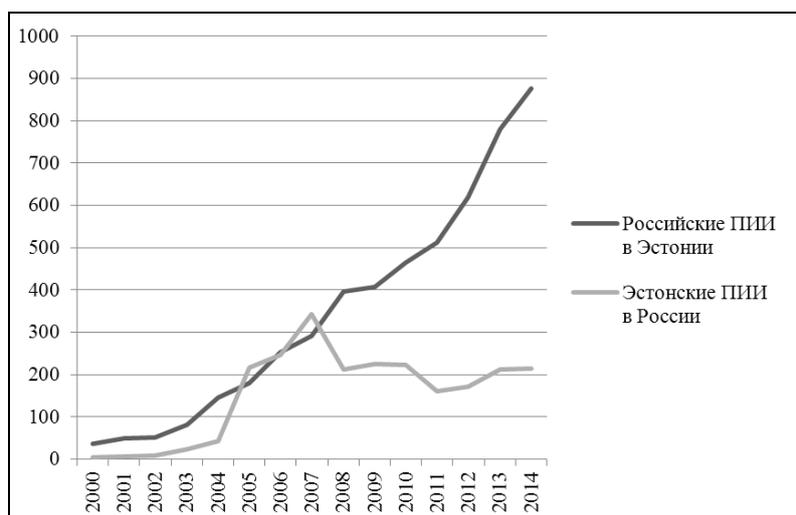

Рис. 4. Взаимные ПИИ России и Эстонии в 2000—2014 гг., млн евро
Составлено на основе данных [1].

Таблица 1

Взаимные доли накопленных ПИИ России и Эстонии в 2003—2014 гг., %

ПИИ	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Российские в Эстонии	1	2	2	3	3	4	4	4	4	4	5	6
Эстонские в России	3	4	14	9	8	5	5	6	5	4	4	4

Составлено на основе данных [1].

Значительная часть сотрудничества происходила «вне политики», в виде взаимодействия малого и среднего бизнеса. Попытки активизировать приграничное сотрудничество предпринимались в рамках программы ПРООН «Совет Чудского озера», еврорегиона «Псков — Ливония», проекта парных городов Нарва — Ивангород [4].

Серьезным тормозом в развитии такого рода сотрудничества стало отсутствие договора о границе между Россией и Эстонией. Препятствием для его подписания еще в 90-е гг. оказались принципиальные разногласия относительно толкования Тартуского мира 1918 г., который Россия не признает и на который эстонская сторона сослалась в преамбуле к договору [8, с. 140]. Незадолго до начала украинского кризиса новый вариант договора был согласован и подписан, однако вопрос его ратификации затянулся ввиду резкого похолодания в двусторонних отношениях.

Отсутствие договора осложняет ведение хозяйственной деятельности в приграничных районах, в частности рыболовство и судоходство на Чудском озере, создает дополнительные сложности в оформлении транзитных товаров, не позволяет модернизировать погранпереходы, а значит, повысить их пропускную способность и увеличить грузопоток с обеих сторон. Неопределенность относительно линии границы и общая атмосфера взаимного недоверия породила ряд инцидентов на приграничной территории³, получивших широкий общественный резонанс и упрочивших представления сторон друг о друге как о нежелательном и даже опасном месте для ведения дел. Упомянутые выше проекты приграничного сотрудничества сегодня существуют в основном формально. Их развитие постоянно сталкивается с трудностями организационного характера, недостаточно проработанной юридической базой и пе-

³ Речь идет об инциденте с арестом сотрудника эстонских спецслужб Э. Кохвера в сентябре 2014 г. на российско-эстонской границе сотрудниками ФСБ России. Вопрос о правомерности ареста и о том, на чьей территории был задержан Кохвер, до сих пор остается открытым. Через некоторое время в качестве «ответного шага» эстонская полиция арестовала на реке Нарва двух российских рыбаков, которые оказались бывшими майорами КГБ. После двух месяцев, проведенных под арестом, российских граждан освободили.

ребоями в финансировании [6, с. 50]. Относительно устойчиво развиваются проекты «Совет Чудского озера» и «Нарва — Ивангород». Как отмечают некоторые источники [21, р. 128], происходит это исключительно благодаря финансированию со стороны институтов ЕС.

Кризис 2014 года и санкции

Новый кризис, разразившийся в 2014 г., стал очередным испытанием для отношений двух сторон и выявил новые реалии экономической политики Эстонии, основанные на предыдущем опыте. Также очевидны стали и просчеты по отношению друг к другу с обеих сторон.

Похолодание в политической плоскости сказалось в первую очередь на инвестиционном сотрудничестве. Как было сказано выше, оно и до конфликта переживало сложные времена, однако в 2014 г. их масштабы, структура и динамика претерпели значительные изменения.

Возник ощутимый дисбаланс инвестиционных потоков: с эстонской стороны они практически прекратились (исключение — «OU Ecomet Invest» [16]), в то время как с российской их объемы устойчиво росли.

Российские предприниматели в разгар политического противостояния активно занимались реализацией ранее запланированных инвестиционных проектов, озвучивали планы по организации производств на территории Эстонии (табл. 2), а также обращались к представителям Российско-эстонской палаты предпринимателей, Посольства России в Эстонии и другим компетентным органам для получения информационной поддержки относительно возможности инвестирования в эту страну. Основным мотивом такого решения, указанным большинством предпринимателей, было желание минимизировать возросшие на фоне украинского кризиса риски, связанные с ведением бизнеса в России. Среди таких рисков называлось ослабление российского рубля, возможные неблагоприятные изменения в политической конъюнктуре и общая экономическая нестабильность.

Таблица 2

Российские инвестиционные проекты в Эстонии в 2014 г.

Предприятие	Дата	Проект	Степень реализации
«STK Group OÜ» (принадлежит А. Пруидзе, Г. Набиулину и П. Старченко)	Ноябрь 2014	НПЗ в порту Силламяэ, 75 млн евро	Ожидается разрешение на строительство, за 1,5–2 года
«ЭмЛак»	Апрель 2014 — январь 2015	Производство лаков и красок, 3 млн евро	Открыт завод в Нарве
«Natura Siberica»	Апрель 2014	Производство косметики в Таллине	Заявлено о намерении получать сырье и производить продукт в Эстонии
«ИСТ» (А. Несис)	Сентябрь 2014	Карбамидный завод в порту Силламяэ	Заявлено о возможности строительства

Окончание табл. 2

Предприятие	Дата	Проект	Степень реализации
Недвижимость			
«Lepidus Ltd» (принадлежит Д. Скворцову)	2014	Здание универсама De la Gardie	Приобретено
«DLT Capital» (Т. Толстая, В. Яковлев)	2014	Сеть кинотеатров Cinamon	Приобретено
«Star Investments» (14 российских ин- весторов)	2014	Склад и офисный комплекс фирмы «Magnum Medical»	Приобретено

Составлено на основе данных [3; 7; 12; 13].

В качестве преимуществ Эстонии как направления для вложения средств бизнесмены отмечают расположение объектов инфраструктуры на территории Европейского союза, но в непосредственной близости к российской границе, зачастую в особой экономической зоне, а также простоту начала и ведения бизнеса, благоприятный налоговый режим, возможность получить вид на жительство и другие.

Дополнительным преимуществом Эстонии в конкуренции юрисдикций с северо-западными регионами нашей страны стала стартовавшая в 2014 г. программа по привлечению инвесторов с востока. В рамках этой программы любой инвестор может получить так называемое виртуальное гражданство и временный вид на жительство при условии регистрации своей компании в эстонской юрисдикции. При этом он, как и остальные предприниматели, освобождается от налога на прибыль, реинвестированную в экономику страны. Этот шаг был сделан на фоне отмены латвийскими властями аналогичной системы в своей стране, принесшей им значительное число новых резидентов. Эстония планирует «перетянуть» к себе большую часть потенциальных российских инвесторов из Латвии и привлечь таким образом порядка 10 млн виртуальных граждан, при населении страны около 1,3 млн чел. [15].

Приведенные примеры демонстрируют проделанную эстонскими властями «работу над ошибками» после кризиса 2007 г., так болезненно сказавшегося на бизнесе. В ходе нынешнего конфликта противопоставление интересов политики и экономики не так бросается в глаза — предприняты дополнительные меры по защите интересов предпринимателей.

Однако соблазн включиться в политическую игру не остался безнаказанным. Как показала практика, в этот раз проигравшей стороной оказались рядовые потребители, мелкий бизнес, фермерские хозяйства. Особенно явно это сказалось после начала «войны санкций» между Россией и Эстонией. Правительство Эстонии было одним из самых последовательных сторонников введения санкций против России, в том

числе и экономических. В результате российских контрсанкций экономика Эстонии потеряла 0,4% ВВП (75 млн евро), а опосредованные потери были вдвое больше, согласно подсчетам Института конъюнктуры Эстонии [11].

Как упоминалось выше, Эстония имеет положительное сальдо торгового баланса с Россией. В июне 2014 г. в Россию было поставлено 24% эстонского экспорта молочной продукции, 9% экспорта овощей, 5,5% мясных продуктов. Запрет на ввоз ряда продукции заставил эстонских производителей (в первую очередь молочной) искать новые рынки сбыта. Для многих это испытание оказалось слишком сложным: некоторые предприятия прекратили свою деятельность или значительно сократили объем выпуска. Следствием стало увольнение около 2 тыс. чел. Согласно опросу Института конъюнктуры, 31% предприятий почувствовали на себе влияние санкций, проявившееся в снижении оборота и рентабельности [2].

В целом экспорт продукции пищевой промышленности из Эстонии в Россию упал более чем на 60% за полгода (с августа 2014 г. по февраль 2015 г.). Сальдо торгового баланса осталось положительным, однако сократилось с 2013 г. в половину — с 664 до 334 млн евро в 2014 г. [1].

Эстонские политики реагируют на эту ситуацию весьма спокойно, утверждая, что потери от санкций носят временный и незначительный характер. Тем не менее, согласно неофициальному прогнозу Министерства экономики и инфраструктуры Эстонии, в полной мере последствия санкций дадут о себе знать лишь в конце 2015 г.: к тому моменту они отразятся и на транспортной и транзитной отраслях [9]. Надо сказать, что уже в начале 2015 г. эстонская компания «GoRail» оказалась в ситуации, близкой к банкротству, из-за падения курса рубля и снижения товаропотоков на российском направлении, совпавшее с повышением акцизов на топливо в Эстонии.

Ситуация с «GoRail» иллюстрирует и еще одну сторону политики «закручивания гаек» в отношении России. Серьезным, особенно в долгосрочной перспективе, последствием текущего кризиса стало сокращение потока туристов из России в Эстонию, связанное в первую очередь с ослаблением рубля. Туристический сектор — один из важнейших в экономике Эстонии: в 2013 г. в структуре ВВП достиг 13,6%. Доля российских туристов в общем потоке составляет 16%, в разы возрастающая в сезон новогодних каникул и майских праздников. На северо-востоке Эстонии доля россиян еще больше — порядка 45%. Снижение туристической активности граждан нашей страны станет серьезным испытанием для соответствующего сектора экономики Эстонии в ближайшие годы.

Складывающаяся картина снова демонстрирует явное пренебрежение экономическими интересами страны в угоду политическим амбициям ряда представителей власти в Эстонии. Вероятно, в ходе текущего кризиса такая политическая линия была избрана осознанно, с расчетом на то, что все экономические потери будут компенсированы из средств фонда ЕС, который действительно был создан для поддержания ферме-

ров, пострадавших от российского эмбарго. Однако размер средств, которым он располагал (400 млн евро) был недостаточным для покрытия и малой доли понесенных убытков. Кроме того, механизм его распределения не позволил эстонским фермерам получить поддержку в тот период, когда они нуждались в ней особенно остро — в первые месяцы после введения эмбарго.

Энергетическое сотрудничество

Энергетический вопрос относится к наиболее болезненным для Эстонии во взаимоотношениях с Россией. Эта страна, наряду с Финляндией, Латвией, Литвой и Словакией, 100% потребляемого газа импортирует из России. Газ не занимает большой доли в энергопотреблении Эстонии (в последнее десятилетие, согласно данным эстонского статистического ведомства, она составляла от 4 до 7%), однако его доля в энергопотреблении не снижается, вопреки заявлениям некоторых антироссийски настроенных эстонских политиков⁴.

Весьма показателен в этом смысле эпизод, произошедший летом 2014 г. Министр экономики и инфраструктуры У. Пало направила весьма нервное открытое письмо руководителю компании-оператора газовых сетей Эстонии «EG Võrguteenus» С. Ефимову с просьбой пояснить, каким образом его компания планирует обеспечивать надежность газоснабжения в случае, если Россия прекратит поставки газа в Эстонию и другие зависимые от российского газа страны Балтии. Характерно, что само Министерство экономики и инфраструктуры уже имело на тот момент подробный план действий на случай отключения российского газа. Так, крупных потребителей энергии (в частности, компанию, занимающуюся отоплением домов Таллина) предполагалось перевести на мазут. Остальные потребности в газе на весь зимний период можно было покрыть из запасов латвийского Инчукалнского газохранилища, которое зимой снабжает топливом не только Латвию, но и приграничные российские районы, а также Калининградскую область. Последнее обстоятельство служит дополнительным аргументом против версии о намерениях России прекратить поставки газа в Прибалтику или прибегнуть к «газовому шантажу» этих стран для достижения своих политических целей.

Подоплека, контекст и общий тон упомянутого письма, а также большое количество в нем фактических ошибок и логических нестыковок (письмо, касающееся надежности газовых поставок, следовало бы направить руководству компании, занимающейся закупками и распределением газа, а не оператору сетей, который владеет трубами, но не идущим по ним газом) наглядно иллюстрируют иррациональность и самодовлеющий характер ощущения опасности и нестабильности со стороны России, нагнетаемого эстонским истеблишментом.

⁴ В сентябре 2014 г. президент Эстонии Т. Х. Ильвес заявил, что Эстония планирует к 2025 г. полностью отключиться от российских систем энергоснабжения [10].

Примечательно, что эстонские политики адресуют свою радикальную риторику не только населению своей страны, но и регулярно призывают остальные страны Евросоюза действовать в том же ключе. В первую очередь это касается реализации положений Третьего энергопакета, активным сторонником принятия которого была Эстония. В последние месяцы в стратегии страны по имплементации положений Энергопакета наметились изменения в сторону ужесточения правил для компаний-игроков рынка, ориентированных в первую очередь на российского поставщика — Газпром.

На сегодня компания «Eesti Gaas», оператор газового рынка Эстонии, на 37% принадлежит Газпрому, как и фирма «EG Võrguteenus», обслуживающая газотранспортные сети «Eesti Gaas». Изначально Эстония планировала ориентироваться на «мягкий» вариант реализации положений Энергопакета — с появлением так называемого «Независимого оператора газотранспортной или энергетической сети» (крупная компания имеет право сохранить газораспределительные активы и в собственности, и в управлении, но эта деятельность подлежит строгому контролю). Теперь происходит переориентация на наиболее жесткую версию — «Оператор с разделением собственности» (сети должны управляться независимым оператором, а их мажоритарный пакет акций не может принадлежать компании, занимающейся добычей и импортом газа). Эта стратегия стала реализовываться в начале 2015 г., когда энергетическая компания «Elering» закрыла сделку по приобретению 51% «EG Võrguteenus». Параллельно были озвучены планы этой компании выкупить и доли остальных участников — латвийской «Itera» (10%) и Газпрома (37%). С большой долей вероятности в ближайшие годы стоит ожидать и выхода Газпрома из акционерного капитала оператора газового рынка Эстонии — компании «Eesti Gaas».

Мотивом для принятия такого решения служит не только общая солидарность с европейскими коллегами и желание выполнить все требования Третьего энергопакета, но и более конкретная цель: не дать возможности российскому газовому монополисту влиять на принятие решений относительно развития газотранспортной инфраструктуры в регионе.

В этом смысле ситуация в любом случае складывается не в пользу прибалтийских соседей. Среди попыток реализации инфраструктурных проектов выделяется эстонско-финский спор о праве строительства СПГ-терминала в одном из своих портов, а также газопровода «Balticconnector» в Финском заливе. Эти инфраструктурные объекты сыграли бы важнейшую роль в соединении ГТС Финляндии, стран Балтии и Польши с остальной Европой. В случае их реализации Эстония получила бы возможность доступа к газу из построенного в 2014 г. плавучего хранилища СПГ в Клайпеде (этот газ, отметим, будет стоить на порядок выше российского).

Однако спор с Финляндией на данный момент ничем не закончился, вариант с возможным сооружением двух терминалов в обеих странах Еврокомиссия сочла нецелесообразным, а значит, из текущего раунда финансирования Еврокомиссии средств на этот проект выделено не бу-

дет. Камнем преткновения стал маленький объем внутреннего рынка Эстонии и Прибалтики вообще и невозможность обеспечить стабильный спрос на газ из нового газохранилища.

Таким образом, на предстоящих переговорах с Газпромом о цене на газ с 2016 г. у Эстонии не предвидится значительных оснований для торга. Перспектива строительства в этой стране своего СПГ-терминала как альтернативного источника газа — если финансирование для этого проекта все же будет найдено — весьма отдаленна. Возможность же подключения к латвийскому газохранилищу и перехода на мазутное топливо имели место и ранее, они никогда не служили серьезными аргументами для снижения цены на газ.

В целом реализация положений Третьего энергопакета действительно усиливает конкуренцию между многочисленными региональными инфраструктурными проектами прибалтийских и североевропейских стран, однако в силу малой емкости их внутренних рынков это приводит только к росту цен, так что обернуть возникающую конкуренцию на пользу потребителям или ослабить позиции Газпрома им не удается.

***

В течение последнего десятилетия каждый кризис в и без того простых российско-эстонских отношениях служил поводом для «работы над ошибками» для властей обеих сторон. После конфликта 2007 г. эстонские политики стали намного более внимательно относиться к защите интересов своего крупного бизнеса при решении политических разногласий. Текущий кризис показал, что прагматизм постепенно вытесняет политические эмоции, однако недостаточно хорошо просчитанные возможности и излишние ожидания относительно поддержки со стороны ЕС не дали избежать потерь — в первую очередь пострадали рядовые потребители, мелкий бизнес, фермерские хозяйства.

С российской стороны ситуация развивается по-другому. После первого конфликта был взят курс на подстройку бизнес-процессов под политическую ситуацию. С этой целью (нельзя не отметить, что это благоприятно скажется на российском бизнесе в долгосрочной перспективе) было начато развитие порта Усть-Луги и других инфраструктурных объектов на российской территории.

Однако текущий кризис несет с собой гораздо более серьезные вызовы российской стороне: уже имеющий место значительный дисбаланс прямых иностранных инвестиций будет только усугубляться в ближайшие месяцы. Будучи заинтересованными в росте объема российских инвестиций в соседней стране, российским регуляторам необходимо прилагать усилия к тому, чтобы это были взаимовыгодные капиталовложения, а не бегство капитала, сопутствующее переводом производственных мощностей и инфраструктурных объектов за границу. Учитывая естественные преимущества Эстонии (ее географическое положение, этнический и языковой состав населения и членство в ЕС), необходимо помнить и об активно предпринимаемых властями этой

страны дополнительных мерах по повышению своей инвестиционной привлекательности: налоговые льготы, введение электронного гражданства для инвесторов и ряд других. Очевидно, что указанные меры вместе с ухудшением экономического прогноза для России обостряют конкуренцию юрисдикций на северо-восточных границах нашей страны не в ее пользу.

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00097 «Оптимизация российских внешних инвестиционных связей в условиях ухудшения отношений с ЕС») в Институте мировой экономики и международных отношений РАН.

Список литературы

1. Департамент статистики Эстонии. URL: <http://pub.stat.ee/px-web.2001/Dialog/Saveshow.asp> (дата обращения: 21.01.2015).
2. Каждое третье предприятие ощущает влияние российско-украинского кризиса. Delfi Экономика. 06.10.2014. URL: <http://rus.delfi.ee/daily/business/kazhdoe-trete-predpriyatie-oschuschaet-vliyanie-rossijsko-ukrainskogo-krizisa?id=69890851> (дата обращения: 15.12.2014).
3. Крупный российский инвестор присматривается к Силламяэскому порту // Postimees. 2014. 14 сент.
4. Кузнецов А. В. Еврорегионы: полвека «малой» интеграции // Современная Европа. 2008. № 2. С. 48—59.
5. Кузнецов А. В., Четверикова А. С. Проблемы российско-прибалтийских экономических связей // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 7. С. 73—81.
6. Ланко Д. А. Эстония во внешней политике Российской Федерации: прогноз на среднесрочную перспективу // Балтийский регион. 2014. Вып. № 1 (19).
7. Матсалу Э. Российский капитал стучится в Эстонию. Деловые Ведомости. 26.06.2014. URL: <http://dv.ee/novosti/2014/06/26/rossijskij-kapital-stuchitsja-v-estoniju> (дата обращения: 01.11.2014).
8. Межевич Н. М. Российско-эстонская граница: история формирования и современное значение для развития Северо-Запада России // Псковский региональный журнал. 2007. № 4. С. 134—145.
9. Мосюков Д. В. Чем грозят странам Прибалтики российские контрсанкции. Внешняя политика. 14.10.2014. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/chem-grozyat-stranam-pribaltiki-rossiyskie-kontrantsksii/> (дата обращения: 01.02.2015).
10. Президент Эстонии: через 10 лет мы отключимся от российских энергосистем. ИА REGNUM. 30.09.2014. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1852448.html> (дата обращения: 10.12.2014).
11. Продовольственное эмбарго РФ обошлось Эстонии в 150 млн евро. РИА Новости. 09.09.2014. URL: <http://ria.ru/world/20140909/1023445906.html> (дата обращения: 01.11.2014).
12. Реймер А. И у нас будет Natura Siberica // Postimees. 15.04.2014. URL: <http://rus.postimees.ee/2762766/i-u-nas-budet-natura-siberica> (дата обращения: 01.11.2014).
13. Смирнов И. В Нарве идет строительство завода лаков и красок // Северное Побережье. 2014. № 79 (15554). С. 1.
14. Тере Й. Объемы грузооборота EestiRaudtee снизились в январе-марте 2008 на 41 % // TheBalticcourse. 18.04.2008. URL: http://www.baltic-course.com/rus/_analytics/?doc=1004 (дата обращения: 01.11.2014).

15. *Эксперт*: пока в Латвии спорят о видах на жительство, эстонцы переманивают инвесторов // ИА REGNUM. 12.09.2014. URL: <http://pda.regnum.ru/news/1846663.html> (дата обращения: 01.11.2014).

16. *Estonian company to launch battery processing plant in Russia* // Estonian Investment Agency. 07.04.2014. URL: <http://www.investinestonia.com/en/about-estonia/news/article/884-estonian-company-ecomet-invest-to-launch-battery-processing-plant-in-russia> (дата обращения: 01.11.2014).

17. *George A. Adapting to Constraints on Rational Decisionmaking* // R. Art & P. Education (Eds.) *International Politics: Enduring Concepts and Contemporary Issues*. New York : Harper Collins Publishers, 1992.

18. *Levy J.S. Political Psychology and Foreign Policy* // D. Sears, L. Huddy & R. Jervis (Eds.), *Oxford Handbook of Political Psychology*. New York: Oxford University Press, 2003.

19. *Partowazar B., Jawan J.A., Soltani F. Decision-Making in Foreign Policy* // *Pensee Journal*. 2011. Vol. 76, No. 4. P. 344—353.

20. *Siim S. Tiit Vähi: Pronkssõduri hind oli Eestile 8 miljardit krooni aastas* // *Ohtuleht*. 14.05.2014. URL: <http://www.ohtuleht.ee/579642/tiit-vahi-pronkssoduri-hind-oli-eestile-8-miljardit-krooni-aastas> (дата обращения: 23.11.2014).

21. *Tüür K. Russia and Estonia* // *Russian Federation 2013: Short-Term Prognosis* / ed. by K. Tüür, V. Morozov. Tartu, 2012. P. 123—126.

Об авторе

Анастасия Алексеевна Невская, младший научный сотрудник, Центр европейских исследований, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Москва, Россия.

E-mail: a.nevskaya@hotmail.com

RUSSIAN-ESTONIAN ECONOMIC AND INVESTMENT COOPERATION DURING THE CRISIS: DYNAMICS AND POSSIBILITIES

A. Nevskaya *

** Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences.
23 Profsoyuznaya ul., Moscow, 117997 Russia*

Submitted on March 14, 2014

The article deals with the development in Russian-Estonian relations during the crises of 2007 and 2014, taking into consideration the balance between political and economic factors in the decision-making by Estonian government. A number of special aspects, trends and problems in trade and investment ties are detected.

The aim of the study is to uncover key motivation behind the actions of both Russia and Estonia, to identify the drivers for economic and political development in

the region, and to work out recommendations to adjust them. The questions put forward by the authors of this article could not be more topical at the time, when Russian economic situation is obviously getting worse and capital flight (to the neighboring EU Member States) is likely to increase.

The method of the study is comparative analysis of the impact on economic ties made by Russian-Estonian crisis of 2007 and the current international tension around Ukraine. The regional fossil fuel market and the possibilities of Gazprom involvement in its development are also analyzed.

It is concluded that political motives are still important for Estonian decision-making, though they are balanced out by measures of business support (despite some of these measures being taken by the EU bodies). The role of political factor for the Russian side is increasing. It is acknowledged that there is a growing number of missed economic opportunities in the Russian Northwest.

Key words: Russia, Estonia, economic cooperation, trade balance, foreign direct investments, sanctions, competition among jurisdictions.

References

1. Statistics Estonia, available at: <http://pub.stat.ee/px-web.2001/Dialog/Saveshow.asp> (accessed 21.01.2015).
2. Kazhdoe tret'e predpriyatie oshhushhaet vliyanie rossijsko-ukrainskogo krizisa [Every third company to feel the impact of the Russian-Ukrainian crisis], 2014, *Delfi*, 6 October, available at: <http://rus.delfi.ee/daily/business/kazhdoe-trete-predpriyatie-oschuschaet-vliyanie-rossijsko-ukrainskogo-krizisa?id=69890851> (accessed 15.12.2014).
3. Krupnyj rossijskij investor prismatrivaetsja k Sillamajeskemu portu [A major Russian investor eyeing Sillamae port], 2014, *Postimees*, 4 September.
4. Kuznetsov, A. V. 2008, *Evroregiony: polveka «maloj» integracii* [Euroregions: half a century of "small" integration], *Sovremennaja Evropa* [Modern Europe], no. 2, p. 48—59.
5. Kuznetsov, A. V. Chetverikova, A. S. 2009, Problemy rossijsko-pribaltijskikh jekonomicheskikh svjazej [Problems of Russian-Baltic economic relations], *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], no. 7, p. 73—81.
6. Lanko, D. A. 2014, Russian-Estonian relations: a medium-term forecast, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 34—40. DOI: 10.5922/2079-8555-2014-1-3.
7. Matsalu, E. 2014, Rossijskij kapital stuchitsja v Jestoniju [The Russian capital is knocking Estonia], *Delovye Vedomosti* [Business Bulletin], 26 June, available at: <http://dv.ee/novosti/2014/06/26/rossijskij-kapital-stuchitsja-v-estoniju> (accessed 01.11.2014).
8. Mezhevich, N. M. 2007, Rossijsko-jestonskaja granica: istorija formirovanija i sovremennoe znachenie dlja razvitija Severo-Zapada Rossii [Russian-Estonian border: history of formation and development of contemporary significance for the North-West Russia], *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov regionologicheskij Journal], no. 4, p. 134—145.
9. Mosyukov, D. V. 2014. Chem grozjat stranam Pribaltiki rossijskie kontrnantscii [What threatens the Baltic countries, Russian kontrnantscii], *Vneshnjaja politika* [Foreign policy], 14 October, available at: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/chem-grozjat-stranam-pribaltiki-rossijskie-kontrnantscii/> (accessed 01.02.2015).

10. Prezident Jestonii: chrez 10 let my otkljuchimsja ot rossijskih jenergosistem [The President of Estonia: through 10 years, we are disconnected from the Russian power system], 2014, *REGNUM*, 30 September, available at: <http://www.regnum.ru/news/polit/1852448.html> (accessed 10.12.2014).
11. Prodovol'stvennoe jembargo RF oboshlos' Jestonii v 150 mln evro [Food Russian embargo cost of Estonia 150 million euros], 2014, *RIA Novosti*, 9 September, available at: <http://ria.ru/world/20140909/1023445906.html> (accessed 01.11.2014).
12. Reimer, A. 2014, I u nas budet Natura Siberica [And we will Natura Siberica], *Postimees*, 15 April, available at: <http://rus.postimees.ee/2762766/i-u-nas-budet-natura-siberica> (accessed 01.11.2014).
13. Smirnov, I. 2014, V Narve idet stroitel'stvo zavoda lakov i krasok [Narva is the construction of the plant of varnishes and paints], *Severnoe Poberezh'e* [North Coast], 26 April, no. 79 (15554), p. 1.
14. Tere, J. 2008, Obemy gruzooborota EestiRaudtee snizilis' v janvare-marte 2008 na 41% [The turnover decreased EestiRaudtee in January-March 2008 by 41%], *The Baltic course*, 18 April, available at: http://www.baltic-course.com/rus/_analytics/?doc=1004 (accessed 01.11.2014).
15. Jekspert: poka v Latvii sporjat o vidah na zhitel'stvo, jestoncy peremanivajut investorov [The expert: while in Latvia arguing about residence permits, Estonians are luring investors], 2014, *IA REGNUM*, 12 September, available at: <http://pda.regnum.ru/news/1846663.html> (accessed 01.11.2014).
16. Estonian company to launch battery processing plant in Russia, 2014, *Estonian Investment Agency*, 07 April, available at: <http://www.investinestonia.com/en/about-estonia/news/article/884-estonian-company-ecomet-invest-to-launch-battery-processing-plant-in-russia> (accessed 01.11.2014).
17. George, A. Adapting to Constraints on Rational Decisionmaking. In: R. Art & P. Education (Eds.) *International Politics: Enduring Concepts and Contemporary Issues*, New York, 1992.
18. Levy, J. S. 2003, Political Psychology and Foreign Policy. In D. Sears, L. Huddy & R. Jervis (Eds.), *Oxford Handbook of Political Psychology*, New York, p. 820.
19. Partowazar, B., Jawan, J. A., Soltani, F. 2011, Decision-Making in Foreign Policy, *Pensee Journal*, Vol. 76, no. 4, p. 344—353.
20. Siim, S. 2014, Tiit Vähi: Pronkssõduri hind oli Eestile 8 miljardit krooni aastas, *Ohtuleht*, 14 May, available at: <http://www.ohtuleht.ee/579642/tiit-vahi-pronkssoduri-hind-oli-eestile-8-miljardit-krooni-aastas> (accessed 23.11.2014).
21. Tüür, K. 2012, Russia and Estonia, In: K. Tüür, V. Morozov (eds.) *Russian Federation 2013: Short-Term Prognosis*, p. 123—126.

About the author

Anastasia Nevskaya, Junior research fellow, Centre for European Studies, Institute of World Economy and International Relations, Russia.
E-mail: a.nevskaya@hotmail.com

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 327

ПАРТИЙНО- ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СЕРЕДИНЕ 2010-х годов

Д. А. Ланко*

---

* Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9

Поступила в редакцию 17.03.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-2-5

© Ланко Д. А., 2015

Приводятся результаты анализа партийно-политической системы Эстонской Республики в середине 2010-х гг. Теоретическая база работы основывается на выводах, сделанных теоретиком партийно-политических систем М. Дюверже; в полном соответствии с его выводами, в Эстонии, где принята пропорциональная избирательная система, сложилась многопартийная система, в которой ни одна политическая партия не доминирует даже в краткосрочном плане. Показывается, что за последние десять лет партийно-политическая система Эстонской Республики характеризовалась стабильностью, в условиях которой пять шестых избирателей голосовали на выборах за четыре основные политические партии. Меньшинство эстонских избирателей не рассматривали одну из четырех доминирующих партий в качестве представителя своих интересов, они склонны были голосовать за партии, ранее не избиравшиеся в парламент. За счет этого фактора на парламентских выборах 2015 г. депутатские мандаты получили две малые партии, ранее не представленные в парламенте: Эстонская консервативная народная партия и Свободная партия. В долгосрочном плане способность малых партий получать депутатские мандаты будет зависеть от их способности формировать коалиции: либо с тремя правящими партиями — Партией реформ, Союзом отечества и республике и Социал-демократической партией, либо с оппозиционной Центристской партией. Рассматривается влияние раскола в эстонском обществе между этническими эстонцами и русскоязычным населением на партийно-политическую систему страны. Демонстрируется, что хотя большинство русско-

зычного населения Эстонии поддерживают на выборах Центристскую партию, русскоязычные избиратели есть и у практически всех прочих партий, а Эстонская объединенная левая партия, позиционирующая себя в качестве представителя русскоязычного населения страны, остается маргинальной политической силой.

Ключевые слова: сравнительная политология, политические партии, партийно-политические системы, Эстонская Республика

Парламентские выборы в Эстонской Республике, состоявшиеся 1 марта 2015 г., ход предвыборной кампании, а также характер начавшихся после объявления результатов выборов переговоров между политическими партиями о возможной конфигурации правящей коалиции позволили определить основные тенденции развития партийно-политической системы страны в середине 2010-х гг. Пропорциональная избирательная система, сформированная в начале 1990-х гг., которая с тех пор подверглась лишь незначительным изменениям, определила важнейшую особенность партийно-политической системы страны: в ней сложилась многопартийная система, причем ни одна партия не доминирует в парламенте страны — Рийгикогу — даже в краткосрочном плане. Партия реформ, представители которой — А. Ансип и Т. Рыйвас — занимали пост премьер-министра страны на протяжении более десяти лет, остается правящей, благодаря своей способности формировать коалиции с другими политическими партиями. Эту партию можно охарактеризовать в качестве либеральной; в разные периоды она формировала правящие коалиции с консервативным Союзом отечества и республики, с левой Социал-демократической партией, а также с левой Центристской партией.

Последняя, с одной стороны, поддерживается значительной частью русскоязычных избирателей Эстонии, а потому она более популярна, чем также левая Социал-демократическая партия, однако Центристская партия демонстрирует меньшую способность к формированию коалиций с другими партиями, благодаря чему на протяжении восьми лет она оставалась в оппозиции. Парадоксально, но наиболее устойчивой правящей коалицией в истории партийно-политической системы Эстонии оказалась коалиция из либеральной Партии реформ, консервативного Союза отечества и республики и левой Социал-демократической партии. Однако складыванию в Эстонии стабильной четырехпартийной системы, при которой три перечисленные партии формировали бы правящую коалицию, в то время как Центристская партия оставалась бы в оппозиции, мешает то, что существенная часть избирателей не рассматривают ни одну из этих четырех партий в качестве представителя своих интересов в органах государственной власти страны. Как следствие, в краткосрочной перспективе популярность приобретают новые политические партии.

На парламентских выборах 2015 г. в качестве таковых выступили Эстонская консервативная народная партия и Свободная партия Эстонии. На их популярность в краткосрочном плане повлияла жесткая ан-

тироссийская риторика их лидеров, прозвучавшая в условиях резкого ухудшения отношений между Россией и странами Европейского союза в результате украинского кризиса 2014—2015 гг. Но в долгосрочном плане эти партии смогут сохраниться в качестве парламентских лишь в том случае, если они продемонстрируют свою способность к формированию устойчивых коалиций с более крупными политическими партиями. В противном случае их ждет поражение на парламентских выборах 2019 г. и превращение в маргинальные партии. Именно по этой причине Эстонская объединенная левая партия, позиционирующая себя в качестве представителя русскоязычного населения Эстонии, остается маргинальной партией и не получила представительства в Рийгикогу как в 2015 г., так и на предшествовавших выборах. Большинство русскоязычных избирателей Эстонии отдают свои голоса за Центристскую партию, многие из них голосуют и за другие парламентские партии, наконец, значительная часть русскоязычного населения страны вообще не участвует в парламентских выборах.

Партийно-политическая система Эстонии в контексте общеевропейских и постсоветских тенденций

Партийно-политическая и избирательная системы Эстонской Республики после распада СССР в своем взаимном влиянии являются отличной иллюстрацией тезиса М. Дюверже о том, что «с введением пропорциональной [избирательной] системы [складываются] благоприятные условия для многопартийности» [1, с. 298]. Принятый в 1992 г. Основной закон (конституция) Эстонской Республики создал в стране парламентско-президентскую республику, в которой существует пост президента, избираемого парламентом страны (в случае неспособности парламента избрать президента, это делает специально созданная коллегия, состоящая из депутатов парламента и представителей органов местного самоуправления). Кабинет министров составляется из депутатов парламента по итогам парламентских выборов, которые проводятся по пропорциональной системе; премьер-министр обладает более широкими полномочиями как в вопросах внешней, так и внутренней политики, чем президент. Пропорциональная избирательная система обуславливает и существование большого числа парламентских партий.

Политологи за пределами Эстонии уделяют незначительное внимание партийно-политической системе страны, рассматривая ее, как правило, в сравнении с партийно-политическими системами других постсоветских стран. В качестве примера здесь можно назвать монографию украинского политолога А. Мелешевича, посвященную сравнительному анализу партийно-политических систем трех стран Балтии — Эстонии, Латвии и Литвы, — а также России и Украины [2]. В самой Эстонии наиболее известным исследователем партийно-политической системы страны является политолог Р. Тоомла, опубликовавший по этой проблеме две монографии, из которых одна посвящена развитию партий-

но-политической системы страны в 1920—1930-е гг. и в 1990-е гг. [3], а вторая — ее развитию в первом десятилетии XXI в. [4]. Р. Тоомла рассматривает партийно-политическую систему Эстонии и в 1920—1930-х гг., и на рубеже XX—XXI вв. в контексте общеевропейских тенденций развития партийно-политических систем — как обобщенных в теоретическом плане в процитированной выше работе М. Дюверже, так и новых тенденций, выявленных лишь в начале XXI в.

Анализ партийно-политической системы Эстонской Республики в контексте тенденций, характерных для постсоветских стран, также представляется обоснованным. Во-первых, обращает на себя внимание сходство партийно-политических систем Эстонии и России. Так, в период между парламентскими выборами в Эстонии 2011 и 2015 гг. и в России 2011 и 2016 гг. в парламентах обеих стран (в случае России речь идет о нижней палате — Государственной думе) были представлены четыре партии, из которых одна была правящей, вторая — оппозиционной, третья — националистической, четвертая — социал-демократической. Причем в обоих случаях правящая партия в разные периоды опиралась на поддержку либо националистической, либо социал-демократической партии. Во-вторых, в России до сих пор существует двойственное отношение к Эстонии и двум другим странам Балтии: иногда они рассматриваются в качестве постсоветских стран, а иногда — в качестве европейских. Этим обуславливается и двойственность внешней политики России в отношении этих стран [5].

Правящая коалиция Эстонии: союз либералов, консерваторов и социалистов

Идеологическое обозначение политических партий, иными словами, «коммуникативная стратегия, нацеленная на формирование в сознании целевой аудитории ее благоприятного образа, включающего обязательную отстройку от конкурентов с использованием идеологических терминов» [6, с. 68], не обязательно связано с идеологией. Однако для трех политических партий, участвовавших в формировании кабинета министров Эстонии в 2007—2015 гг., характерно именно пространственное позиционирование. Наиболее популярная из этих трех партий — Партия реформ считает себя либеральной партией. Именно лидеры этой партии — А. Ансип в 2005—2014 гг. и Т. Рыйвас в 2014—2015 гг. — занимали в Эстонии пост премьер-министра на протяжении более десяти лет. Популярность этой партии в первой половине 2010-х гг. снижалась как следствие неудовлетворенности населения работой правительства в условиях мирового экономического кризиса: если по итогам парламентских выборов 2011 г. она получила 33 места в Рийгикогу — однопалатном эстонском парламенте, то по итогам выборов 2015 г. у нее осталось лишь 30 мест.

Популярность двух других партий, участвовавших в формировании кабинета министров Эстонии в 2007—2015 гг., также снижалась. Так, если в 2011 г. консервативная националистическая партия «Союз отечества и республики» имела 23 места в Рийгикогу, то в 2015 г. у нее оказалось лишь 14 мест. Потери Социал-демократической партии менее значительны: из 19 депутатских мандатов в 2011 г. к 2015 г. у нее осталось 15. Несмотря на идеологические противоречия между либералами, консерваторами и социал-демократами, которые в случае трехпартийной системы обусловили бы формирование правящих коалиций, состоящих из двух партий, объединенных против третьей партии, в Эстонии три этих партии продемонстрировали способность к объединению в рамках одной правящей коалиции. Так, по итогам парламентских выборов 2007 г. все три партии — и либеральная Партия реформ, и консервативный Союз отечества и республики, и Социал-демократическая партия — вошли в состав правящей коалиции.

Эта коалиция, вошедшая в историю под названием «второй кабинет А. Ансипа», оставалась у власти все четыре года между парламентскими выборами 2007 и 2011 гг. Это стало единственным случаем в истории Эстонии после 1991 г., когда одна и та же правящая коалиция продержалась у власти весь период между выборами. Для сравнения, между выборами 1992 и 1995 гг. в Эстонии сменилось два кабинета министров, в 1995—1999 гг. — три кабинета министров, в 1999—2003 гг. — два кабинета министров, в 2003—2007 гг. — также два кабинета министров. Наконец, по итогам парламентских выборов 2011 г. кабинет министров был сформирован коалицией Партии реформ и Союза отечества и республики, однако это правительство также не продержалось до 2015 г.: в 2014 г. его сменил кабинет министров, сформированный коалицией Партии реформ и Социал-демократической партии. Таким образом, в Эстонии сложилась прочная коалиция из либералов, консерваторов и социал-демократов, ее прочность обуславливается в первую очередь противостоянием внутри эстонской политической элиты, между этими тремя партиями, с одной стороны, и оппозиционной Центристской партией — с другой.

Центристская партия Эстонии: восемь лет в оппозиции

Если Партия реформ является правящей в Эстонии на протяжении уже более десяти лет, то Центристская партия находится в оппозиции к правительству, начиная с выборов 2007 г. В 2005—2007 гг. Партия реформ и Центристская партия входили в правящую коалицию, которая известна как «первый кабинет А. Ансипа», лидер Центристской партии Э. Сависаар занимал в этом кабинете пост министра экономики и коммуникаций. Однако по итогам парламентских выборов 2007 г. сформировалась трехпартийная правящая коалиция, речь о которой шла выше, и Центристская партия перешла в оппозицию. Э. Сависаар был избран мэром Таллина; на этой должности он оставался на протяжении последующих восьми лет. Хотя, как правило, социалистические либо социал-

демократические партии в европейских странах позиционируют себя в качестве партий, представляющих интересы беднейшей части электората. В Эстонии эту роль играет не Социал-демократическая партия, как можно было бы ожидать, а именно Центристская партия, которая имеет широкую поддержку русскоязычного населения Эстонии, ее также поддерживают этнические эстонцы. Но Центристская партия более популярна у русскоязычного населения страны по сравнению с этническими эстонцами потому, что в среднем русскоязычное население в Эстонии находится в более сложной экономической ситуации, чем этнические эстонцы.

Центристская партия — одна из старейших политических партий Эстонии, образованная еще в 1991 г. на базе эстонского Народного фронта. Также старейшая партия — Социал-демократическая (создана в 1990 г.). После поражения на парламентских выборах 1995 г. и ряда слияний она была переименована в Умеренную партию, которая успешно выступила на парламентских выборах 1999 г. Однако после очередной неудачи на парламентских выборах 2003 г. стала снова Социал-демократической партией, и с тех пор действует под этим названием. Наконец, третья старейшая парламентская партия страны — Национальная коалиционная партия «Отечество» (появилась в 1992 г.). В 1994 г. ряд активистов вышли из этой партии, сформировав ныне правящую Партию реформ. После парламентских выборов 1995 г. Национальная коалиционная партия «Отечество» объединилась с Эстонской национальной партией независимости, образовав Союз отечества. Наконец, в 2006 г. произошло слияние Союза отечества и созданной накануне парламентских выборов 2003 г. популистской партии Республика, благодаря чему появился существующий в настоящее время Союз отечества и республики.

В отличие от остальных политических партий Эстонии, поддержка которых на выборах существенно колеблется от выборов к выборам, электорат Центристской партии остается стабильным на протяжении почти двух десятилетий. По итогам парламентских выборов 1999 г. она получила 28 депутатских мандатов, в 2003 г. — снова 28, в 2007 г. — 29, в 2011 г. — 26, в 2015 г. — 27. Критика Центристской партии со стороны правящей Партии реформ основывается главным образом на подозрениях о существующих якобы связях между руководством Центристской партии и российской элитой. В то время как роль Эстонии и других стран Балтии во внешней политике России существенно снизилась по сравнению с 1990 гг. [7], в эстонской политике имидж России продолжает играть значимую роль. И если русскоязычным электоратом Эстонии возможные связи между Центристской партией и российской элитой воспринимаются положительно, то этнических эстонцев, по задумке идеологов Партии реформ, подозрения о существовании таких связей должны напугать, заставив голосовать за другие партии. На деле, однако, этого не происходит, и электорат Центристской партии остается стабильным.

Крайние правые партии Эстонии: раскол на фоне кризиса на Украине

События на Украине 2014—2015 гг. не повлияли на избирателей Центристской партии на выборах 2015 г. Неудивительно, что сразу после проведения референдума в Крыму по вопросу о воссоединении с Россией лидер Центристской партии Эстонии Э. Сависаар занял по этому поводу нейтральную позицию, заявив, что значение имеет не то, был ли крымский референдум легитимным или нет, но то, что население и Крыма, и остальной России оказалось довольно результатами [8]. Парадоксально, но гораздо больший ущерб эти события нанесли националистическому Союзу отечества и республики. По итогам парламентских выборов 2015 г. эта партия получила лишь 14 мест в парламенте из 23 мест, которые у нее были по результатам выборов 2011 г.; выборы 2015 г. стали для партии худшими за более чем десятилетие. Представляется, что основной причиной неудачи Союза отечества и республики стал раскол среди эстонских крайних правых политических деятелей, который спровоцировали события на Украине.

Объединение Союза отечества с партией «Республика» в 2006 г., с одной стороны, позволило объединенной партии стать более весомой силой в эстонской политике, с другой — привело к недовольству многих ветеранов Союза отечества. В результате, предвидя поражение Союза отечества и республики на парламентских выборах 2015 г., некоторые ветераны Союза отечества вышли из партии и занялись самостоятельным партийным строительством. Так, А. Херкель, бывший лидер фракции Союза отечества и республики в Рийгикогу, возглавил Свободную партию, в которую вошла часть ветеранов Союза отечества, вышедших из партии после объединения с партией «Республика». По итогам парламентских выборов 2015 г. эта партия получила восемь депутатских мандатов. Однако новая партия не оставила себе пространства для политического маневра: если она и войдет в состав правящей коалиции, то лишь вместе с Партией реформ и Союзом отечества и республики. Ее предвыборная платформа накануне выборов 2015 г. отличалась резкой антироссийской риторикой, по этой причине ее союз с Центристской партией вряд ли возможен.

Гораздо больший интерес представляет другая политическая партия, получившая представительство в Рийгикогу по итогам парламентских выборов 2015 г., — Эстонская консервативная народная партия. С одной стороны, во главе этой партии стоит М. Хельме, занимавший должность посла Эстонской Республики в Российской Федерации в 1995—1999 гг., а после завершения дипломатической службы перешедший в лагерь праворадикальных политиков Эстонии, наряду с другим не менее известным праворадикальным эстонским политиком Т. Мадиссоном [9]. М. Хельме — автор нескольких книг, в которых критику-

ется антиэстонская якобы направленность внешней политики России [напр., 10]. С другой стороны, его партия смогла получить семь депутатских мандатов на парламентских выборах 2015 г. только потому, что накануне выборов она объединилась с Народным союзом — партией, представляющей интересы эстонских фермеров. При этом до 2007 г. Народный союз входил в правящую коалицию вместе с Центристской партией, а потому в будущем можно ожидать союза Центристской партии и Эстонской консервативной народной партии, если последняя сумеет отказаться от резкой антироссийской риторики как основы своей предвыборной платформы.

«Русские» партии Эстонии: маргинальное положение

Политические партии, позиционирующие себя в качестве представителей русскоязычного населения Эстонской Республики, утратили представительство в Рийгикогу в первом десятилетии XXI в. В 1994 г. была создана Русская партия в Эстонии, объявившая себя преемницей Русского национального союза Эстонии — политической партии, действовавшей в стране в 1920-х гг. и получившей один депутатский мандат на парламентских выборах 1920 г. На парламентских выборах 1995 г. эта партия создала коалицию с Объединенной народной партией под названием «Наш дом Эстония»; коалиция получила шесть депутатских мандатов в Рийгикогу. На парламентских выборах 1999 г. Русская партия Эстонии и Объединенная народная партия баллотировались по отдельным спискам; в результате Объединенная народная партия получила шесть депутатских мандатов, а Русская партия в Эстонии, за которую проголосовали лишь 2% избирателей, не смогла преодолеть избирательный барьер. На парламентских выборах 2003 г. ни Русская партия в Эстонии, ни Объединенная народная партия не смогли пройти в Рийгикогу.

Считалось, что неудачи «русских» партий Эстонии связаны с двумя факторами. Во-первых, это принятое в Эстонии в 1990-х гг. законодательство о гражданстве, из-за которого многие представители русскоязычного населения страны до сих пор не имеют гражданства страны и, как следствие, права голоса на выборах. Во-вторых, это политическая пассивность русскоязычного населения Эстонии. Вместе с тем влияние ни одного из этих факторов нельзя назвать решающим. События апреля 2007 г., когда тысячи представителей русскоязычного населения Эстонии приняли участие в массовых беспорядках, спровоцированных решением правительства страны перенести памятник советским воинам-освободителям из центра Таллина на воинское кладбище на окраине города, опровергли тезис о политической пассивности русскоязычного населения [11]. Доля постоянных жителей страны, не имеющих гражданства Эстонской Республики, также неуклонно снижается, что показывает, что многие из них все-таки проходят процедуру натурализации, приобретая и избирательные права.

Электорат Центристской партии, который должен был бы увеличиваться по мере того, как русскоязычные жители Эстонии приобретают гражданство и начинают голосовать за Центристскую партию, также не растет. Можно предположить, что часть из них голосуют за правящие эстонские партии, например за Социал-демократическую партию, с которой в 2012 г. объединилась Русская партия в Эстонии. По итогам парламентских выборов 2015 г. депутатский мандат получили 12 представителей русскоязычного населения страны, представляющие практически все политические партии, включая и крайне правые. Видимо, часть из них продолжают голосовать за Объединенную народную партию, в 2006 г. превратившуюся в Конституционную партию, а в 2008 г. — в Эстонскую объединенную левую партию, однако эта часть крайне незначительна: на парламентских выборах 2015 г. данная партия набрала менее тысячи голосов избирателей, что составляет десятую долю процента. Наконец, можно предположить, что значительная часть русскоязычного населения страны не рассматривает ни одну из действующих политических партий в качестве выразителей своих интересов и не участвует в выборах.

***

Прошедшие 1 марта 2015 г. парламентские выборы в Эстонской Республике продемонстрировали стабильность партийно-политической системы страны, где пять шестых всех избирателей, принявших участие в выборах, отдали предпочтение тем же политическим партиям, что и четыре года назад. Неудовлетворенность значительной части населения экономическим положением в стране привела к тому, что правящие Партия реформ и Социал-демократическая партия незначительно уменьшили свое представительство в парламенте, в то время как оппозиционная Центристская партия увеличила, но незначительно. Худший результат продемонстрировала консервативная партия «Союз отчества и республики», которая потеряла более трети имевшихся у нее депутатских мандатов.

Одновременно в Рийгикогу сумели пройти Эстонская консервативная народная партия и Свободная партия, чей успех был обусловлен в значительной мере антироссийской риторикой их лидеров. Представляется, что эти партии смогут закрепить свой успех в случае, если они продемонстрируют способность создавать коалиции с другими партиями, в противном случае на парламентских выборах 2019 г. они не смогут преодолеть избирательный барьер, в то время как Союз отчества и республики «вернет» себе часть депутатских мандатов, потерянных в 2015 г. Перспективы партий, позиционирующих себя в качестве представителей русскоязычного населения страны, в первую очередь Эстонской объединенной левой партии, представляются незначительными в условиях, когда остальные партии, в первую очередь Центристская, сумели найти своих избирателей среди русскоязычного населения.

Список источников и литературы

1. Дюверже М. Политические партии. М., 2000.
2. Meleshevich A. A. Party Systems in Post-Soviet Countries: A Comparative Study of Political Institutionalization in the Baltic States, Russia, and Ukraine. London, 2007.
3. Toomla R. Eesti Erakonnad. Tallinn, 1999.
4. Toomla R. Eesti Erakonnad 2000—2010. Tartu, 2011.
5. Ланко Д. А. Региональный подход в формировании политики России в отношении Эстонии // Балтийский регион. 2013. № 3(17). С. 52—64.
6. Гончаров В. Э. Идеологический брендинг «Единой России» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6, № 1. С. 68—82.
7. Ланко Д. А. Эстония во внешней политике Российской Федерации: прогноз на среднесрочную перспективу // Балтийский регион. 2014. № 1 (19). С. 46—55.
8. Gnadenteich U. Savisaar Moskvast: Krimmi referendum legitiimsus pole oluline // Postimees. 2014. 18. märts.
9. Ланко Д. А. Крайний правый радикализм и комплексность политических представлений: пример Эстонии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6, № 1. С. 128—142.
10. Helme M. Kremli tähtede all. Tallinn, 2002.
11. Ланко Д. А. Популизм и политическое участие: уличные беспорядки в странах Балтийского региона в 2007—2009 гг. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5, № 2. С. 209—230.

Об авторе

Дмитрий Александрович Ланко, кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: dimppa@hotmail.com

ESTONIAN POLITICAL PARTIES IN THE MID-2010S

D. Lanko*

* Saint Petersburg State University
7—9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034 Russia

Submitted on March 17, 2015

The article provides an analysis of political party system of the Republic of Estonia in the mid-2010s. The analysis is based on the works of Moris Duverger. As one might expect, the establishment of proportionate electoral system in Estonia has resulted in the formation of a multi-party system, in which no single party dominates in the parliament even in a short run. The article demonstrates that though Estonian political party system develops in line with the tendencies typical to political party systems of most European countries, some of its elements are more common to post-communist countries. It indicates that the political party system in Estonia has stabi-

lized throughout the past decade. Today, five sixths of voters support one of the four main political parties. A minority of voters does not consider any of the four dominant parties as a representative of their interests; thus, they vote for parties that had not been previously represented in the parliament. This allowed for two minor political parties to pass into the parliament at 2015 elections: the Estonian Conservative People's Party, and Free Party. In the long run the minor parties will be able to keep parliamentary seats depending on their ability to build coalitions, either with the three governing parties — Reform Party, Pro Patria and Republic Union, and Social-Democratic Party, or with opposition Centre Party. The article considers the impact of the split in the Estonian society between ethnic Estonians and Russophonic people on political party system. It demonstrates that the majority of Russophonic voters in Estonia support the Centre Party, every major political party in the country has its Russophonic voters, while Estonian United Left Party, which promotes itself as a particular representative of the country's Russophonic minority, remains a marginal political force.

Key words: comparative politics, political parties, party systems, Republic of Estonia.

References

1. Duverger, M. 2000, *Politicheskie partii* [Political parties], Moscow, 538 p.
2. Meleshevich, A. A. 2007, *Party Systems in Post-Soviet Countries: A Comparative Study of Political Institutionalization in the Baltic States, Russia, and Ukraine*, London, 262 p.
3. Toomla, R. 1999, *Eesti Erakonnad*, Tallinn, 351 lk.
4. Toomla, R. 2011, *Eesti Erakonnad 2000—2010*, Tartu, 250 lk.
5. Lanko, D. A. 2013, The regional approach in the policy of the Russian Federation towards the Republic of Estonia, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 37—45. DOI: 10.5922/2079-8555-2013-3-4.
6. Goncharov, V. E. 2010, Ideologicheskij brending «Edinoj Rossii» [The ideological branding "United Russia"], *Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS* [Political expert: POLITEKS], Vol. 6, no. 1, p. 68—82.
7. Lanko, D. A. 2014, Russian-Estonian relations: a medium-term forecast, *Balt. Reg.*, no. 1, p. 34—40. DOI: 10.5922/2079-8555-2014-1-3.
8. Gnadenteich, U. 2014, Savisaar Moskvaa: Krimmi referendum legitiimsus pole oluline, *Postimees*, 18. märts.
9. Lanko, D. A. 2010, Krajnij pravyy radikalizm i kompleksnost' politicheskikh predstavlenij: primer Jestonii [Extreme right-wing radicalism and complexity of political views: the case Estonia], *Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS* [Political expert: POLITEKS], Vol. 6, no. 1, p. 128—142.
10. Helme, M. 2002, *Kreml'i tähtede all*, Tallinn, 278 lk.
11. Lanko, D. A. 2009, Populizm i politicheskoe uchastie: ulichnye besporjadki v stranah Baltijskogo regiona v 2007—2009 [Populism and political participation: riots in the Baltic region in 2007—2009], *Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS* [Political expert: POLITEKS], Vol. 5 no. 1, p. 209—230.

About the author

Dr. Dmitry A. Lanko, Associate Professor, Department of European Studies, School of International Relations, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: dimppa@hotmail.com

**РОЛЬ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ
В ФОРМИРОВАНИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ
В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ**

В. А. Смирнов*

Анализируется роль политических элит в формировании исторической политики в Литве, Латвии и Эстонии. Выделяются три периода в развитии исторической политики в прибалтийских государствах. Проблемы политизации прошлого рассматриваются в связи с событиями политической жизни и международных отношений. Обобщается вывод об усиливающейся тенденции к продвижению «версий прошлого», уравнивающих нацизм и коммунизм, на общеевропейский уровень. В данном процессе прибалтийские элиты играют заметную роль, выстраивая взаимодействие с элитами Восточной Европы, экспертными и политическими кругами Западной Европы и США. Основные тенденции в развитии исторической политики в странах Прибалтики — использование политическими элитами административных и законодательных инструментов для утверждения предпочтительных «версий прошлого», а также активная политическая работа на межгосударственном уровне, нацеленная на включение прибалтийских «версий» прошлого в общеевропейскую политику памяти. Историческая политика прибалтийских режимов, выставляющая страны Прибалтики как жертвы «двух тоталитаризмов» («нацистской и советской оккупации»), активно используется в качестве внешнеполитического инструмента. Политизация темы «антитоталитаризма» — востребованный сегодня внешнеполитический инструмент, который служит интересам не только прибалтийских и восточноевропейских политиков, но находит идейных сторонников и в Западной Европе, и в США (в частности, в рамках «стратегии перемалывания», применяемой США в отношении постсоветского пространства).

---

* Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

Поступила в редакцию 18.12.2014 г.

doi: 10/5922/2074-9848-2015-2-6

© Смирнов В. А., 2015

Ключевые слова: историческая политика, политические элиты, Прибалтика, Литва, Латвия, Эстония

Трактовка истории является неотъемлемым элементом государственного строительства, определяя содержание идеологического измерения данного процесса. В Восточной Европе после распада СССР политизация истории приобрела особенно яркий характер [11]. Историческая политика¹, проводимая элитами стран Прибалтики, представляет данный процесс в концентрированном выражении и заслуживает внимательного рассмотрения.

Научный интерес к проблемам консолидации политических и национальных сообществ возрос во второй половине XX в. Большое влияние в политической науке приобрело течение конструктивизма, выдвинувшееся на ведущие позиции при изучении национализма. Его опорный тезис заключается в «искусственном» происхождении национальных общностей, для «изобретения» которых элиты используют мифы и символы, передающие (и создающие) память о прошлом [22]. В центре этого процесса находится государство².

Несмотря на незавершенные споры об «искусственности» или «естественности» национальных общностей³, очевиден тот факт, что политическая консолидация общества требует целенаправленной политики со стороны элит. Данная деятельность ограничивается не только политическими целями представителей властных групп, но также доступными им ресурсами — как материальными, административными, так и символическими.

Важно различать понятия «историческая политика» и «политика памяти». Последняя представляет собой систему ритуалов и практик коммеморации и преподавания истории (памятные даты, праздники, наградная система и пр.). Историческая политика может быть определена как комплекс мер по активному продвижению конкретных интерпретаций событий прошлого для достижения определенных политических целей⁴. Субъектом исторической политики может выступать как

---

¹ Понятие «историческая политика» (Geschichtspolitik) получило распространение в Германии в 1980-х гг. в ходе «спора историков» о причинах нацизма. Канцлер Германии Г. Коль предложил немецкому обществу «морально-политический поворот» с целью подпитки патриотизма и ослабления комплекса вины. Критики данного подхода, ведущую роль среди которых сыграл Ю. Хабермас, обвинили сторонников «поворота» в политизации истории, используя для этого термин «историческая политика». В течение следующих двух десятилетий изначально негативный подтекст данного понятия был размыт. Историческая политика стала трактоваться не столько как политизация истории, сколько как сбережение памяти о прошлом, необходимое для политической консолидации нации. Термин получил широкое применение в Восточной Европе в ходе национального строительства и выработки идеологической базы новых режимов после распада СССР.

² Формирование централизованного бюрократического государства было продиктовано ведением войн и развитием экономики, что требовало повышения идеологического и мировоззренческого единства проживающих на его территории социальных групп. См. подробнее: [6; 38].

³ См. подробнее: [7].

⁴ Подробнее см.: [15].

государство, так и отдельные политические партии или влиятельные социальные группы. Конкретные цели исторической политики и степень интенсивности их достижения могут различаться, как и методы их достижения. В широком смысле историческая политика способствует «изобретению» традиций⁵ согласно определенным политическим целям властных групп. В соответствии с классификацией Э. Хобсбаума, «изобретение» традиций может выполнять три основные задачи: консолидация сообществ; легитимация власти; трансляция ценностей и норм поведения. На практике, как правило, происходит комбинирование данных задач.

Существенной теоретико-методологической проблемой является четкое разграничение предметной области и выработка критериев, на основе которых можно осуществлять сбор эмпирического материала при изучении исторической политики. Междисциплинарный характер данного исследовательского направления обуславливает известные трудности при операционализации концептуальных подходов. В настоящей статье основным объектом анализа стали публичные конкретные эпизоды, выступающие частью системных усилий по вмешательству политических элит⁶ в политику памяти, политизации истории⁷. Это вмешательство происходит на четырех основных уровнях: создание и поддержка институтов для проведения исторической политики; принятие законов, затрагивающих тематику прошлого и политику памяти; непосредственное участие или поддержка конкретных мероприятий, прямо воздействующих на политику памяти; участие в дебатах о прошлом и использование тематики прошлого в политической риторике. Объекты изучения определяют набор применяемых исследовательских методов: анализ кейсов, дискурс-анализ и институциональный анализ. Данный подход позволяет выявить характерные черты исторической политики в странах Прибалтики, сделать выводы о ключевых тенденциях и вероятных перспективах.

Активную историческую политику проводят все страны постсоветского пространства [3], однако модели существенно различаются. Так, в Центральной Азии распространена публикация книг глав государств, в которых дается однозначная трактовка национальной истории. В Вос-

⁵ Э. Хобсбаум определяет «изобретенные традиции» как «совокупность общественных практик ритуального и символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или не явно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели — повторение» [26, p. 165].

⁶ В настоящей статье используется определение политических элит, сформулированное О. В. Гаман-Голутвиной, как социальной группы, внутренне сплоченной, составляющей меньшинство общества и обладающей достаточными ресурсами для влияния на важнейшие стратегические решения в рамках политики [5].

⁷ Автор исходит из политологического ракурса при изучении исторической политики, фокусируя внимание на политизации истории — использовании тематики прошлого главным образом политическими акторами в политических контекстах. См. подробнее: [41].

точной Европе пространство для академических и общественных дискуссий шире, поэтому властные группы используют разнообразный набор инструментов.

После распада СССР в Восточной Европе историческая политика оказалась весьма востребованным ресурсом для достижения внутри- и внешнеполитических целей⁸. Среди них — легитимация власти, борьба с оппозицией, отвлечение внимания от значимой повестки дня, усиление позиций государства в международных переговорах и т.д.⁹ Несмотря на различие целей, имеется ряд общих черт, придающих исторической политике практическое звучание. Как отмечает российский историк А. И. Миллер, историческая политика может проводиться исключительно с позиции жертвы, поскольку она требует использования прошлых страданий не только как мобилизующей силы, но также и для «экспорта вины» [14].

Г. В. Касьянов выделил общие особенности для исторической политики стран Восточной Европы на современном этапе [12], среди которых — этническая эксклюзивность страданий; конфронтационность и элементы ксенофобии; акцент на «сакральных» мучениях нации; ответственность за зло возлагается на внешние силы, прежде всего коммунизм и др.

Перейдем к анализу исторической политики в странах Прибалтики. Литва, Латвия и Эстония часто относятся к лимитрофному пространству [32] как «культурной области, которая имеет немного либо вовсе не имеет признаков исторической государственности» [40, р. 80]. «Дефицит истории»¹⁰ ведет к самоидентификации стран Прибалтики на со-

⁸ Весьма точный собирательный образ восточноевропейской исторической политики приводится А. И. Миллером: «Во многих соседних странах есть политические силы, которые совершенно сознательно стремятся превратить историю в оружие политической борьбы. В области международных отношений они стремятся зафиксировать для тех или иных стран, прежде всего для России, роль "виноватого", а для своей — роль "жертвы", в расчете получить определенные моральные преимущества. Требуя от России покаяния и компенсаций за реальные и мнимые грехи, описывая ее как неизлечимо агрессивную имперскую нацию, создавая образ России как конституирующего и враждебного "Чужого", сторонники "исторической политики" считают ее подходящим инструментом для формирования национальной идентичности у себя в стране, для борьбы со своими политическими оппонентами, для маргинализации тех или иных групп населения, в том числе русского меньшинства, там, где оно есть» [16].

⁹ Подробнее о целях исторической политики см.: [11].

¹⁰ В литовском случае это проявляется, например, в безоглядном культивировании наследия Великого княжества литовского, позволяющем представителям властных кругов утверждать, что, «говоря о тысячелетии Литвы, мы говорим о тысячелетии нашего пребывания в Европе» (из речи президента Литвы В. Адамкуса 06.07.2009). Такая точка зрения, впрочем, не является общепринятой. Как пишет Э. Хобсбаум о ситуации первой четверти XX в., «немцы создали три малых прибалтийских национальных государства, которые не имели под собой исторического прецедента и, по меньшей мере, в случае Эстонии и Латвии — заметного национального запроса. Они [государства] поддерживались в качестве «санитарного кордона» против большевистской России» [26].

временном этапе как «Европа, но не совсем Европа» и предопределяет необходимость обширной работы по «изобретению новой истории» государственности.

Не может быть проигнорирован и тот факт, что страны Прибалтики после распада СССР стали передним рубежом в применяемой США на постсоветском пространстве «стратегии перемалывания» для раздробления потенциальных сил противодействия американским интересам¹¹. Это также накладывает отпечаток на политику прибалтийских элит и обуславливает инструментальный подход к истории, делает востребованной ее политическую «адаптацию».

В развитии исторической политики в странах Прибалтики можно выделить три основных этапа. Первый этап охватывает период с начала 1990-х до начала 2000-х гг. Это время формирования новых политических режимов прибалтийских государств и укрепления вектора на интеграцию в евроатлантическое пространство. На волне «поющих революций» к власти пришли так называемые «политики морали»¹² — представители научной и творческой интеллигенции. Их действия были направлены в первую очередь на символическое оформление новых политических режимов, де-факто изобретение и огосударствление национализма¹³. Одним из ярких собирательных образов, олицетворяющих указанную тенденцию, может считаться В. Ландсбергис, занимавший ведущие государственные посты в Литве в 1990-х гг. и считавший себя наследником А. Сметоны¹⁴.

В этих условиях запрос на историческую политику возник главным образом у нового политического руководства, которое остро нуждалось в ресурсах, доступных с точки зрения затрат и эффективных в смысле массовости результатов и необходимых для идеологического обоснования своего нахождения у власти и нового политического курса. В Прибалтике была провозглашена доктрина континуитета, утверждавшая связь новых политических режимов с правительствами периода независимости до Второй мировой войны. Центральными стали идеологемы «возвращения на Запад» и «советской оккупации».

¹¹ «Стратегию перемалывания» А. Д. Богатуров определяет как «линию на формирование и поддержку сети не особенно сильных и не слишком устойчивых государств... дорожащих поддержкой США, делающей их податливыми к американским рекомендациям» [4, с. 364].

¹² Феномен «политиков морали» в начале 1990-х гг. проявился в Восточной Европе и на Южном Кавказе. См. подробнее: [20]. О «политиках морали» в Прибалтике см.: [21].

¹³ Этничность активно использовалась как ресурс политической мобилизации в Прибалтике еще до выхода из СССР в 1991 г. при создании параллельных органов власти. См., например: [2].

¹⁴ Антанас Сметона — диктатор, захвативший власть в Литве в 1926 г. путем переворота и бежавший в Германию в 1940 г. О символической преемственности В. Ландсбергиса и А. Сметоны см.: [29].

К середине 1990-х гг. позиции «политиков морали» в основном ослабли. Пришедшие к власти новые руководители (большинство из них еще недавно были частью партийной номенклатуры) столкнулись с необходимостью укрепления власти в условиях политической и экономической трансформации, сопровождающейся нестабильностью. Путь исключения национальных меньшинств из политического процесса¹⁵, избранный элитами Латвии и Эстонии, воплотился в институт «неграждан».

В этот период историческая политика получает стремительное институциональное оформление. Под патронатом государства создаются специализированные институты, музеи, комиссии, призванные продвигать и агрессивно охранять конкретную историческую интерпретацию, со временем приобретающую все более сакральный статус¹⁶. Национальные парламенты инициируют создание комиссий по подсчету ущерба от «советской оккупации»¹⁷. «Наследие коммунизма» становится универсальным внутривнутриполитическим ответом элит на текущие проблемы в экономике и институциональном развитии. Но это еще и способ примирить демократическую идеологию, необходимую элитам для интеграции на Запад, и государственный этнонационализм, исключаящий национальные меньшинства из политического процесса (институт «неграждан» в Латвии и Эстонии, проблема польского меньшинства в Литве)¹⁸. Активно эксплуатируется и тема «внешней российской угро-

¹⁵ В начале 1990-х гг. в Латвии и Эстонии были приняты законы, учреждающие институт «неграждан» — жителей республик, пораженных в политических, экономических и социальных правах. Дискриминации подверглись практически все жители республик, не являвшиеся потомками довоенных жителей Латвии и Эстонии. Они получили ярлык «советских иммигрантов». По некоторым оценкам, их численность доходила до 40% от общего населения Латвии начала 1990-х гг. и до 30% — в Эстонии [33, р. 33].

¹⁶ Перечислим лишь наиболее известные учреждения: Центр исследования геноцида и резистенции жителей Литвы, Комиссия по истории при Президенте Латвии, Эстонский институт исторической памяти. Музеи «нацистской и советской оккупации» созданы в Литве, Латвии и Эстонии и их посещение с неизменным постоянством вносится в программы визитов западных политиков. В 2013 г. после восьмилетнего перерыва по указу Президента Литвы Д. Грибаускайте возобновила свою деятельность Международная комиссия по оценке преступлений нацистского и советского режимов в Литве.

¹⁷ В Эстонии подсчет ущерба от советской оккупации начался еще в 1992 г. В Литве в 2000 г. Сейм принял закон «О возмещении ущерба от советской оккупации». В 2005 г. в соответствии с декларацией Сейма Латвии начала работать комиссия по подсчету ущерба от оккупации в Латвии.

¹⁸ На фоне присоединения Литвы, Латвии и Эстонии к ЕС активизировалась традиционная критика со стороны международных организаций, касающаяся массовых нарушений прав человека в прибалтийских государствах. С соответствующими докладами и заявлениями выступали профильные органы ООН, ОБСЕ, Совета Европы, ПАСЕ, Еврокомиссии, а также различные международные общественные правозащитные организации.

зы» как часть так называемого «дискурса секьюритизации», оправдывающего стремление политической элиты войти в евроатлантическое пространство безопасности¹⁹.

Точкой отсчета второго этапа в развитии исторической политики в Прибалтике стало присоединение Литвы, Латвии и Эстонии к НАТО и Евросоюзу в 2004 г. Вопреки распространенным ожиданиям это не привело к снижению конфронтационности исторической политики в Прибалтике. Альтернативу воплощали дискуссии о «балтийской идентичности» Литвы, Латвии и Эстонии на основе «исторического региона Балтики», но они остались на периферии внимания прибалтийских политиков [35].

Как отмечает М. Малксоо, «экзистенциальная политика становления европейцами» после присоединения прибалтийских государств к НАТО и ЕС не ослабла. Но теперь она проводится не с целью присоединиться к европейской идентичности, но продлить европейскую идентичность до границ с Россией. «Постоянные апелляции к истории делают возможным «позиционирование себя как жертвы России и безразличия Европы... [позволяют] поставить ЕС в позицию должника Прибалтики. Это позволяет не только настаивать на получении необходимой политической и экономической поддержки, но также претендовать на включение интересов прибалтийских государств во внешнюю политику ЕС», — подчеркивает М. Малксоо [31, р. 289].

Цель «возвращения в западную семью народов» была мощным элементом легитимации политических элит Прибалтики. Достижение данной цели закономерно создало идейный вакуум, который необходимо было заполнить. Фактически, речь идет об институциональной ловушке (так называемой «дурной бесконечности»), в которой оказались прибалтийские элиты. Темы «советской оккупации» и «российской угрозы» служили обоснованием института «неграждан» в Латвии и Эстонии и ослабление внимания к ним с высокой вероятностью привело бы к глубокому политическому кризису. Прибалтийские политики отдавали себе отчет в серьезности данных рисков²⁰. Поэтому универсальным аргументом вновь стали апелляции к прошлому и национализму. Данные сюжеты служили не только легитимации государственных институтов, но сохраняли свою привлекательность и с точки зрения использования

¹⁹ Например, для Литвы роль, играемая фактором советского наследия, может быть проиллюстрирована примером из мемуаров бывшего госсекретаря США Дж. Бейкера, который, вспоминая свой первый визит в страны Балтии в сентябре 1991 г., писал, что политическое руководство Латвии и Эстонии, встречаясь с ним, говорило о расширении торгового взаимодействия и экономического сотрудничества в целом, в то время как первые лица Литвы говорили о другом — «о советской угрозе». См. подробнее: [28].

²⁰ Показательное заявление сделала в 2005 г. председатель Комиссии по иностранным делам Сейма Латвии Вайра Паэгле: «Если мы отказываемся от концепции оккупации, то ставим под угрозу нашу политику в отношении гражданства, в отношении неграждан и их прав и других ключевых вопросов. Понятно, что на такой шаг мы пойти не можем» (Вести сегодня. 2005. 21 мая).

в повседневной внутривнутриполитической борьбе. Латвийские ученые Б. Зеза и И. Супуле заключали, что политические элиты «по-прежнему используют этничность для того, чтобы привлекать сторонников на выборах. Таким образом, именно политики становятся основным катализатором усиления этнической напряженности» [10, с. 9].

Литовский исследователь В. Сафроновас отмечает, что предпринятая евроатлантическая интеграция Литвы сделала необходимой весьма обширную программу по «переработке памяти» и «формированию прозападных настроений населения». При этом на постоянной основе проводилась работа по превращению «сопротивления оккупациям» в середине XX в. в наивысшую ценность. Достижение «исторической справедливости» осуществлялось через отрицание предшествующего режима (в том числе и путем криминализации альтернативных оценок), через введение процедуры люстрации и др. [18].

С 2004 г. отмечается дальнейшее нарастание конфронтационности исторической политики в странах Прибалтики и Восточной Европы в целом [17]. Одним из наиболее зримых проявлений противоречий стали печально известные «войны памятников» в Прибалтике²¹. Однако основные тенденции были более обширными: продолжилась глорификация нацизма²² и эксплуатация темы «советской оккупации», отождествление советского и нацистского режимов. Вхождение представителей зарубежных диаспор в состав политических элит Прибалтики на протя-

²¹ Отметим лишь несколько наиболее заметных эпизодов, случившихся на фоне множества более мелких инцидентов осквернения памятников: события вокруг демонтажа памятника советским воинам, павшим в Великой Отечественной войне в Таллине в 2007 г. («Бронзовый солдат»); многочисленные попытки демонтировать памятник воинам-освободителям в рижском Задвинье; планы властей Литвы по сносу советских скульптур (в том числе воинам Красной армии) в Вильнюсе. Параллельно устанавливаются новые памятники, например памятник латышским legionерам СС в г. Бауска.

²² Среди наиболее символических событий следует отметить регулярные марши ветеранов СС в столицах Прибалтики и похороны с государственными почестями пособников нацизма. Так, в 2014 г. в Эстонии состоялись торжественные похороны ветерана СС Х. Нугисекса. В 2012 г. в Литве торжественно перезахоронен Ю. Амбразевичус. Возглавляемый им Фронт литовских активистов был одним из инициаторов массовых убийств евреев в Литве во время Второй мировой войны. Яркой иллюстрацией идеологии данной организации является выдержка из статьи «За что борются активисты?» председателя комиссии по пропаганде Фронта литовских активистов Б. Райлы, 10 мая 1941 г.: «Последствия прошлых веков и особенно большевистская оккупация нанесли большой вред организму литовского народа, заразили отвратительными бактериями и развели на литовской земле уйму сорняков. Поэтому Фронт литовских активистов полон решимости, восстановив новую Литву, незамедлительно и до основания очистить литовский народ и литовскую землю от евреев, паразитов и вырожденцев. В свете этой задачи очищение от евреев составляет самую главную ее часть». Полный текст статьи приводится в: [39].

жении 1990—2000-х гг. придало дополнительный импульс данным процессам²³. В среде прибалтийских диаспоральных сообществ значительный вес имели нацистские коллаборационисты и их потомки.

Известный литовский историк Ч. Лауринавичюс указывает на довлеющую политическую подоплеку в интерпретации событий Второй мировой войны в Литве. Он подчеркивает политизированность занимаемой властными группами Литвы позиции: с одной стороны, политика прибалтийских стран в тот период оправдывается любыми средствами, а с другой — максимальная вина возлагается на СССР. В результате закрепляется образ «восточного соседа» как постоянного врага, который впоследствии используется с манипулятивными целями в соответствии с внутриполитической конъюнктурой [13].

Ощущение неопределенности после вступления в НАТО и ЕС, породившее череду внутриполитических кризисов, повлекло усиление «антитоталитарной» риторики политических элит [1]. Эти процессы совпали по времени с «оранжевыми революциями» на постсоветском пространстве, которые подхлестнули в Восточной Европе новую волну политизации истории²⁴.

В качестве границы начала третьего этапа в развитии исторической политики стран Прибалтики может рассматриваться рубеж 2010-х гг. Однако предпосылки постепенно складывались на протяжении предыдущих двух десятилетий. Основной тенденцией становится продвижение прибалтийскими элитами своих «версий» прошлого на общеевропейский уровень. В этой работе задействуются международные площадки ОБСЕ, Европейского парламента, ПАСЕ, Европейского суда по правам человека, Парламентской ассамблеи НАТО и др.²⁵

Процессы европейской интеграции на протяжении последних десятилетий способствовали примирению и активному диалогу «национальных версий» прошлого в Западной Европе. Происходило формирование так называемой «постнациональной культуры памяти», предполагающей плюрализм трактовок прошлого [42] на основе признания во

²³ Пост Президента в Литве и Эстонии занимали выходцы из литовской диаспоры в США, граждане США В. Адамкус (1998—2003 гг., 2004—2009 гг.) и Т.Х. Ильвес (2006 г. — по настоящее время). В. Вике-Фрейберга, гражданка Канады, была президентом Латвии в 1999—2007 гг. Представители зарубежных диаспор также занимали и продолжают занимать высокие посты в парламентах, дипломатических и силовых ведомствах прибалтийских стран.

²⁴ В частности, Украина во время президентства В.А. Ющенко попыталась повторить «прибалтийский путь» в исторической политике, создавая музеи «советской оккупации» и пытаясь сделать идею о голодоморе краеугольным идеологическим основанием государственной легитимности.

²⁵ Так, показательной является реакция общеевропейских институтов на празднование в Москве 60-летия Победы в Великой Отечественной войне. Европейский парламент принял резолюцию (12 мая 2005 г.) по итогам Второй мировой войны, указывая на «масштаб страданий, несправедливости, длительной социальной, политической и экономической деградации, пережитых нациями-пленниками, оказавшимися по восточную сторону железного занавеса» [24]. ПАСЕ приняла резолюцию (22 июня 2005 г.), в которой призвала Россию выплатить компенсации «лицам, депортированным из оккупированных стран Прибалтики (курсив авт. — В.С.) и их потомкам» [34].

многим общей вины европейских государств за Холокост. Вступление государств Восточной Европы в ЕС повлекло постепенную трансформацию сложившейся модели. Произошло обострение полемики вокруг исторических тем [37] на фоне продвижения восточноевропейскими государствами «национальных» историй, в которых данные страны выступают жертвами «двух тоталитаризмов» — «нацистского» и главным образом «советского».

Довольно точную характеристику данному процессу дал немецкий ученый К. Фолк: «Национализация памяти о «советской оккупации»... (в странах Прибалтики) нацелена на формирование культурной памяти жертвы и игнорирует темные стороны национальной истории, в том числе сотрудничество со сталинской Россией и нацистским режимом, но в особенности давнюю традицию антисемитизма» [42]. Данные исторические противоречия наложились на стремление прибалтийских элит повысить собственный статус, расширить ресурсные возможности в рамках Евросоюза, что привело к активизации исторической политики на общеевропейском уровне. Усилия представителей прибалтийских режимов в этом направлении концентрировались как на уровне институтов ЕС, так и на межгосударственном уровне стран Восточной Европы. Более широкие возможности для продвижения собственной «исторической программы» перед прибалтийскими элитами открылись в связи с украинским кризисом, вызвавшим рост недоверия и сокращение научных и дипломатических контактов между Евросоюзом и Россией [17]. Однако нельзя сказать, что в Прибалтике историческая политика полностью перенесена с национального на наднациональный уровень. Скорее, последний стал новой площадкой для реализации апробированных и по-прежнему развивающихся на национальном уровне подходов к исторической политике.

В странах Прибалтики политики продолжают активно эксплуатировать тему «русской угрозы» в рамках популистской программы для мобилизации электората [27]. Р. Х. Симонян указывает, что манипулирование «оккупационной концепцией» позволяет правым национал-радикальным партиям мобилизовать существенную часть электората в ходе парламентских выборов [19]. Но происходят и более фундаментальные сдвиги: политизированное прочтение прошлого закрепляется на законодательном уровне, приобретая нормативный, общеобязательный характер. Парламенты Литвы и Латвии в 2010 и 2014 гг. соответственно принимают законы, устанавливающие уголовную ответственность и наказание в форме лишения свободы за отрицание «советской оккупации». Летом 2015 г. в Литве запланировано начало масштабного судебного процесса против граждан России, участвовавших в январе 1991 г. в обеспечении порядка во время волнений в Вильнюсе. Политически ангажированный процесс нацелен на международную правовую дискредитацию России как «правопреемника преступного государства — СССР»²⁶.

²⁶ В основе обвинения тезис о том, что в январе 1991 г. СССР совершил «агрессию» в отношении Литвы как «независимого государства». Альтернативная трактовка событий 1991 г. запрещена — усомнившийся в официальной версии А. Палецкис, бывший вице-мэр Вильнюса, был подвергнут уголовному нака-

В 2013—2014 гг. в Литве на парламентском уровне проходила активная дискуссия об изменении записи в графе «место рождения» в паспорте граждан с «Литовской ССР» на «оккупированную Литву».

Если раньше пространство исторической политики подогревалось политическими декларациями, политикой в сфере культуры и образования, спорадической цензурой в СМИ, то к настоящему времени процесс «дозрел» до криминализации отрицания санкционированных властями «версий прошлого». Фактически, пространство исторической политики внутри прибалтийских стран постепенно сжимается под давлением административных и законодательных механизмов, все больше напоминая систему государственной идеологии.

«Историко-идеологические» новеллы в законодательстве прибалтийских стран можно было бы рассматривать как попытку «закручивания гаек» во внутренней политике. Однако более вероятное объяснение отсылает к линии прибалтийских элит на приравнение нацистского и советского режимов и, следовательно, Холокоста и «преступлений коммунизма» под общей вывеской «преступлений тоталитаризма». Данную гипотезу подтверждает попытка провести аналогичные законы в Европейском парламенте. В 2010 г. Еврокомиссия отклонила законопроект «О двойном геноциде», предполагавший приравнение «преступлений коммунистических режимов» к Холокосту и введение уголовной ответственности за их отрицание и «тривиализацию». Инициаторами законопроекта, наряду с Литвой и Латвией, выступили Болгария, Венгрия, Румыния и Чехия.

Общеввропейский вектор прибалтийских элит на осуждение «преступлений тоталитаризмов», на первый взгляд, входит в противоречие с распространенной в Прибалтике практикой глорификации нацизма. Символичным является так называемый «кризис в Лихула» в 2004 г. В этом эстонском городе был установлен барельеф, изображающий солдата в форме СС с подписью: «Эстонским мужчинам, которые воевали в 1940—1945 гг. против большевизма и во имя восстановления независимости Эстонии». Менее чем две недели спустя памятник был ночью демонтирован эстонскими властями без публичного обсуждения. Это спровоцировало активные дискуссии на тему слабости и несамостоятельности национального правительства. Эстонские ультранационалисты осквернили ряд памятников советским воинам.

занию, лишен государственных наград, стал объектом кампании по дискредитации в СМИ. Дело о январских событиях 1991 г. в 2010 г. в Литве было переключено как «военное преступление» и «преступление против человечности», не имеющее срока давности. Около 80 граждан России являются подозреваемыми по этому делу, через Интерпол выданы несколько десятков ордеров на арест. Данное уголовное дело вместе с более «мелким» о нападении на литовский таможенный пост в пос. Мядининкай в июле 1991 г., в ходе которого погибли семь литовцев (в Литве осужден бывший омоновец К. Михайлов), составляет идеолого-пропагандистский стержень современного политического режима в Литве.

Анализ указанной коллизии позволяет увидеть более широкую интеллектуальную подоплеку общеевропейского вектора исторической политики прибалтийских элит. За два года до огласки законопроекта «О двойном геноциде», в 2008 г. в номере эстонского журнала *Diplomaatia*, приуроченном к 90-летию юбилею обретенной в 1918 г. независимости Эстонии, вышла статья Ю. Луйку [30], в прошлом — министра иностранных дел и министра обороны Эстонии.

Исходной точкой содержащихся в статье рассуждений является констатация: признание Холокоста стало не столько следствием Нюрнбергского трибунала или работы историков, но было результатом политической борьбы. Ю. Луйку предложил отказаться от попыток ревизии истории нацизма в прибалтийских государствах и сосредоточить усилия на применении «принципов Нюрнберга» к «преступлениям коммунизма». В качестве главной задачи обозначено формирование международного политического консенсуса по данному вопросу. Поборниками новой доктрины должны в первую очередь стать посткоммунистические общества как «жертвы преступлений тоталитаризма». При этом основные усилия было предложено сосредоточить в общественной сфере, а не на законодательном уровне.

Инициативы последних лет подтверждают движение политических элит стран Прибалтики в обозначенном направлении — как во внутренней, так и внешней политике. Таким образом, «российская угроза» сегодня служит гармоничным дополнением более обширной политической программы. Элиты прибалтийских государств стремятся активнее апеллировать не столько к интересам, сколько к идентичности западных партнеров [1].

Универсальным аргументом выступает «нацистская и советская оккупации», конструируемые в ходе активной исторической политики теперь и на общеевропейском уровне. Парадоксально, но Москва де-факто не является главным адресатом подобной политики, хотя возмещения «ущерба за оккупацию» прибалтийские элиты официально требуют лишь от России. Базовая посылка такого подхода — «равноценность вины» гитлеровской Германии и СССР и признание «вины» европейцев за допущение «двух оккупаций» прибалтийских государств. При этом США из Прибалтики часто видится как гарант «европейского статуса» и покровитель малых стран, «пострадавших от тоталитаризмов». Позиционируя себя как жертв «тоталитаризмов», представители прибалтийских политических режимов пытаются заставить Европу «искупить вину попустительства». Приоритетными в данном случае являются даже не столько «точечное» воздействие на установки принимающих решения европейских элит, сколько влияние на общественное мнение и широкие политические круги в ЕС, создание соответствующего общеевропейского политического климата.

Подобное влияние воплотилось в многочисленных резолюциях европейских международных организаций, примеры которых были приведены выше. Тема «коммунистического тоталитаризма» при активном участии прибалтийских политиков ставится в повестку дня междуна-

родных конференций, проникая в широкую общеевропейскую политическую и интеллектуальную дискуссию. Показательным примером стала состоявшаяся в 2013 г. в Европейском парламенте конференция «Давид и Голиаф — малые народы под гнетом тоталитарных режимов», организованная членом Европейского парламента от Латвии И. Вайдере²⁷. Параллельно с конференцией в Европейском парламенте была организована выставка «Тоталитаризм в Европе».

Следует в этом контексте отметить и фильм «The Soviet Story», режиссером которого был праворадикальный латышский историк (а сейчас — политик) Э. Шноре. Основная идея фильма, озвученного на английском языке и ориентированного на европейскую аудиторию, заключается в приравнивании «гитлеризма и сталинизма». Российские историки представили убедительные доказательства тенденциозности при подборе «исторических фактов» и прямых фальсификаций, положенных в основу киноленты [8]. Несмотря на это, политическая карьера режиссера получила мощный импульс. Э. Шноре прошел от националистической партии Латвии ВЛ-ОС/ДННЛ в Сейм, а в 2014 г. был назначен председателем Латвийской комиссии по подсчету ущерба от советской оккупации²⁸.

Несмотря на высокое государственное внимание к исторической политике в Прибалтике, попытки отличного от санкционированной версии исторического анализа фактов, положенных в ее основу, вызывают острую реакцию. В феврале 2015 г. в литовском издании «Геополитика», связанном с МИД Литвы, вышла статья под заголовком «Аморальные попытки переписать историю» [23]. Автор выражает озабоченность публикацией и изучением в России многочисленных архивных документов, подтверждающих факты «сотрудничества стран Восточной Европы с нацистами». В статье проводится мысль о том, что данные находки являются попыткой изменить традиционную трактовку истории Восточной Европы и квалифицирует исторические исследования как «аморальные». Таким образом, открыто отвергается любой научный диалог, который подменяется претензией на «моральную цензуру». «Распространение этой пропаганды становится опасным — она действует не только на Россию, но и проникает в мировое общество», — заключает автор. Таким образом, анализ непреложного факта активнейшего участия прибалтийских формирований в преступлениях нацизма именуется «пропагандой», причем «аморальной».

Политизация темы «антитоталитаризма» востребованный сегодня внешнеполитический инструмент, который служит интересам не только прибалтийских и восточноевропейских политиков, но находит идейных сторонников и в Западной Европе («новые философы»), и в США

²⁷ Акцент был сделан на «угнетения чеченского, крымско-татарского и карельского народов». И. Вайдере сформулировала цель конференции так: «пролить свет на тот факт, что множество людей были репрессированы, депортированы, подвергнуты пыткам и убиты в эпоху тоталитарного коммунизма» [25].

²⁸ Подробнее об исторической политике в Латвии см.: [9].

(неоконсерваторы). Обвинения в тоталитаризме вписываются в «стратегию перемалывания», применяемую США в отношении постсоветского пространства²⁹. Новый виток историческая политика в Восточной Европе получила уже в 2015 г. на фоне украинского кризиса. Его характерной чертой стало изобретение и заявка исторических идеологом на уровне высшего руководства стран Восточной Европы³⁰.

Подводя итог, можно отметить, что основными тенденциями в развитии исторической политики в странах Прибалтики является использование политическими элитами административных и законодательных инструментов для утверждения предпочтительных «версий прошлого», а также активная политическая работа на межгосударственном уровне, нацеленная на включение прибалтийских «версий» прошлого в общеевропейскую политику памяти. Историческая политика прибалтийских режимов, выставяющая страны Прибалтики как жертвы «двух тоталитаризмов» («нацистской и советской оккупации»), активно используется в качестве внешнеполитического инструмента.

В развитии исторической политики в государствах Прибалтики выделяется три этапа. В ходе первого (начало 1990-х — середина 2000-х гг.) произошло оформление доктрин «возвращения на Запад» и «советской оккупации», которые служили средством консолидации электората и легитимации пришедших на смену коммунистическому руководству прибалтийских элит. Второй этап, начавшийся после вступления Литвы, Латвии и Эстонии в НАТО и ЕС в 2004 г., привел не к расширению пространства бесконфликтности, а к наращиванию конфронтационности в сфере исторической политики. На рубеже 2010-х гг. оформилась основная тенденция третьего этапа — выведение темы приравнивания нацизма и коммунизма на общеевропейский уровень. В этом процессе политики из стран Прибалтики играют весьма заметную роль, наряду с элитами других стран Восточной Европы, используя политическую карту «жертвы тоталитаризмов». Основным адресатом в данном случае выступает Запад, тогда как образ «российской агрессии и тоталитариз-

---

²⁹ Наследниками тоталитарных идеологий фактически объявляются все потенциально мощные государственные и межгосударственные объединения, не входящие в евроатлантическое военно-политическое пространство. Обратной стороной борьбы с «зачатками тоталитаризма» посредством активной «анти-тоталитарной» исторической политики на общеевропейском уровне является дискредитация идеи сильной государственности. Данная логика охватывает не только традиционную критику России и Китая за «авторитарные тенденции», но также служит и недопущению сближения России и Германии.

³⁰ Так, министр иностранных дел Польши Г. Схетына заявил об освобождении Освенцима украинцами, а премьер-министр Украины А. П. Яценюк сказал о «советском вторжении на Украину и в Германию». Примечательно, что «историческим эскападам» руководителям стран Восточной Европы предшествовало заявление посла США в Сербии М. Кирби в сентябре 2014 г. о том, что «Белград освободила 3-я украинская армия». В то же время на фоне громких заявлений и антиросийской кампании в СМИ, например в той же Польше, ушла на периферию общественно-политического внимания Волынская трагедия.

ма» служит лишь средством для подогревания темы. Политический расчет представителей прибалтийских режимов заключается в эксплуатации комбинации «комплекса вины» и «внешней угрозы» с целью поддержания повышенного внимания на Западе к судьбе прибалтийских государств и получения дополнительных ресурсов.

Активная историческая политика, оправдывающая институциональную дискриминацию национальных меньшинств в Прибалтике и служащая ресурсом во внешней политике, привела к формированию институциональной ловушки. Отказ от роли «форпоста» («прифронтовых государств») в борьбе с «восточной угрозой» и историческим прошлым «тоталитаризмов» чреват глубоким политическим кризисом в странах Прибалтики. Активная историческая политика положена в основу легитимности не только политического режима, но и политической системы прибалтийских государств в целом.

На текущем этапе наблюдается тенденция к увеличению конфронтационности исторической политики стран Прибалтики и Восточной Европы. Как показывает проведенный анализ, данные процессы начались задолго до украинского кризиса. В настоящий момент одна из главных целей исторической политики прибалтийских элит — влияние на общественное мнение стран Евросоюза с тем, чтобы укоренить представление о равенстве между нацизмом и коммунизмом.

По мере продолжения конфронтационной исторической политики пространство маневра для корректировки текущего курса у элит стран Прибалтики постепенно сокращается. Столкновение геополитических интересов крупных держав в Европе послужит дальнейшему ужесточению исторической политики, проводимой элитами стран Прибалтики, и все более агрессивным попыткам закрепления ее идеологием на общеевропейском уровне.

Список литературы

1. *Астров А.* Эстония: политическая борьба за место в истории // Pro et Contra. 2009. № 3—4. С. 109—124.
2. «Атмода» сквозь «перестройку»: сюжеты латвийской (анти)советской истории в период распада СССР // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2011. № 1(3). С. 124—133.
3. *Ачкасов В. А.* «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 4. С. 106—123.
4. *Богатуров А. Д.* «Стратегия перемалывания» во внешней политике США // Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М., 2002.
5. *Гаман-Голутвина О. В.* Политическая элита — определение основных понятий // Полис. 2003. № 3. С. 97—103.
6. *Геллнер М.* Нации и национализм. М., 1991.
7. *Геллнер М.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь: международный философский журнал. 1992. № 1. С. 9—61.
8. *Дюков А. Р.* «The soviet story»: Механизм лжи. 2-е изд. испр. и доп. М., 2008.

9. Дюков А.Р., Симиндей В.В. Государственная историческая политика Латвии : материалы к изучению. М., 2011.
10. Зена Б., Супуле И. Латвийская субмарина // Эксперт Северо-Запад. 2005. №34.
11. Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. М., 2012.
12. Касьянов Г.В. Danse macabre: Голод 1932—1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті — початок 2000-х). Київ, 2010. С. 209—212.
13. Лауринавичюс Ч. Как соседи становятся врагами // Россия и Балтия / под ред. А.О. Чубарьяна. М., 2011. Вып. 6 : Диалог историков разных стран и поколений. С. 123—130.
14. Миллер А.И. Историческая политика и ее особенности в Польше, Украине и России // Отечественные записки. 2008. 5 (44).
15. Миллер А.И. Роль экспертных сообществ в политике памяти России // Политика. 2013. №4. С. 114—126.
16. Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. №2. С. 51—52.
17. «Плохие предчувствия». Телемост с историком Алексеем Миллером. URL: <http://gefter.ru/archive/14325> (дата обращения: 26.02.2015).
18. Сафроновас В. О тенденциях политики воспоминания в современной Литве // Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space. 2009. №3. P. 424—458.
19. Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. Две модели социального развития. М., 2009. С. 131—139.
20. Смирнов В.А. Политическое развитие постсоветского пространства: к вопросу о роли политических элит // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2014. №6.
21. Смирнов В.А. Формирование политической элиты Литвы на рубеже 1980—1990-х гг.: роль «политиков морали» // Балтийский регион. 2011. №4 (10). С. 18—31.
22. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1991.
23. Babilčiūtė L. Amoralūs bandymai perrašyti istoriją // Geopolitika. URL: www.geopolitika.lt/?artc=7179 (дата обращения: 28.02.2015).
24. European Parliament resolution on the sixtieth anniversary of the end of the Second World War in Europe on 8 May 1945. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P6-TA-2005-0180&language=EN&ring=B6-2005-0290> (дата обращения: 26.02.2015).
25. Hearing on Totalitarian Regimes. URL: <http://arc.eppgroup.eu/press/phili13/highlights-10.pdf> (дата обращения: 26.02.2015).
26. Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge University Press, 2012.
27. Jakobson M., Balcere I., Loone O. et al. Populism in the Baltic States. Tallinn University, 2012.
28. Jankauskas A., Žeruolis D. Understanding Politics in Lithuania / DEMSTAR Research Report №18; ed. by Norgaard O., Johannsen L. Department of Political Science, University of Aarhus. 2004. P. 18—19.
29. Lieven A. The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. New Haven, London, 1994. P. 68.
30. Luik J. Meie kohustus // Diplomaatia. 2008. No. 54.
31. Mälksoo M. From Existential Politics Towards Normal Politics? The Baltic States in the Enlarged Europe // Security Dialogue. 2006. Vol. 37, No. 3. P. 289.

32. *Mälksoo M.* Liminality and Contested Europeanness: Conflicting Memory Politics in the Baltic Space // *Identity and Foreign Policy: Baltic-Russian Relations and European Integration* / ed. by Berg E., Ehin P. Ashgate, 2009. P. 65—83.
33. *Onken E.* The Baltic States and Moscow's 9 May Commemoration: Analysing Memory Politics in Europe // *Europe — Asia Studies*. 2007. Vol. 59, No. 1.
34. *PACE* Resolution No. 1455. Honouring of Obligations and Commitments by the Russian Federation. URL: <http://assembly.coe.int/main.asp?link=/documents/adoptedtext/ta05/eres1455.htm> (дата обращения: 26.02.2015).
35. *Post-Cold War Identity Politics: Northern and Baltic Experiences* / ed. by Lehti M., Smith D. Routledge, 2004.
36. *The Invention of Tradition* / ed. by E. Hobsbaum, R. Terence. Cambridge, 1983. P. 43.
37. *The Politics of Memory in Postwar Europe* / ed. by Lebow R., Kansteiner W., Fogu C. Duke University Press, 2006.
38. *Tilly C.* War Making and State Making as Organized Crime // *Bringing the State Back* / ed. by Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. Cambridge, 1985. P. 169—191.
39. *Truska L., Vareikis V.* Holokausto prielaidos: antisemitizmas Lietuvoje. Vilnius, 2004. P. 270—308.
40. *Turner V.* The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. Harmondsworth, 1969.
41. *Verovsek P.* The Politics of Memory: a Conceptual Approach to the Study of Memory in Politics. MacMillan Center, Yale University, 2012.
42. *Volk C.* Struggle, Dissent and Debate: Politics and Memory in Europe // *Eutopia*. 2014. July 18.

Об авторе

Вадим Анатольевич Смирнов, кандидат политических наук, старший научный сотрудник факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Россия).

E-mail: VSmirnov@kantiana.ru

THE ROLE OF POLITICAL ELITES IN THE DEVELOPMENT OF POLITICS OF MEMORY IN THE BALTIC STATES

V. Smirnov*

* *Lomonosov Moscow State University*
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

Submitted on December 18, 2014

The article focuses on multiple cases of the politicization of history by the Baltic political elites. Three states of development of politics of memory in the Baltic States are identified. Problems of political exploitation of the past are scrutinized in the

context of political life and international relations. It is concluded that the narratives of the past where nazi and Soviet legacies are equated are actively promoted on the pan-European level. Elites of the Baltic States play a salient role in this process and enhance ties with the elites of the Eastern Europe, expert and political communities of the Western Europe and USA. The dominant trends in the development of the historical politics in the Baltic countries are the administrative and legislative instruments for approval of the preferred narratives of the past, as well as an active political work at the international level aimed at the inclusion of the Baltic narratives of the past into the European politics of memory. Historical politics of the Baltic States shows the Baltic countries as the victims of "two totalitarianisms" ("Nazi and Soviet occupation"), and this point of view is widely used as a foreign policy tool. The politicization of the "anti-totalitarianism" issue is now a popular foreign policy tool that not only serves the interests of the Baltic and Eastern European politicians, but also finds ideological supporters in Western Europe and the United States.

Key words: politics of memory, political elites, Baltic states, Lithuania, Latvia, Estonia.

References

1. Astrov, A. 2009, Jestonija: političeskaja bor'ba za mesto v istorii [Estonia: the political struggle for a place in history], *Pro et Contra*, no. 3—4, p. 109—124.
2. «Atmoda» skvoz' «perestrojku»: sjuzhety latvijskoj (anti)sovetskoj istorii v period raspada SSSR ["Atmoda" through "restructuring": The story of the Latvian (anti) Soviet history during the collapse of the Soviet Union], *Zhurnal rossijskih i vostočnoevropejskih istoričeskich issledovanij* [Journal of Russian and East European Studies History], no. 1 (3), p. 124—133.
3. Achkasov, V.A. 2013, "Politika pamjati" kak instrument stroitel'stva postsocialističeskich nacij ["Politics of memory" as a tool for the construction of the post-socialist nations], *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], no. 4, p. 106—123.
4. Bogaturov, A.D. 2002, «Strategija peremalyvanija» vo vneshnej politike SShA ["The strategy of grinding" in US foreign policy]. In: *Očerki teorii i metodologii političeskogo analiza mezhdunarodnyh otnoshenij* [Essays on the Theory and Methodology of Political Analysis of International Relations], Moscow, p. 364.
5. Gaman-Golutvina, O.V. 2003, Političeskaja jelita — opredelenie osnovnyh ponjatij [The political elite — the definition of the basic concepts], *Polis*, no. 3, p. 97—103.
6. Gellner, M. 1991, *Nacii i nacionalizm* [Nations and Nationalism], Moscow.
7. Gellner, M. 1992, Prishestvie nacionalizma. Mify nacii i klassa [The advent of nationalism. Myths of nations and classes], *Put': mezhdunarodnyj filosofskij zhurnal* [Path: international philosophical journal], no. 1, p. 9—61.
8. Djukov, A.R. 2008, «The soviet story»: *Mehanizm lzhi* [«The soviet story»: The mechanism of lies], Moscow.
9. Djukov, A.R., Simindey, V.V. 2011, *Gosudarstvennaja istoričeskaja politika Latvii: materialy k izucheniju* [The state historical policy of Latvia: the study of materials], Moscow.
10. Zepa, B., Supule, I. 2005, Latvijskaja submarina [Latvian submarine], *Jekspert Severo-Zapad* [Expert North-West], 12—18 September, no. 34, p. 9.
11. Miller, A., Lipman, M. (eds.), 2012, *Istoričeskaja politika v XXI veke* [Historical politics in the XXI century], Moscow.

12. Kasyanov, G. V. 2010, *Danse macabre: Golod 1932—1933 rokiv u politici, masovij svidomosti ta istoriografii* (1980-ti — pochatok 2000-h) [Danse macabre: The famine of 1932—1933 in politics, mass consciousness and historiography (1980s — early 2000s)], Kiev, p. 209—212.

13. Laurinavičius, Č. 2011, Kak sosedi stanovjatsja vragami [As neighbors become enemies], *Rossija i Baltija* [Russia and the Baltics], no. 6. Dialog istorikov raznyh stran i pokolenij [The dialogue of historians from different countries and generations], Moscow, p. 123—130.

14. Miller, A. I. 2008, Istoricheskaja politika i ee osobennosti v Pol'she, Ukraine i Rossii [Historical policy and its peculiarities in Poland, Ukraine and Russia], *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], no. 5 (44).

15. Miller, A. I. 2013, Rol' jekspertnyh soobshhestv v politike pamjati Rossii [The role of the expert community in the memory of Russian policy], *Politia*, no. 4, p. 114—126.

16. Miller, A. I. 2009, Rossija: vlast' i istorija [Russia: the power and history], *Pro et Contra*, no. 2, p. 51—52.

17. «Plohie predchuvstvija». Telemost s istorikom Alekseem Millerom ["Bad feeling." Teleconference with historian Alexei Miller], 2015, *Hefter*, available at: <http://gefeter.ru/archive/14325> (accessed 26.02.2015).

18. Safronovas, V. 2009, O tendencijah politiki vospominanija v sovremennoj Litve [About memories policy trends in contemporary Lithuania], *Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*, no. 3, p. 424—458.

19. Simonyan, R. H. 2009, *Rossija i strany Baltii. Dve modeli social'nogo razvitija* [Russia and the Baltic countries. Two models of social development], Moscow, p. 131—139.

20. Smirnov, V. A. 2014, Politicheskoe razvitie postsovetskogo prostranstva: k voprosu o roli politicheskikh jelit [Political development of post-Soviet space: the question of the role of political elites], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki* [MSU Vestnik. Series 12. Political sciences], no. 6.

21. Smirnov, V. A. 2011, The formation of the political elite in Lithuania at the turn of the 1980s—1990s: the role of “moral politicians”, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 15—25. DOI: 10.5922/2079-8555-2011-4-2.

22. Anderson, B. 1991, *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London.

23. Babilčiūtė, L. 2015, Amoralūs bandymai perrašyti istoriją, *Geopolitika*, available at: www.geopolitika.lt/?artc=7179 (accessed 28.02.2015).

24. European Parliament resolution on the sixtieth anniversary of the end of the Second World War in Europe on 8 May 1945, 2005, *European Parliament*, available at: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P6-TA-2005-0180&language=EN&ring=B6-2005-0290> (accessed 26.02.2015).

25. Hearing on Totalitarian Regimes, 2013, *EPP Group Highlights*, available at: <http://arc.eppgroup.eu/press/phili13/highlights-10.pdf> (accessed 26.02.2015).

26. Hobsbawm, E. 2012, *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*, Cambridge University Press, p. 165.

27. Jakobson, M., Balcerė, I., Loone, O., Nurk, A., Saarts, T., Zakeviciute, R. 2012, *Populism in the Baltic States*, Tallinn University.

28. Jankauskas, A., Žeruolis D. 2004, Understanding Politics in Lithuania, *DEMSTAR Research Report*, no. 18, University of Aarhus, p. 18—19.

29. Lieven, A. 1994, *The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence*, New Haven, London, p. 68.

30. Luik, J. 2008, Meie kohustus, *Diplomaatia*, no. 54.
31. Mälksoo, M. 2006, From Existential Politics Towards Normal Politics? The Baltic States in the Enlarged Europe, *Security Dialogue*, Vol. 37, no. 3, p. 289.
32. Mälksoo, M. 2009, Liminality and Contested Europeaness: Conflicting Memory Politics in the Baltic Space. In: Berg, E., Ehin, P. (eds.), *Identity and Foreign Policy: Baltic-Russian Relations and European Integration*, Ashgate, p. 65—83.
33. Onken, E. 2007, The Baltic States and Moscow's 9 May Commemoration: Analysing Memory Politics in Europe, *Europe — Asia Studies*, Vol. 59, no. 1, p. 33.
34. Honouring of Obligations and Commitments by the Russian Federation, *PACE Resolution*, no. 1455, available at: <http://assembly.coe.int/main.asp?link=/documents/adoptedtext/ta05/eres1455.htm> (accessed 26.02.2015).
35. Lehti, M., Smith, D.(eds.), 2004, *Post-Cold War Identity Politics: Northern and Baltic Experiences*, Routledge.
36. Hobsbaum, E., Terence, R. 1983, *The Invention of Tradition*, Cambridge, p. 43.
37. Lebow, R., Kansteiner, W., Fogu, C. (eds.), 2006, *The Politics of Memory in Postwar Europe*, Duke University Press.
38. Tilly, C. 1985, War Making and State Making as Organized Crime. In: Evans, P., Rueschemeyer, D., Skocpol, T. (eds.), *Bringing the State Back*, Cambridge, p. 169—191.
39. Truska, L., Vareikis, V. 2004, *Holokausto prielaidos: antisemitizmas Lietuvoje*, Vilnius, p. 270—308.
40. Turner, V. 1969, *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*, Harmondsworth, p. 80.
41. Verovsek, P. 2012, *The Politics of Memory: a Conceptual Approach to the Study of Memory in Politics*. MacMillan Center, Yale University.
42. Volk, C. 2014, Struggle, Dissent and Debate: Politics and Memory in Europe, *Eutopia*, July 18.

About the author

Dr. Vadim Smirnov, senior research fellow, Faculty of Political Science, M. Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: VSmirnov@kantiana.ru

УДК 327

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ
ПОДГОТОВКА ПОЛЬШИ
К ВСТУПЛЕНИЮ
В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ**

В. Томашевский*

В мае 2014 г. Республика Польша отмечала десятилетие с момента вступления в Европейский союз. Вступлению предшествовал длительный период активной политической деятельности и переговоров, которые проходили между административными институтами Польши и Евросоюза. Процесс интеграции был чрезвычайно сложным. Он затрагивал экономические, правовые и гражданские аспекты жизни страны-кандидата, стремящейся соответствовать всем необходимым для вступления требованиям. Цель статьи — описание организационной структуры, созданной для эффективной реализации процесса интеграции с ЕС. Особое внимание уделяется институциональному подходу. На основе проведенных исследований, автор делает вывод о степени эффективности различных административных институтов в процессе интеграции.

Ключевые слова: Польша, европейская интеграция, Европейский союз, вступление в ЕС

В подготовительный период основные преобразования в Польше затронули главным образом политическую и экономическую системы страны. Одним из наиболее важных результатов того времени стало открытие Польши как страны для мира и Европы. Изменились ориентиры во внешней политике и, как следствие, были установлены контакты с европейским сообществом и НАТО, начали создаваться свободные экономические отношения, активизировался культурный обмен [1].

Дипломатические отношения между Польшей и Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) были установлены в сентябре 1988 г. Тем

---

* Варминьско-Мазурский университет
10—719, Польша, Ольштын
ул. Очаповского, 2

Поступила в редакцию 10.01.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-2-7

© Томашевский В., 2015

не менее политические элиты Польши начали активно стремиться к сотрудничеству с Европой лишь после выборов 4 июня 1989 г., а частности после формирования правительства под руководством Тадеуша Мазовецкого. Позже было создано дипломатическое представительство Польши в ЕЭС [2].

В начале 1990-х гг. подготовка к вступлению Польши в ЕС стала одним из приоритетов внешней политики страны. Первым шагом на пути интеграции Польши в европейские структуры стало Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с ЕЭС, подписанное в сентябре 1989 г., что привело к снятию значительных ограничений в экономических отношениях между Польшей и ЕЭС [3]. В мае 1990 г. правительство Польши в Брюсселе вручило официальное заявление касательно соглашения об ассоциации с Европейским сообществом, а Европейской комиссии был представлен проект данного соглашения в форме меморандума. Яцек Сариуш-Вольски был назначен полномочным представителем правительства по вопросам европейской интеграции и внешней помощи.

В декабре 1991 г. по итогам переговоров было заключено «Соглашение об ассоциации между Республикой Польша и Европейским сообществом и государствами-членами», которое вступило в силу 1 февраля 1994 г. [3]. Его подписание стало своего рода подготовкой к заключению договора о вступлении в ЕС [4]. В соглашении делался акцент на ряд вопросов, касающихся функционирования государства, а также развития сотрудничества между Польшей и странами Европейского сообщества. Соглашение также предусматривало создание органов и институтов для его реализации, основным из которых стал Совет ассоциации. В его состав вошли представители польского правительства, Европейской комиссии и Совета министров ЕС. Основная задача Совета ассоциации состояла в выявлении направлений и разработке рекомендации для надлежащего исполнения положений Соглашения об ассоциации. Также был создан Комитет по ассоциации, в состав которого вошли представители стран-членов Совета Европейского союза и правительства Польши. Комитет поддерживал деятельность Совета ассоциации. Форумом для встреч членов Европейского парламента и членов польского Сейма стала Совместная парламентская комиссия ЕС — Польша [5].

В сентябре 1992 г. страны Вышеградской группы представили в Совет Европы «Меморандум правительств Чехословакии, Венгрии и Польши с целью укрепления процесса интеграции с европейскими сообществами и будущего членства» [6]. После получения Меморандума Европейская комиссия подготовила документ «О тесном взаимодействии со странами Центральной и Восточной Европы» [7]. Европейский совет на своем заседании в Копенгагене в июне 1993 г. принял постановление, гласящее что «ассоциированные страны Центральной и Восточной Европы, если они того пожелают, могут вступить в члены ЕС» при условии, что этот процесс не приведет к ослаблению интеграции.

На том же заседании Европейский совет принял так называемые Копенгагенские критерии вступления в ЕС, которые по сути были условиями, обязательными для выполнения странами-кандидатами в период, предшествующий вступлению в члены Европейского союза. Эти условия включают стабильность демократических институтов, соблюдение прав человека, защиту прав меньшинств, рыночную экономику и поддержание конкуренции, способность выполнять обязательства, налагаемые членством, а также принятие и соблюдение законодательства Европейского союза (так называемый *acquis communautaire*).

Копенгагенские критерии были использованы Европейской комиссией для оценки подготовки отдельных государств к вступлению в ЕС. Одним из основных условий интеграции стала гармонизация польского законодательства с законодательством ЕС, а экономика, финансы и культура рассматривались в качестве главных направлений сотрудничества [8].

В ходе реализации мер, направленных на интеграцию в ЕС, была разработана программа мероприятий, способствовавших адаптации правовой и экономической системы Польши к нормам Европейского союза [9]. Законодательные органы начали активную работу в рамках заседаний Парламентской комиссии сообществ Польши и Евросоюза.

Восьмого апреля 1994 г. министр иностранных дел Анджей Олевский в Афинах представил официальную заявку Польши на членство в Европейском союзе. Условия членства были определены Европейским советом, который в рамках подготовки к вступлению обязал Европейскую комиссию разработать так называемую Белую книгу «Подготовка ассоциированных стран Центральной и Восточной Европы к интеграции во внутренний рынок Европейского союза». Этот документ содержал детальные требования к уровню готовности стран-кандидатов в рамках различных секторов внутреннего рынка ЕС [10].

В 1997 г. Европейская комиссия представила документ, озаглавленный «Повестка дня 2000», который был подготовлен на основе рекомендаций Европейского совета, а также с учетом положений Амстердамского договора и результатов работы Межправительственной конференции [11].

«Повестку дня 2000» разработал председатель Европейской комиссии Жак Сантер. Проект документа был представлен на заседании Европейского совета в Люксембурге в июле 1997 г. Его основными положениями стали: укрепление процесса европейской интеграции, реформы в структурах ЕС, гарантия равных возможностей для менее развитых территорий, повышение конкурентоспособности, развитие образования, подготовка ЕС к увеличению численности членов на 10 стран, реформы сельскохозяйственной и структурной политики, а также достижение сплоченности, улучшение жилищных условий граждан ЕС, снижение уровня безработицы в государствах-членах и, наконец, соблюдение Копенгагенских критериев [12].

Следующим шагом стала реализация программы «Партнерство ради членства», которую Совет Европейского союза принял в марте 1998 г.

Ее цель заключалась в подготовке стран-кандидатов к вступлению в ЕС. Программа определяла приоритеты дальнейшего сотрудничества, а также финансовые ресурсы, предоставляющие возможность странам-кандидатам соблюсти условия вступления.

Для Польши наиболее важными задачами в краткосрочной перспективе стали ускорение приватизации государственных предприятий, развитие финансового сектора, принятие и реализация программы реструктуризации тяжелой промышленности, в том числе сталелитейной, интенсификация деятельности в области стандартизации и сертификации, защита прав интеллектуальной собственности, совершенствование системы государственной помощи и госзакупок, создание эффективной системы контроля на границах; развитие сельских территорий, внедрение системы фитосанитарного контроля, а также реализация программ по защите окружающей среды.

Указанные выше документы и программы были направлены на выполнение Копенгагенских критериев. Соответствие требованиям, связанным с будущим членством в Европейском союзе, стало для Польши сложной задачей. Были инициированы специальные проекты: «Национальная программа подготовки к вступлению в Европейский союз», «Национальная стратегия по интеграции» и «Европейская стратегия правительства Республики Польша» [13].

Во время подготовки к вступлению Европейская комиссия ежегодно оценивала эффективность проводимых мероприятий. Особое внимание уделялось повышению административного потенциала с целью перехода, внедрения и соблюдения законодательства ЕС [14]. Анализ законодательства стран-кандидатов в плане их соответствия *acquis communautaire*, так называемый скрининг, заложил основу будущих мероприятий по дальнейшей гармонизации законодательных систем [15].

В период подготовки к вступлению особую значимость приобрела надлежащая координация действий между административными органами и институтами, ответственными за соблюдение требований подготовительного периода. В августе 1996 г. был создан Комитет по вопросам европейской интеграции, который стал главным государственным органом, отвечающим за выполнение плана мероприятий по интеграции и адаптации к европейским стандартам. Важным направлением деятельности этого органа стало общее управление, получение и использование финансовых средств, предназначенных для реализации программы мероприятий по подготовке к вступлению в ЕС [16; 17]. Комитет представил Совету министров Евросоюза программы и планы мероприятий, проекты новых законов, а также отчеты о реализации принятых программ и планов. На Комитет была возложена ответственность за подготовку проектов решений по использованию предоставленных фондов помощи. Исполнительным органом Комитета стал Офис по вопросам европейской интеграции.

В 2000 г. было заключено соглашение между маршалом Сейма, маршалом Сената и председателем Совета министров. Цель соглашения состояла в согласовании работы по гармонизации польского зако-

нодательства с законодательством Европейского союза. В Сейме и Сенате создали комитеты по приведению подзаконных актов в соответствие с законодательством ЕС (были сформированы комитеты по европейскому праву и европейскому законодательству) [8]. Кроме того, Совет министров разработал график вступления актов в юридическую силу, чтобы зафиксировать результаты их адаптации. К моменту вступления в члены ЕС Совет министров принял 322 законодательных акта и 802 акта исполнительной власти.

Процесс подготовки к вступлению Польши в Евросоюз был проведен благодаря хорошо организованной институциональной инфраструктуре. Комитет по вопросам европейской интеграции, вместе с вспомогательным исполнительным органом — Офисом по вопросам европейской интеграции — отвечали за реализацию текущей политики, направленной на интеграцию с ЕС. Все проводимые мероприятия поддерживались Межведомственной комиссией по подготовке к переговорам о вступлении в Европейский союз. При этом важная роль отводилась полномочному представителю Правительства на переговорах по вступлению Польши в Европейский союз. Задачи полномочного представителя были определены нормативно-правовыми актами Совета министров [18]. Роль полномочного представителя на тот момент исполнял госсекретарь канцелярии премьер-министра страны, который отвечал за подготовку и координацию переговорного процесса по вступлению в ЕС, а также за проведение переговоров по согласованию о присоединении с государствами-членами ЕС. До октября 2001 г., главным переговорщиком был Ян Кулаковский, позднее эту должность занял Ян Трущинский и проработал в ней до окончания переговорного процесса [19].

Главный переговорщик возглавлял работу группы по проведению переговоров. Группа утверждала проекты стратегии ведения переговоров, разработанные ранее специальной подгруппой, работающих в рамках Межведомственной комиссии по ведению переговоров о вступлении в Европейский союз. Затем утвержденные документы представлялись на рассмотрение Комитету по вопросам европейской интеграции, которым руководил премьер-министр. После получения рекомендаций Комитета по вопросам европейской интеграции переговорные позиции формулировались в их окончательном варианте и официально принимались Советом министров. Далее эти документы отправлялись в Евросоюз, где их передавали представителю страны, председательствующей в ЕС. Тем не менее механизм принятия решений по вопросам интеграции часто оценивается как слишком сложный, настолько сложный, что иногда служил источником разногласий между отдельными административными органами, вовлеченными в этот процесс, особенно между главой Комитета по европейской интеграции, главным переговорщиком и министром иностранных дел [20].

Переговоры состоялись в рамках Межправительственной конференции по вступлению, во время которых главная роль отводилась Европейскому совету и Европейской комиссии. Страны-кандидаты были

официально представлены министрами иностранных дел. Однако многие вопросы решались на уровне рабочих групп, в состав которых входили заместители глав делегаций, а также послы стран-членов ЕС и главы делегаций стран-кандидатов.

Во время встречи на высшем уровне, проходившей в Копенгагене в декабре 2002 г., переговоры о вступлении Польши в ЕС были завершены. Было решено, что присоединение Польши к Европейскому союзу состоится 1 мая 2004 г.

Договор о присоединении был подписан государствами-членами и странами, присоединяющимися к Европейскому союзу, 16 апреля 2003 г. в Афинах [21; 22]. Этот акт стал заключительным этапом усилий Польши по интеграции в Европейский союз. Однако проведение переговоров и разработка условий членства не означали завершения сложных интеграционных процессов в рамках страны.

Действия польских властей перед вступлением были сосредоточены в основном на соответствии требованиям Европейского союза и его институтов. Эти мероприятия проводились в трех основных областях. Во-первых, в области политической деятельности. К ним относятся стабилизация системы права, особенно повышения доверия общества к государственным институтам, введение механизмов, направленных на защиту прав человека, в том числе этнических меньшинств. Руководство страны было готово перейти на политические стандарты ЕС. Во-вторых, в области хозяйственной деятельности, где суть проводимых мероприятий заключалась в укреплении рыночной экономики, свободной конкуренции, реформировании сектора государственных финансов. Эти мероприятия были проведены согласно требованиям общего рынка и подготовительной работе по ведению операций со странами зоны евро. Также было необходимо эффективно использовать фонды, выделенные на подготовку к вступлению [23].

Кроме того, проводились мероприятия, целью которых было формирование общественного мнения, повышение осведомленности о важности интеграции и подготовки к вступлению. Без широкой общественной поддержки идеи интеграции, все мероприятия, проводимые властями, были бы неэффективными.

Вступление Польши в Европейский союз означало выполнение необходимых обязательств самим государством. Отдельные полномочия Совета министров страны должны были быть переданы в учреждения Евросоюза. Кроме того, некоторые действия правительства теперь определялись в соответствии с нормативными правовыми актами законодательства ЕС. Таким образом, при проведении текущей политики, государство должно уважать обязательства, налагаемые законодательством ЕС.

Укрепление сотрудничества между исполнительной и законодательной властью страны стало важным направлением деятельности в рамках подготовительного периода. В 2004 г. отношения между органами власти были регламентированы соответствующим законом, кото-

рый определял задачи и полномочия органов по вопросам, связанным с членством Польши в Европейском союзе [24]. Сотрудничество между Советом министров с Сеймом и Сенатом в этой области стало обязательным условием. Начался процесс формирования нормативно-институциональной базы Польши в составе Европейского союза.

Европейский комитет Совета министров (KERM), созданный в марте 2004 г., сыграл важную роль в принятии решений по вопросам европейской интеграции, особенно в начальный период, сразу после вступления Польши в ЕС [25]. Комитет проводил обсуждения, консультации и принимал решения, касающиеся сотрудничества правительства с ЕС, осуществлял мониторинг хода работы, связанной с учетом положений законодательства ЕС в польском законодательстве, а также отвечал за подготовку соответствующих законопроектов. Одна из задач Комитета заключалась в информировании Совета министров о поступающих материалах от институтов ЕС. Данный Комитет также выступал в качестве арбитражного органа в случае возникновения споров между министерствами Совета министров, если проблема касалась европейской проблематики.

После вступления в Евросоюз на органы власти была возложена ответственность за выполнение законодательства ЕС и реализации требований, установленных им. Спектр задач был очень широк. С 2004 г. по сентябрь 2013 г. ЕС принял 2643 различных правовых положений [26]. Учет правовых норм ЕС в польской законодательной системе включил принятие 367 правил, 641 директивы, 79 решений, 2 рекомендаций, 1 конвенции и 36 актов. Всего было принято 1126 нормативно-правовых документов [27].

Итак, административные институты, созданные Польшей для подготовки процесса вхождения в состав ЕС, доказали свою эффективность и решили поставленные перед ними задачи. Результатом их деятельности стало соответствие стандартам Европейского союза. Такие органы, как Комитет по вопросам европейской интеграции, офис Комитета по вопросам европейской интеграции, а также институт Главного переговорщика сыграли важную роль в период подготовки к ассоциации. Другие институты и должностные лица также имели жизненно важное значение — лично министр иностранных дел, а также другие министры, проводившие переговоры в рамках своих направлений деятельности.

Слабость институциональной системы заключалась в отсутствии точного распределения полномочий между конкретными органами, которые время от времени приводили к внутренним конфликтам.

Основная ответственность за подготовку Польши к вступлению в ЕС была возложена на Совет министров. Роль Совета министров в отношениях с ЕС существенно возросла, особенно после вступления Польши в Евросоюз. Институт Главного переговорщика был распущен, а полномочия Комитета по вопросам европейской интеграции были ограничены, и в 2010 г. Комитет вошел в состав Министерства иностранных дел.

Список литературы

1. *Polska polityka zagraniczna w procesie przemian po 1989 roku* / Żukowski A. (ed.). Olsztyn, 1999.
2. *Prawne aspekty członkostwa Polski w Unii Europejskiej* / Barcz J. (ed.). Warszawa, 2011.
3. *Parzymies S. Integracja europejska w polityce zagranicznej III RP // Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1989—2002* / Kuźniar R., Szczepanik K. (eds.), Warszawa, 2002.
4. *Brodecki Z., Gromnicka E. Układ Europejski z komentarzem*. Warszawa, 2002.
5. *Kawecka-Wyrzykowska E. Unia Europejska* /Synowiec E. (ed.), Warszawa, 2004.
6. *Memorandum rządów Czechosłowacji, Węgier i Polski o wzmocnieniu procesu integracji ze Wspólnotami Europejskimi oraz o przyszłym członkostwie*. URL: [http://archiwum-ukie.polskawue.gov.pl/HLP/mointintgr.nsf/0/9A9D09701AAC E6F7C1256E7500561974/\\$file/MI0308PL.pdf?Open](http://archiwum-ukie.polskawue.gov.pl/HLP/mointintgr.nsf/0/9A9D09701AAC E6F7C1256E7500561974/$file/MI0308PL.pdf?Open) (дата обращения: 02.04.2013).
7. *Willa R. Droga do członkostwa w Unii Europejskiej — przykład Polski // Dialogi polityczne*. 2007. No 8.
8. *Marszałek-Kawa J., Kawa D. Polska droga do Unii Europejskiej i jej odzwierciedlenie w prasie niemieckiej*. Toruń, 2007.
9. *Polska w Unii Europejskiej. Nasze warunki członkostwa*. URL: http://www.opoka.org.pl/biblioteka/X/XU/polska_w_unii.pdf. (дата обращения: 20.04.2014).
10. *Sporek T. Droga Polski do Unii Europejskiej: negocjacje, dyplomacja i różnice kulturowe*. Katowice, 2001.
11. *Agenda 2000. Unia Europejska rozszerzona i silniejsza, Monitor Integracji Europejskiej*. URL: http://polskawue.gov.pl/files/Dokumenty/rozszerzenie_UE/Agenda_2000_-_UE_rozszerzona_i_silniejsza.pdf. (дата обращения: 02.05.2013).
12. *Agenda 2000*. URL: <http://www.uniaeuropa.org/agenda-2000.pdf>. (дата обращения: 10.04.2014).
13. *Europejska Strategia Rządu RP, Komitet Integracji Europejskiej*. URL: [http://archiwum-ukie.polskawue.gov.pl/HLP/files.nsf/0/1141F76A098A33AAC1256E7B00483FA7/\\$file/Europejska_Strategia_Rzadu_po_RM_15_11_2001.pdf](http://archiwum-ukie.polskawue.gov.pl/HLP/files.nsf/0/1141F76A098A33AAC1256E7B00483FA7/$file/Europejska_Strategia_Rzadu_po_RM_15_11_2001.pdf). (дата обращения: 08.04.2013).
14. *Administracja publiczna w procesie dostosowywania państwa do Unii Europejskiej* / Mołdawa T., Wojtaszczyk K. A., Małecki M. (eds.). Warszawa, 2003.
15. *Nowakowski M. J. Polska na drodze do Unii Europejskiej — stowarzyszenie i perspektywa członkostwa*. URL: http://biurose.sejm.gov.pl/teksty_pdf/i-877.pdf. (дата обращения: 01.05.2013).
16. *Ustawa z dnia 8 sierpnia 1996 r. o Komitecie Integracji Europejskiej* // Dz. U. 1996. No 106. pos. 493, 494.
17. *Zarządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 15 października 1996 r. w sprawie powołania Przewodniczącego Komitetu Integracji Europejskiej* // M. P. 1996. No 63. pos. 574.
18. *Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 24 marca 1998 r. w sprawie ustanowienia Pełnomocnika Rządu do Spraw Negocjacji o Członkostwo Rzeczypospolitej Polskiej w Unii Europejskiej* // Dz. U. 1998. No 39. pos. 225.
19. *Negotiations of the EU candidate countries* // Adamowski J., Wojtaszczyk K. A. (eds.). Warszawa, 2001.

20. *Prawne aspekty członkostwa Polski w Unii Europejskiej* // Barcz. J. (ed.). Warszawa, 2011.

21. *Traktat dotyczący przystąpienia Rzeczypospolitej Polskiej do Unii Europejskiej* // Dz U 2004. No 90. pos. 864.

22. *Oświadczenie Rządowe z dnia 21 kwietnia 2004 r. w sprawie mocy obowiązującej Traktatu dotyczącego przystąpienia Rzeczypospolitej Polskiej do Unii Europejskiej, podpisanego w Atenach w dniu 16 kwietnia 2003 r.* // Dz U 2004. No 90, pos. 865.

23. *Mapa pomocy Unii Europejskiej udzielonej Polsce w ramach programu Phare 1990—2003, ISPA 2000—2003 oraz SAPARD.* URL: http://polskawue.gov.pl/files/Dokumenty/Publikacje_o_UE/publikacja_mapa_pomocy_UE.pdf (data обращения: 10. 03. 2014).

24. *Ustawa o współpracy Rady Ministrów z Sejmem i Senatem w sprawach związanych z członkostwem Rzeczypospolitej Polskiej w Unii Europejskiej* // Dz. U. 2004.No 52. pos. 515.

25. *Zarządzenie nr 30 Prezesa Rady Ministrów z dnia 23 marca 2004 r. w sprawie Komitetu Europejskiego Rady Ministrów* // M. P. 2004. No 14. pos. 223.

26. *Baza dokumentów UE.* URL: http://eurlex.europa.eu/Result.do?T1=V2&T2=2004&T3=&RechType=RECH_naturel&Submit.pdf (data обращения: 08.05.2014).

27. *Dane zebrane z bazy dokumentów Sejmu RP.* URL: http://bs.sejm.gov.pl/F?func=file&file_name=find-t-ust01&local_base=ustw&con_lng=POL (data обращения: 02. 03. 2013).

Об авторе

Вальдемар Томашевский, Институт политических наук, Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Польша.

E-mail: tomaszewski.waldemar_xl@wp.pl

POLISH ACCESSION TO THE EUROPEAN UNION: PARTICIPATING INSTITUTIONS

W. Tomaszewski*

* *University of Warmia and Mazury*
2 Michała Oczapowskiego ul., Olsztyn, Poland, 10—719

Submitted on January 10, 2015

In May 2014 it was already ten years since Poland's accession to the European Union. The accession was preceded by a long period of political action and negotiations between the Polish and the EU institutions. The process of integration was extremely complex. It covered almost all areas of economic, legal and civil aspects of the aspiring country's economy, in which all necessary requirements had to be met.

The aim of the article was to present the institutional framework created for efficient implementation of the process of accession. The considerations involved especially an institutional method. The research resulted in pointing out both the actually efficient and less efficient bodies participating in the process of integration.

Key words: Poland, European integration, The European Union, accession to the EU.

References

1. Żukowski, A. (ed.), 1999, *Polska polityka zagraniczna w procesie przemian po 1989 roku*, Olsztyn.
2. Barcz, J. (ed.), 2011, *Prawne aspekty członkostwa Polski w Unii Europejskiej*, Warszawa.
3. Parzymies, S. 2002, Integracja europejska w polityce zagranicznej III RP. In: Kuźniar, R., Szczepanik, K. (eds.), *Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1989—2002*, Warszawa.
4. Brodecki, Z., Gromnicka, E. 2002, *Układ Europejski z komentarzem*, Warszawa.
5. Kawecka-Wyrzykowska, E. 2004, *Unia Europejska*, Warszawa.
6. *Memorandum rządów Czechosłowacji, Węgier i Polski o wzmocnieniu procesu integracji ze Wspólnotami Europejskimi oraz o przyszłym członkostwie*, available at: [http://archiwum-ukie.polskawue.gov.pl/HLP/mointintgr.nsf/0/9A9D09701AAACE6F7C1256E7500561974/\\$file/MI0308PL.pdf?Open](http://archiwum-ukie.polskawue.gov.pl/HLP/mointintgr.nsf/0/9A9D09701AAACE6F7C1256E7500561974/$file/MI0308PL.pdf?Open). (accessed 02.04.2013).
7. Willa, R. 2007, Droga do członkostwa w Unii Europejskiej — przykład Polski, *Dialogi polityczne*, no. 8.
8. Marszałek-Kawa, J., Kawa, D. 2007, *Polska droga do Unii Europejskiej i jej odzwierciedlenie w prasie niemieckiej*, Toruń.
9. *Polska w Unii Europejskiej. Nasze warunki członkostwa*, available at: http://www.opoka.org.pl/biblioteka/X/XU/polska_w_unii.pdf (accessed 20.04.2014).
10. Sporek, T. 2001, *Droga Polski do Unii Europejskiej: negocjacje, dyplomacja i różnice kulturowe*, Katowice.
11. *Agenda 2000. Unia Europejska rozszerzona i silniejsza, Monitor Integracji Europejskiej*, available at: http://polskawue.gov.pl/files/Dokumenty/rozszerzenie_UE/Agenda_2000_-_UE_rozszerzona_i_silniejsza.pdf (accessed 02.05.2013).
12. *Agenda 2000*, available at: <http://www.uniaeuropa.org/agenda-2000.pdf> (accessed 10.04.2014).
13. Europejska Strategia Rządu RP, *Komitet Integracji Europejskie*, available at: [http://archiwum-ukie.polskawue.gov.pl/HLP/files.nsf/0/1141F76A098A33AAC1256E7B00483FA7/\\$file/Europejska_Strategia_Rzadu_po_RM_15_11_2001.pdf](http://archiwum-ukie.polskawue.gov.pl/HLP/files.nsf/0/1141F76A098A33AAC1256E7B00483FA7/$file/Europejska_Strategia_Rzadu_po_RM_15_11_2001.pdf) (accessed 08.04.2013).
14. Moldawa, T., Wojtaszczyk, K. A., Małecki, M. (eds.), 2003, *Administracja publiczna w procesie dostosowywania państwa do Unii Europejskiej*, Warszawa.
15. Nowakowski, M. J. *Polska na drodze do Unii Europejskiej — stowarzyszenie i perspektywa członkostwa*, available at: http://biurose.sejm.gov.pl/teksty_pdf/i-877.pdf (accessed 01.05.2013).
16. Ustawa z dnia 8 sierpnia 1996 r. o Komitecie Integracji Europejskiej, 1996, *Dz. U.*, no. 6, pos. 493, 494.
17. Zarządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 15 października 1996 r. w sprawie powołania Przewodniczącego Komitetu Integracji Europejskiej, 1996, *M. P.*, no. 63, pos. 574.

18. Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 24 marca 1998 r. w sprawie ustanowienia Pełnomocnika Rządu do Spraw Negocjacji o Członkostwo Rzeczypospolitej Polskiej w Unii Europejskiej, 1998, *Dz. U.*, no 39, pos. 225.

19. Adamowski, J., Wojtaszczyk, K. A. (eds.), 2001, *Negotiations of the EU candidate countries*, Warszawa.

20. Barcz, J. (ed.), 2011, *Prawne aspekty członkostwa Polski w Unii Europejskiej*, Warszawa.

21. Traktat dotyczący przystąpienia Rzeczypospolitej Polskiej do Unii Europejskiej, 2004, *Dz U*, no. 90, pos. 864.

22. Oświadczenie Rządowe z dnia 21 kwietnia 2004 r. w sprawie mocy obowiązującej Traktatu dotyczącego przystąpienia Rzeczypospolitej Polskiej do Unii Europejskiej, podpisanego w Atenach w dniu 16 kwietnia 2003 r., 2004, *Dz U*, no. 90, pos. 865.

23. *Mapa pomocy Unii Europejskiej udzielonej Polsce w ramach programu Phare 1990–2003, ISPA 2000–2003 oraz SAPARD*, available at: http://polskawue.gov.pl/files/Dokumenty/Publikacje_o_UE/publikacja_mapa_pomocy_UE.pdf (accessed 10.03.2014).

24. Ustawa o współpracy Rady Ministrów z Sejmem i Senatem w sprawach związanych z członkostwem Rzeczypospolitej Polskiej w Unii Europejskiej, 2004, *Dz. U*, no. 52, pos. 515.

25. Zarządzenie nr 30 Prezesa Rady Ministrów z dnia 23 marca 2004 r. w sprawie Komitetu Europejskiego Rady Ministrów, 2004, *M. P.*, no. 14, pos. 223.

26. *Baza dokumentów UE*, available at: http://eurlex.europa.eu/Result.do?T1=V2&T2=2004&T3=&RechType=RECH_naturel&Submit.pdf (accessed 08.05.2014).

27. *Dane zebrane z bazy dokumentów Sejmu RP*, available at: http://bs.sejm.gov.pl/F?func=file&file_name=find-t-ust01&local_base=ustw&con_lng=POL (accessed 02.03.2013).

About the author

Dr Waldemar Tomaszewski, Institute of Political Science, University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland.

E-mail: tomaszewski.waldemar_xl@wp.pl

ДИСКУССИЯ

УДК 910.1

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В. Л. Мартынов*

Социально-экономическая география — наука, изучающая процессы, особенности и закономерности пространственного развития общества. Но в последние десятилетия она находится в состоянии кризиса. Факторы, определяющие снижение значения социально-экономической географии, можно разделить на внешние и внутренние. Основной внешний фактор — формирование «общества потребления», которое не нуждается в освоении новых пространств и потому игнорирует самую «пространственную» науку — географию. Внутренние факторы — это размывание социально-экономической географии по множеству новых направлений исследований, фактически представляющих собой пересказ уже сделанного в других науках, и некритичное использование теоретико-методологического аппарата и методики исследования из других наук. Основу социально-экономической географии должны составлять собственно пространственные исследования, и только в этом случае эта наука имеет шанс на восстановление своих позиций.

Ключевые слова: социально-экономическая география, кризис, устойчивое развитие, «общество потребления», региональная экономика, «центр — периферия», геополитика, геопространство

---

* Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Россия, Санкт-Петербург,
Набережная реки Мойки, 48

Поступила в редакцию 12.01.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-2-8

© Мартынов В. Л., 2015

Социально-экономическая география (СЭГ) — это наука, изучающая процессы, особенности и закономерности пространственного развития общества. Но в последние десятилетия она находится в состоянии кризиса. В самом этом утверждении ничего нового нет. Кризисность в развитии российской СЭГ осознана

и описана давно: 1992 г. — «...Особенно заметна ограниченность теоретического наследия в области общественной географии, отсутствие в ней... ярких общих концепций» [7, с. 5], 2000 г. — «География почти не участвует в анализе макропроцессов миросистемного развития, так как находится в определенном концептуальном вакууме, связанном с дефицитом комплексных ориентиров, отражающих натиск времени» [21], 2011 г. — «В современной социально-экономической географии... процесс накопления негативных явлений начался в прошлом столетии, первая половина которого стала «расцветом» экономической географии, а вторая — «погоней» за ускользающим предметом познания в быстро меняющейся стране и мире» [24].

В России социально-экономическая география стала почти что «маргинальной» наукой с крайне малым числом представителей и практически никаким уровнем воздействия на жизнь страны. Об этом можно судить хотя бы по сведениям, сообщаемым А. А. Агирречу: «По данным Министерства науки и образования РФ, в конце 2013 г. в стране действовало более чем 2,5 тыс. диссертационных советов. Лишь 10 из них имеют специальность по социально-экономической географии — это очень скромный показатель». И далее: «Оценочный подсчет числа объявлений о защитах кандидатских и докторских диссертаций на сайте ВАКа за 2012—2013 гг. показал, что всего в стране за два года было защищено около 4 тыс. докторских и более 26 тыс. кандидатских диссертаций. При этом по географическим наукам — всего 26 (0,7%) докторских и менее 300 (0,8%) кандидатских. ...За последние два года примерно каждая четвертая докторская диссертация по географическим наукам была защищена по специальности 25.00.24, а среди кандидатских диссертаций — почти каждая третья работа» [1, с. 152—153].

Таким образом, диссертации по СЭГ защищаются в 0,004% диссертационных советов России, на долю докторских диссертаций по этой науке приходится менее 0,2% от общего количества докторских защит страны, а кандидатских — менее 0,3% от числа кандидатских защит. Если пытаться вывести из этих показателей нечто среднее, то оно будет укладываться в пределах статистической погрешности, другими словами — «ноль и ноль в периоде». Соответственно существование социально-экономической географии как науки мало кому интересно, кроме ее же представителей. Перспективы развития географической науки в целом и социально-экономической географии в частности крайне редко оцениваются положительно. А. И. Чистобаев писал в 2012 г., характеризуя положение дел в Санкт-Петербургском государственном университете: «В условиях дефицита докторов географических наук на факультет (географии и геоэкологи. — *Примеч. авт.*) все чаще привлекаются специалисты из других областей знания: геологии, биологии, экономики и др. ...При сохранении данной тенденции на факультете не будет диссертационных советов по географическим специальностям. Это означает, что географическая наука прикажет долго жить» [23, с. 22].

Возникает вопрос: не превратилась ли социально-экономическая география в некий аналог «паровозостроительной науки», достигшей фантастических высот к середине XX в. и навсегда исчезнувшей вместе с объектом своих исследований уже в 60-е гг.? Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, следует для начала понять, что же привело социально-экономическую географию в нынешнее ее незавидное состояние. Факторы, этому способствовавшие, можно разделить на две группы — внешние и внутренние.

Внешние — это «общественный запрос» на экономико-географические исследования. Значение экономической, затем социально-экономической географии, было максимальным тогда, когда общество стремилось к переменам, и сходило на нет в то время, когда приоритетом развития провозглашалась стабильность и устойчивость. Если говорить о XX в., то максимальный общественный запрос на экономико-географические исследования формировался дважды — в 20—30-е гг. и примерно с середины 50-х до конца 60-х гг.

Как в 20—30-е гг., так и во второй половине 50-х — 60-е гг. в СЭГ появляется множество новых концепций и подходов. Разбирать их большого смысла не имеет, поскольку неспециалистам это мало что скажет, а специалистам они давно и хорошо известны. Всех же интересующихся этим вопросом можно адресовать к серии статей А. М. Носова, опубликованных в последние годы в «Псковском регионалогическом журнале» [14—17].

Но во второй половине 60-х гг. XX в. темпы развития социально-экономической географии резко снижаются, ее значение сокращается, и эта наука в значительной мере уступает свое место разнообразным «региональным наукам», созданным на основе экономики («региональная наука» У. Айзарда в США, «региональная экономика» Н. Н. Некрасова в СССР и др.).

Причины этих изменений заключаются в смене парадигм общественного развития. В те годы, на которые приходится расцвет социально-экономической географии, основой представлений о дальнейшем развитии была идея «мир должен меняться», которую можно обозначить как «преобразовательная парадигма». Это было характерно и для 20—30-х, и для 50—60-х гг. На смену «преобразовательной парадигме» пришла «охранительная парадигма» — «мир не должен меняться», «квинтэссенцией» которой стала концепция пределов роста, трансформировавшаяся со временем в концепцию устойчивого развития. Основной идеей как концепции «пределов роста», так и концепции устойчивого развития является сохранение ныне существующего состояния общества и экономики на неопределенно долгую перспективу, а основной путь такого сохранения — «самоограничение» общества во всех направлениях деятельности.

Уже в то время эту идею пытаются реализовать в обеих частях тогдашнего разделенного мира — и в капиталистической, и в социалистической. Проявлением этого в социалистической части мира стала концепция «развитого социализма», получившая широкое распространение после XXIV съезда КПСС (1971 г.).

Большой интерес представляет эволюция взглядов советского руководства, фактически руководившего и большей частью «социалистического лагеря», на место стран «реального социализма» в системе тогдашнего мироустройства. Это хорошо прослеживается по решениям съездов КПСС, на которых определялись пути развития советского и вообще «социалистического» общества. Если на XXII съезде КПСС (1962 г.) утверждалось, что главное содержание периода после XX съезда КПСС составляет соревнование двух мировых систем — социалистической и капиталистической [26, с. 17], то на XXIII съезде (1966 г.) говорилось лишь о росте международного влияния Советского Союза и всей мировой системы социализма [27, с. 19], а на XXIV съезде (1971 г.) — о том, что Советский Союз и братские социалистические страны внесли большой и активный вклад в борьбу за мир и безопасность народов [28, с. 26]. На XXV съезде было сказано, что сделано все возможное для обеспечения условий мирного строительства в нашей стране и в братских странах социализма, для мира и безопасности всех народов [29, с. 27]. Если пытаться описать проявляющуюся в этих решениях эволюцию взглядов партийно-государственного руководства СССР, то она выглядит примерно так: от «мы вас закопаем» до «не трогайте нас, и мы вас не тронем».

На протяжении 70-х гг. Советский Союз добровольно отказывается от борьбы с «капиталистическим миром» за пределами «социалистического лагеря», самоограничивая свое влияние во внешнем мире. Однако ничего хорошего из этого не получилось. С конца 80-х гг. «самоограничение роста» принимает характер «самоотречения». Сфера влияния СССР, созданная после Второй мировой войны, начинает рушиться и спасти ее не удастся никакими миролюбивыми инициативами. В 1990 г. прекращается существование Германской Демократической Республики, начинается вывод советских войск из зарубежной Европы, в 1991 г. исчезает Советский Союз. После этого на всем пространстве бывшего Союза, включая Россию, стихийно начинают реализовываться концептуальные подходы «пределов роста». Прекращается столь раздражающий ее создателей и пропагандистов рост численности населения. В большинстве бывших республик СССР смертность на протяжении более чем двадцати лет превышает рождаемость. Резко снижается потребление ресурсов всякого рода вследствие того, что экономика постсоветских стран входит в состояние глубокого кризиса, из которого она полностью не вышла до настоящего времени. Сокращается уровень загрязнения окружающей среды, поскольку значительная часть промышленных предприятий останавливается, а разоряющиеся сельскохозяйственные предприятия используют все меньше и меньше удобрений.

С точки зрения концепции «пределов роста» и сменяющей ее как раз в это время концепции «устойчивого развития» все это, видимо, можно оценить лишь положительно, поскольку и численность населения, и потребление ресурсов, и загрязнение среды обитания в России и других постсоветских странах в 90-е гг. постоянно и устойчиво снижались. Но у подавляющего большинства населения нашей страны 90-е гг.

ассоциируются вовсе не с «устойчивостью развития», а с всеобщим обнищанием, а также деградацией государства и общества. Ни о какой «устойчивости развития» и «гармонизации отношений общества и природы» не могло быть и речи. Красивые псевдотеоретические построения о «самоограничении потребления» и «смене количественного роста качественным развитием» при их применении на практике обернулись катастрофой общенационального масштаба.

В качестве положительной тенденции следует отметить то, что в последние годы концепция «устойчивого развития» стала все чаще подвергаться критике. Так, по утверждению В. А. Шупера, «особо следует остановиться на такой «области науки», как исследования устойчивого развития, поскольку эта область обладает явными признаками псевдонауки» [25, с. 25]. Что же привело к возникновению этой псевдонауки и ее широчайшему распространению?

Тяга к определению «пределов роста» и «устойчивому развитию» связана со все более усиливающимися тенденциями к формированию общества потребления. «Идеальному потребителю» совершенно не нужны новые горизонты. Его призывают, да он и сам не против, жить «здесь и сейчас» в условиях максимально возможного комфорта. Отношения «общества потребления» к пространству-времени гениально описано А. и Б. Стругацкими в повести «Понедельник начинается в субботу». Ее, конечно же, читали все, но цитата здесь не помешает: «...Я говорил ему тысячу раз: «Вы программируете стандартного суперэгоцентриста. Он загребет все материальные ценности, до которых сможет дотянуться, а потом свернет пространство, закуклится и остановит время». А Выбегалло никак не может взять в толк, что истинный исповин духа не столько потребляет, сколько думает и чувствует» [20].

Нечто подобное (стремление к «закукливанию» пространстве и «остановке» времени) может быть свойственно не только индивидууму, но и общественным структурам, включая государство. По приведенным выше цитатам из решений съездов КПСС нетрудно заметить, что партийно-государственное руководство СССР в последние десятилетия его существования стремилось именно к тому, что оно «свернет пространство, закуклится и остановит время». Итогом этого стало то же самое, что происходит в книге братьев Стругацких с «идеальным человеком» профессора Выбегалло — взрывное разрушение системы.

Но коль скоро идеология общества потребления не приемлет «расширения пространства», поскольку такое расширение этому обществу просто не нужно, то столь же ненужной становится и наука, изучающая свойства этого пространства — география.

Образно выражаясь, география — это «наука путешественников», «наука идущих». Она выросла из описаний путешествий, обобщений и систематизации того, что в них рассказывалось, и анализа этих обобщений. Экономика возникла как «наука лавочников», «наука сидящих». Экономика начиналась с анализа, пусть поначалу и примитивного (дешевле купить — дороже продать), вслед за этим переходя к систематизации, а затем уже к фактам. Такой последовательностью формирова-

ния экономической науки во многом объясняется изобилие экономических теорий, каждая из которых попросту игнорирует неудобные для нее факты. Но все эти теории провозглашают себя универсальными, пригодными для всего мира и на все времена.

Естественно, для общества потребления, стремящегося к «окукливанию пространства и остановке времени», экономические подходы намного более понятны и востребованы, чем географические, основу которых составляют представления об уникальности и неповторимости каждой, пусть даже самой небольшой, части геопространства. Как совершенно справедливо утверждает С. А. Тархов, «главное, что ищет экономико-географ, это закономерности пространственного распределения объектов и явлений, их пространственного взаимодействия друг с другом, факторов и причин формирования именно таких пространственных (территориальных) структур» [22, с. 12].

Во многом вследствие этого социально-экономическая география не имела к бурным событиям конца XX — начала XXI в. почти никакого отношения. Среди людей, «принимавших решения» в ключевых странах мира, не было никого, кто бы знал географию сверх школьного курса. Вполне возможно, что если бы людей, знающих географию в целом и социально-экономическую географию в частности, среди руководителей высшего звена было больше, то и наша страна, и весь мир жили бы лучше и спокойнее.

Простой пример в этом отношении — радикальные реформы, осуществляющиеся в Российской Федерации с начала 90-х гг. Все преобразования в самых разных направлениях деятельности, от экономики до обороны, одновременно и единообразно проводились по всей территории России. Но последствия их были совершенно различными просто потому, что регионы России очень сильно отличаются друг от друга. И если для Москвы социально-экономические реформы последних десятилетий имели в целом положительный результат, то даже для Петербурга их воздействие трудно оценить столь же однозначно, а многие части страны в ходе этих реформ пострадали так сильно, что их восстановление займет десятилетия даже в том случае, если оно вообще начнется.

«Пространственный фактор» развития страны ее руководством при проведении реформ никаким образом не принимался и не принимается во внимание. У нас, в отличие от других стран мира, в том числе и постсоциалистических (например, Польши — см. [12]), фактически отсутствует программа пространственного развития страны. Да и сам термин «пространственное развитие» практически не используется в официальных документах. А если пространственного развития вроде как и не существует, значит, социально-экономическая география ни для чего не нужна.

Однако не следует считать, что в столь сложном положении социально-экономическая география оказалась исключительно из-за воздействия неблагоприятных внешних факторов. Значение внутренних факторов, то есть особенностей развития самой науки, было по крайней мере не меньшим.

Главная проблема СЭГ — ее «растекание» по множеству научных дисциплин и направлений под влиянием других наук. Иногда утверждается, что «научное пространство экономической географии устраняет четкие границы, более того, следует поощрять междисциплинарный подход для модернизации теоретико-методологических и концептуальных представлений» [5, с. 61].

Поощрение междисциплинарного подхода — это, конечно, хорошо. Но в случае СЭГ очень часто получается, что «междисциплинарность» исследований проявляется лишь в добавлении приставки «гео-» к названию какой-либо другой науки, из которой и черпаются и подходы, и методы, и содержание исследований. Устранение же четких границ науки приводит к тому, что она просто перестает быть наукой.

Например, в последние годы появилось большое количество исследований по «поведенческой географии», «географии восприятия» и другим подобным направлениям, где географы явно не могут претендовать на какие-либо научные открытия, а их исследования имеют либо вторичный, либо дилетантский характер, либо то и другое вместе. Ведущая роль здесь принадлежит культурологии, филологии, психологии и др. В качестве примера вполне успешных региональных культурологических исследований можно привести серию трудов «Поликультурное пространство регионов России» (см., например, [8; 9]). Границы СЭГ в результате этой «культурно-когнитивно-филологической инвазии» размылись так, что одни представители этой науки с трудом понимают или вообще не понимают, что именно исследуют другие. Возможно, подобного рода исследования следует осуществлять в рамках какой-то новой, специально для этого созданной научной дисциплины, поскольку, скажем, география машиностроительного комплекса и «география суффиксов и префиксов» никак не могут быть признаны разными направлениями одной науки.

В целом основная теоретическая проблема социально-экономической географии заключается в том, что мы пытаемся развивать свою науку, опираясь на теорию, методологию и методику других наук. Особенно сильно сказывается влияние экономики, социологии и политологии.

Чрезмерная «экономизация» отечественной социально-экономической географии началась уже в 30-е гг. В 50—80-е гг. она проявилась в дискуссии о значении производственных отношений для размещения производительных сил. Но еще в начале 60-х гг. была высказана мысль о том, что производственные отношения вообще не относятся к сфере ведения экономической географии: «Размещение общественного производства представляет собой вечный процесс, неизбежный при любом способе производства» [2, с. 198].

К сожалению, это утверждение было совершенно забыто и практически не нашло себе применения в дальнейшем. А жаль, потому что опора на него позволяет очень четко определить приоритеты экономической географии, заключающиеся в выявлении процессов, тенденций и закономерностей размещения экономических объектов. Экономическая география однозначно должна заниматься пространственной струк-

турой экономики, организационная структура вне сферы ее компетенции. Принадлежит ли, скажем, Норильский горно-металлургический комбинат Министерству цветной металлургии СССР или концерну «Норильский никель», не должно иметь для СЭГ большого значения, поскольку местоположение комбината, а также условия и факторы его существования от этого никак не меняются.

Кроме этого, объектом исследований экономической географии может быть лишь то, что реально существует в географическом пространстве — предприятия, учреждения, пути сообщения, города, государства и т. д. То, что существует лишь в «виртуальной реальности», для географии интереса представлять не должно. Так, например, «география инвестиций» вряд ли может рассматриваться в качестве научного направления в рамках СЭГ. Инвестиции однозначно представляют собой объект экономических, а не географических исследований, поскольку сами по себе они никак в геопространстве не проявляются. А вот если благодаря этим инвестициям появляются некие реально существующие объекты, то их СЭГ изучать не только может, но и должна.

Однако на данный момент экономико-географические исследования — очень большая редкость. Социально-экономическая география практически упустила пространственные перемены в российской экономике 90-х гг. — начала XXI в. Восстановление промышленного производства в России после кризиса 90-х гг. проявилось первоначально в усилении концентрации производства и соответственно специализации регионов [13], вслед за этим начался процесс территориальной дифференциации. Научных трудов по проблемам трансформации экономического пространства России, в которой представители СЭГ могли бы занять лидирующие позиции просто потому, что никто больше этим не занимается, было немного.

Ключевое понятие собственно экономической географии — «территориальное разделение труда», а основное направление исследований — место того или иного предприятия или региона в этой системе. С появлением и развитием транснациональных корпораций (ТНК) возникло мнение о том, что само понятие «территориальное разделение труда» в условиях экономической глобализации должно исчезнуть, поскольку, дескать, заводы в разных частях мира принадлежат одной и той же компании. Но ТНК потому и стали «транснациональными», что они создают в разных странах специализированные предприятия, каждый из которых без других предприятий той же ТНК не имеет никакого смысла. Тем самым лишь усиливая процесс территориального, в данном случае — международного, разделения труда.

Следует осознать, что как только представители СЭГ «отрываются» от пространственных проблем и процессов развития экономики и начинают разбирать себестоимость производства, величину транспортных издержек и вообще любые стоимостные показатели, они сразу же начинают проигрывать ученым-экономистам потому, что экономисты «вести бухгалтерию» умеют обычно гораздо лучше, чем географы. А социально-экономическая география очень часто не только «уходила» именно в такие подсчеты, но ими и ограничивалась.

Социологизация особенно быстро стала утверждаться в социально-экономической географии с 90-х гг. XX в. Это было связано с широким распространением теоретических подходов, разработанных в рамках модели «центр — периферия». Основы этой модели были изложены Джоном Фридманом в конце 60-х гг., у нас в стране они получили широкое распространение в начале 90-х гг. Первые оценки этой модели, данные еще в конце советского времени, были зачастую совершенно некритичными и даже пафосными: «...модель Фридмана... отражает универсальный характер распространения по территории радикальных инновационных процессов, независимо от того, какой пространственный уровень мы рассматриваем...» [6, с. 92] (чем-то напоминает «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно»).

Модель «центр — периферия» в сущности — это всего лишь модификация общеизвестной идеи «героя и толпы». Главным недостатком модели «центр — периферия» является то, что она представляет собой одно из проявлений бинарной парадигмы, которая «превращает картину мира в совокупность парных отношений, утрачивая тем самым перспективу развития целостности... Бинаризм — агрессивен... Диктуя схему «либо — либо», он порождает гибельную идеологию антагонизма...» [3, с. 353]. Ввиду того, что реальные геопространственные системы далеки от бинарных, в модель «центр — периферия» пришлось вводить третий элемент, «полупериферию». Вслед за этим появилось деление всех трех составляющих модели на «внутренние» и «внешние» части (внутренняя периферия, внешняя полупериферия и т. д.), при этом границы не то что между этими частями, но и между тремя основными составляющими модели (центром, полупериферией, периферией), как правило, не определяются.

Можно утверждать, что модель «центр — периферия» в географических исследованиях вообще неприменима, за исключением изучения систем политико-административного деления. В пределах геопространства нет участков, которые можно однозначно определить как «центр» или «периферию» для всех без исключения направлений деятельности. Без труда можно выделить более и менее заселенные территории, регионы, отличающиеся по природным условиям и ресурсам, транспортной доступности, уровню доходов населения, привлекательности для внутренних и внешних миграций и другим показателям. Но «центры» и «периферии», выделенные исходя из разных показателей и/или определенные с помощью разных методов, не совпадают друг с другом.

Например, в нынешней России по экономическим показателям к числу центров наряду с Москвой относятся, в частности, «нефтяные» и «газовые» города Западной Сибири — Сургут, Нижневартовск, Новый Уренгой, Надым и другие. Если выстраивать «центр — периферическую» систему регионов страны, исходя из доходов населения, то все эти города несомненно будут принадлежать к центру. Но вряд ли многие жители России согласятся с тем, что Ханты-Мансийский (ХМАО) и Ямало-Ненецкий автономные округа (ЯНАО) являются «центром страны», а, скажем, далеко от них отстающие по экономическим показателям Псковская, Новгородская или Тульская области — «периферией».

Заработки в Сургуте (среднемесячная начисленная заработная плата по ХМАО в 2013 г. — 50 841,3 руб.) или Новом Уренгое (ЯНАО — 63 696,3 руб. в 2014 г.) намного выше, чем в Санкт-Петербурге (32 930,2 руб. в 2013 г.) (сведения о среднемесячной начисленной заработной плате по [18]). Но почему-то в желающих переселиться навсегда из западносибирских городов в С.-Петербург недостатка нет, а вот в обратном направлении переезжать никто не торопится. Соответственно, «центр — периферические» отношения приобретают совершенно иную направленность.

В физической географии есть понятие природной зональности. Вся планета делится на природные зоны — от экваториальной зоны до зоны арктических пустынь. Природные зоны делятся на подзоны, их части с учетом тектонического строения и рельефа объединяются в физико-географические страны, последние делятся на провинции, далее на ландшафты и более мелкие природно-территориальные комплексы. Природная зональность осложняется высотной поясностью. Но ни на каком пространственном уровне в географической оболочке Земли не прослеживается отношений «центр — периферия», все части этой оболочки имеют равное значение.

Еще один пример из физической географии — понятие «катена» (см., например, [4]), широко используемое в ландшафтоведении. Катены представляют собой сочетание структурно-динамических элементов ландшафта между водораздельными равнинами и долинами рек, взаимодействующих между собой благодаря потокам вещества, перемещающимся сверху вниз и определяющим особенности каждой из катен. Но ни одна катена не является центральной или периферийной. И вряд ли кто-то сможет дать ответ на вопрос, какие формы рельефа более центральны — денудационные или аккумулятивные.

Если мы принимаем то, что основу СЭГ составляют исследования географического пространства (географическая оболочка плюс люди и формируемая ими искусственная среда обитания), то следует исходить из такой же «равноправности» частей этого пространства. Каждая часть геопространства уникальна, и в выявлении этой уникальности, собственно, и состоит основная задача СЭГ. Шаблонные подходы, априори объясняющие особенности той или иной территории ее «центрально-стью» или «периферийностью», следует оставить представителям других наук, в данном случае — социологии.

Влияние политологии на развитие социально-экономической географии проявилось в первую очередь в широком внедрении в СЭГ геополитических идей, концепций и подходов, особенно активно происходившем в 90-е гг. XX в. Геополитика к географическим наукам не относилась никогда. Собственно, она и вообще к науке не относилась и не относится. Это типичная лженаука, сходная по своим основаниям с астрологией. Но если астрологи придают мистическое значение взаимному расположению небесных тел, по крайней мере реально существующих, то геополитики «анализируют» взаимное расположение ими же выдуманных «точек», «линий» и «ключевых территорий». Все геополитические построения всегда были и остаются бездоказательными.

Х. Маккиндер, считающийся основателем геополитики, в своем первом труде «Географическая ось истории», вышедшей в 1904 г., писал: «Разве не является осевым регионом в мировой политике этот обширный район Евро-Азии?...Россия заменяет Монгольскую империю. Ее давление на Финляндию, Скандинавию, Польшу, Турцию, Персию, Индию и Китай заменило собой исходившее из одного центра набеги степняков...». И далее: «За пределами этого осевого района существует большой внутренний полумесяц, образуемый Германией, Австрией, Турцией, Индией и Китаем, и внешний — Британия, Южная Африка, Австралия, Соединенные Штаты, Канада и Япония» [10].

«Осевой район», «внутренний полумесяц», «внешний полумесяц» — это выглядит весьма впечатляюще, но совершенно никак не обосновывается и не определяется, представляя собой набор слов, даже чисто внешне сходный с рассуждениями астрологов. В своем труде 1919 г. «Демократические идеалы и реальность» Маккиндер чередует банальные утверждения в духе «Волга впадает в Каспийское море» (буквально — «Реки Волга и Урал впадают в бессточное Каспийское море, а Сырдарья и Амударья впадают в бессточное Аральское море» [11, с. 140]) с якобы основанными на них выводами: «На протяжении XIX столетия царская Россия разрасталась внутри Хартленда и стала угрожать всем окраинным территориям Азии и Европы» [11, с. 143]. Сочетание фактов из школьного учебника географии с «глобальными» измышлениями («если Волга впадает в Каспийское море, значит, Россия представляет угрозу остальной Европе и Азии»), со времен Маккиндера стало основой геополитических построений и является им до настоящего времени, в том числе и в трудах отечественных «геополитиков», включая представителей «патриотического» направления.

Внешняя простота и наглядность геополитических «конструкций» способствовали широчайшему распространению геополитики и формированию убеждения в том, что с помощью этой псевдонауки можно решить большую часть проблем современного мира, в том числе и пространственных. Существует даже Академия геополитических проблем. Впрочем, существует и Московская академия астрологии.

Здесь также можно вспомнить братьев Стругацких, которые во многих своих фантастических произведениях с фантастической же точностью показали жизнь нашего общества: «За пивом говорили о том, о сем, и как-то между делом выяснилось, что Мак за последние полчаса одолел учебник по геополитике. <...> Гай... раскрыл учебник наугад, нашел в конце главы контрольные вопросы и спросил: «В чем заключается нравственное благородство экспансии нашего государства на север?» Мак ответил своими словами... и добавил, что на его взгляд нравственное благородство здесь ни при чем. <...> «А каково удельное демографическое давление в устье Голубой Змеи?» — спросил Гай. Мак назвал цифру, назвал погрешность и не преминул добавить, что понятие демографического давления кажется ему смутным. Во всяком случае, он не понимает, зачем оно введено» [19].

Отечественные не то что учебники по геополитике, но и геополитические статьи в разнообразных научных и околонаучных изданиях большей своей частью как раз находятся на уровне «нравственного благородства экспансии нашего государства на север» и «удельного демографического давления в устье Голубой Змеи». Подобного рода работ очень много, ссылаться на часть из них, значит, «обидеть» остальных, и многие читатели этой статьи в состоянии самостоятельно вспомнить пару — тройку статей и даже книг подобного рода, попадавших им на глаза в последние годы. Следует отметить и то, что ученые-астрономы как-то брезгают использовать в своих работах астрологические трактаты. Но в социально-экономической географии псевдонаучные геополитические измышления почему-то используются очень широко.

Внешние факторы, воздействующие на социально-экономическую географию, силами самих географов, конечно, не преодолеть. Можно лишь ждать, когда общество вновь предъявит спрос на экономико-географические исследования. Когда это случится, естественно, угадать нельзя. Но с действием внутренних факторов, частично разобранных выше, бороться можно и нужно. Для начала следует вспомнить, что ключевым понятием социально-экономической географии является географическое пространство — не «виртуальное» и не «образное», а самое что ни на есть конкретное, понимаемое как среда обитания человека. И двунаправленная система отношений «человек — пространство» должна стать основным объектом экономико-географических исследований.

Эта система отношений проявляется в формировании пространственной структуры общества на разных уровнях. Очень интересен и до настоящего времени недостаточно проработан вопрос о причинах и процессах формирования этой структуры. Формируется эта структура в результате расселения людей. Расселение, понимаемое как структура и как процесс, происходит в результате перемещения людей в пределах географического пространства. Перемещение это происходит в результате того, что люди добиваются в процессе расселения различных целей.

«Человека биологического» более всего привлекают благоприятные природные условия. Благоприятность этих условий для представителей разных цивилизаций различна, но для индивидуумов, принадлежащих к европейской цивилизации, эталоном природных условий можно считать Средиземноморье. Наиболее близкие к этому регионы современной России — Черноморское побережье Кавказа и Южный берег Крыма. «Человеку биологическому», как правило, ничего от общества еще или уже не надо. Этим объясняется повышенная доля пожилого населения в наиболее благоприятных с точки зрения природных условий регионах разных стран (Франция — Лазурный берег, США — Флорида и Калифорния), а также в других странах, где жизнь дешевле, а климат лучше (Турция, Египет, Таиланд, Камбоджа).

«Человеку экономическому» важнее всего доход, который он может получить в результате перемещения на новое место. Доходом может

быть что угодно — прибыль от банковских или торговых операций, наращивание промышленного капитала, рост заработной платы, прибыли от продажи сельскохозяйственной продукции. Основным фактор, определяющий перемещение «человека экономического», — экономико-географическое положение. Понятие экономико-географического положения было предложено классиком советской экономической географии Н. Н. Баранским в межвоенное время и с тех пор его определение не менялось — это положение объекта в географическом пространстве относительно других объектов. В данном случае в результате перемещения «человек экономический» улучшает свое положение в сравнении с теми, кто остается на прежнем месте жительства.

«Человеку социальному» важна самореализация в выбранном им направлении деятельности вне зависимости от того, какие доходы эта самореализация принесет или каких расходов потребует. Основным фактором, определяющим перемещение «человека социального», является ранее сформировавшаяся социальная среда. Чем более мощная и разветвленная эта среда, тем более притягателен для «человека социального» обладающий ею регион.

Для «человека политического» наибольшее значение имеют ресурсы, которыми обладает та политическая система (государство сообщество государств), к которой он принадлежит. Соответственно основная мотивация перемещений «человека политического» — контроль над природными ресурсами. Эти ресурсы не обязательно должны располагаться в пределах национальной территории, и контроль над ними может обеспечиваться самыми разными способами — экономическими, политическими, военными. Тот объем природных ресурсов, который контролируется определенным государством, и определяет в конечном итоге его политическое значение.

Выделить в чистом виде мотивацию «человека биологического», «человека социального», «человека экономического» и «человека политического» вряд ли возможно. Можно определить лишь преобладающие мотивы.

Чем ближе друг к другу расположены территории, наиболее привлекательные с точки зрения «человека биологического», «социального», «экономического» и «политического», тем более благоприятными являются пространственные предпосылки развития государства или региона, и тем более успешным — само это развитие. В качестве примера можно привести США, где самыми благоприятными природными условиями обладают побережья, здесь же располагается основная часть крупных городских агломераций, где формируется сложная структура социальной среды, эти же районы имеют самое выгодное экономико-географическое положение и здесь же чрезвычайно высока концентрация природных ресурсов.

В России такие районы разобщены. Самые благоприятные с точки зрения природных условий районы России — Северный Кавказ и

Крым, наиболее мощный «сгусток» городского населения — в Центральной России, самое выгодное экономико-географическое положение в современных условиях имеют приморские и приграничные регионы Европейской России и юга Дальнего Востока, а природные ресурсы сосредоточены в основном в Сибири и на севере Дальнего Востока.

Более подробное исследование причин формирования пространственной структуры общества и ее значения для социально-экономической географии, безусловно, очень интересно, но до сих пор оно не проводилось. Однако уже сейчас можно прийти к нескольким выводам. Во-первых, изучение пространственных закономерностей развития общества с позиций индивидуума и формируемого им геопространства позволяет отказаться от представлений о «мировой дихотомии», ярким проявлением которой является модель «центр — периферия». Центральными и периферийными для разных направлений деятельности могут быть как одни и те же, так и совершенно разные регионы и города.

Во-вторых, социально-экономическая география основное внимание должна уделять не процессам организации общества, в том числе и пространственной («все плохо, и только мы знаем, что надо сделать, чтобы мир изменился в лучшую сторону»), а пространственной самоорганизации (по аналогии с «природа знает лучше» — «люди знают лучше», перемещаются туда, куда им нужно, меняя или сохраняя пространственную структуру общества, и препятствовать им бессмысленно). Другими словами, развивать надо главным образом то, что развивается само.

В-третьих, государственные интересы, в том числе и в области пространственного развития, могут определяться только интересами его граждан. Попытки пойти наперекор естественным процессам на какое-то время могут увенчаться успехом, но затем все неизбежно вернется «на круги своя».

И в-четвертых, если СЭГ начнет заниматься пространственными проблемами как таковыми, то появится возможность выхода из нынешней кризисной ситуации. Если же по-прежнему будет «импортировать» результаты исследований из других наук, выдавая их за «новое слово в социально-экономической географии», то социально-экономическая география как наука может исчезнуть сначала фактически, а затем и формально, как уже исчез аналогичный по названию учебный предмет в подавляющем большинстве высших учебных заведений России и других постсоветских стран.

Список литературы

1. *Агирречу А.А.* Структура и динамика защит диссертаций по социально-экономической географии в России в 2000-е годы // Региональные исследования. 2014. №1 (43).
2. *Анучин В.А.* Теоретические проблемы географии. М., 1963.
3. *Баранцев Р.Г.* Бинарная наследственность, тернарные структуры, переходные слои // Синергетика : труды семинара. М., 2000. Т. 3 : материалы круглого стола «Самоорганизация и синергетика: идеи, подходы и перспективы».

4. *Берест А. А.* Катенарный парагенезис в ландшафтоведении: проблемы исследования // Вестник Тамбовского университета. Сер. Естественные и технические науки. 2010. № 1. С. 175—178.
5. *Бочарников В. Н.* Феномен гештальта в парадигме социально-экономической географии // Астраханский вестник экологического образования. 2012. № 3 (21).
6. *Грицай О. В., Трейвиш А. И.* Центр и периферия: стадийные концепции регионального развития // Изв. АН СССР. Сер. Геогр. 1990. № 4. С. 86—97.
7. *Котляков В. М., Преображенский В. С.* С чем мы подходим к рубежам нового века (о некоторых чертах менталитета отечественных географов) // Изв. РАН. Сер. Геогр. 1992. № 3.
8. *Культура Поволжья.* СПб., 2014.
9. *Культура Урала.* СПб., 2012.
10. *Маккиндер Х. Дж.* Географическая ось истории // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 162—169.
11. *Маккиндер Х.* Демократические идеалы и реальность // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 134—144.
12. *Мартынов В. Л.* Региональная политика в постсоциалистической Польше // Псковский регионологический журнал. 2010. № 10. С. 3—10.
13. *Мартынов В. Л.* Региональная структура экономики Северо-Запада России в начале XXI века // Региональные исследования. 2006. № 1. С. 63—70.
14. *Носонов А. М.* Концептуальные основы циклического развития // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14.
15. *Носонов А. М.* Методы географического прогнозирования // Там же. 2013. № 16.
16. *Носонов А. М.* Моделирование в социально-экономической географии // Там же. 2014. № 19.
17. *Носонов А. М.* Теории пространственного развития в социально-экономической географии // Там же. 2011. № 11.
18. *Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации* : стат. сб. М., 2014.
19. *Стругацкие А., Стругацкий Б.* Обитаемый остров. URL: <http://lib.ru/STRUGACKIE/ostrow2.txt> (дата обращения: 07.02.2015).
20. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Понедельник начинается в субботу // Собр. соч. М., 1992. Т. 2.
21. *Сухоруков В. Д.* Теория геопространственных систем. Смоленск, 2000.
22. *Тархов С. А.* Социально-экономическая география: ее сущность, предмет изучения и методы // Региональные исследования. 2013. № 3 (41).
23. *Чистобаев А. И.* Научные исследования и образование в области общественной географии: проблемы и задачи // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2012. № 1(1).
24. *Шарыгин М. Д.* Социально-экономическая география: традиции и современные тенденции развития // Географический вестник. 2011. № 1. С. 17—25.
25. *Шупер В. А.* Рационалистическое мировоззрение в условиях кризиса рационализма: взгляд географа // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3.
26. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза : стенографический отчет. М., 1962. Т. 1.
27. XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза : стенографический отчет. М., 1966. Т. 1.

28. XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза : стенографический отчет. М., 1971. Т. 1.

29. XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза : стенографический отчет. М., 1976. Т. 1.

Об авторе

Василий Львович Мартынов, доктор географических наук, профессор кафедры экономической географии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, С.-Петербург, Россия.

E-mail: martin-vas@yandex.ru

RUSSIAN SOCIO-ECONOMIC GEOGRAPHY: STATUS, CHALLENGES, PERSPECTIVES

V. Martynov*

* *Alexander Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika River embankment, Saint Petersburg 191186, Russia*

Submitted on January 12, 2015

The socio-economic geography studies the processes, characteristics and patterns of spatial development. In the recent decades, however, this area of scientific investigation has failed its promise, which happened for a number of external and internal reasons. The main external reason is the development of "consumer society", which does not require the search of new space and therefore ignores the "spatial" science, geography. Internal reason is the blurring of socio-economic geography along the variety of new lines of research. The discipline was, in many ways, redundant, and unselective in the application of theoretical and methodological tools liberally borrowed from other branches of both geography and economics. The only way this discipline can return to its former glory is by going all the way back to doing proper spatial research.

Key words: socio-economic geography, crisis, sustainable development, «consumer society», regional economy, «core — periphery», geopolitics, geospace.

References

1. Agirrechu, A. A. 2014, Struktura i dinamika zashhit dissertacij po social'no-jekonomicheskoj geografii v Rossii v 2000-e gody [Structure and dynamics of a thesis on the social and economic geography in Russia in the 2000s], *Regional'nye issledovanija* [Regional studies], no. 1 (43), p. 152—153.
2. Anuchin, V. A. 1963, Teoreticheskie problemy geografii [Theoretical problems of geography], Moscow, p. 198.

3. Barantsev, R. G. 2000, Binarnaja nasledstvennost', ternarnye struktury, peregodnye sloi [Binary heredity, ternary structure transition layers], *Sinergetika. Trudy seminar, T. 3: materialy kruglogo stola «Samoorganizacija i sinergetika: idei, podhody i perspektivy»* [Synergetics. Proceedings of the Seminar, Vol. 3: The materials of the round table "Self-organization and synergy: ideas, approaches and perspectives"], Moscow, MSU, p. 353.

4. Berest, A. A. 2010, Katenarnyj paragenezis v landshaftovedenii: problemy issledovanija [Catenary paragenesis in landscape: the research problem], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija Estestvennye i tehniczeskie nauki* [Vestnik Tambov University. A series of natural and technical sciences], no. 1, p. 175—178.

5. Bocharnikov, V. N. 2012, Fenomen geshtal'ta v paradigme social'no-jekonomiczeskoj geografii [Gestalt phenomenon in the paradigm of social and economic geography], *Astrahanskij vestnik jekologičeskogo obrazovanija* [Astrakhan Vestnik Environmental Education], no. 3 (21), p. 61.

6. Gritsay, O. V., Treyvish, A. I. 1990, Centr i periferija: stadial'nye koncepcii regional'nogo razvitija [Centre and Periphery: stadial concept of regional development], *Izvestija AN SSSR. Serija. Geografija* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Series Geography], no. 4, p. 86—97.

7. Kotlyakov, V. M., Preobrazhenskiy, V. S. 1992, S chem my podhodim k rubezham novogo veka (o nekotoryh chertah mentaliteta otechestvennyh geografov) [What we approach the turn of the century (some features of the mentality of Russian geographers)], *Izvestija AN SSSR. Serija. Geografija* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Series Geography], no. 3, p. 5.

8. *Kul'tura Povolzh'ja* [Culture of the Volga], 2014, Saint Petersburg, 260 p.

9. *Kul'tura Urala* [Culture Urals], 2012, Saint Petersburg, 173 p.

10. Mackinder, H. J. 1995, Geograficheskaja os' istorii [Geographical Pivot of History], *Polis*, no. 4, p. 162—169.

11. Mackinder, H. 2011, Demokraticzeskie idealy i real'nost' [Democratic Ideals and Reality], *Polis*, no. 2, p. 134—144.

12. Martynov, V. L. 2010, Regional'naja politika v postsocialisticheskoy Pol'she [Regional policy in the post-socialist Poland], *Pskovskij regionologičeskij zhurnal* [Pskov regionologičeskij Journal], no. 10, p. 3—10.

13. Martynov, V. L. 2006, Regional'naja struktura jekonomiki Severo-Zapada Rossii v nachale XXI veka [Regional structure of the economy of the North-West of Russia at the beginning of the XXI century], *Regional'nye issledovanija* [Regional studies], no. 1, p. 63—70.

14. Nosonov, A. M. 2012, Konceptual'nye osnovy ciklicheskogo razvitija [Conceptual framework of cyclical development], *Pskovskij regionologičeskij zhurnal* [Pskov regionologičeskij Journal], no. 14.

15. Nosonov, A. M. 2013, Metody geograficheskogo prognozirovanija [Methods geographic prediction], *Pskovskij regionologičeskij zhurnal* [Pskov regionologičeskij Journal], no. 16.

16. Nosonov, A. M. 2014, Modelirovanie v social'no-jekonomiczeskoj geografii [Modeling in the socio-economic geography], *Pskovskij regionologičeskij zhurnal* [Pskov regionologičeskij Journal], no. 19.

17. Nosonov, A. M. 2011, Teorii prostranstvennogo razvitija v social'no-jekonomiczeskoj geografii [Theories of spatial development in the socio-economic geography], *Pskovskij regionologičeskij zhurnal* [Pskov regionologičeskij Journal], no. 11.

18. *Regiony Rossii. Osnovnye harakteristiki subektov Rossijskoj Federacii* [Regions of Russia. The main characteristics of the Russian Federation], 2014, statistical compilation, Moscow.

19. Strugatsky, A., Strugatsky, B. *Obitaemyj ostrov* [Inhabited Island], available at: <http://lib.ru/STRUGACKIE/ostrow2.txt> (accessed 12.12.2014).
20. Strugatsky, A., Strugatsky, B. 1992, *Ponedel'nik nachinaetsja v subbotu* [Monday begins on Saturday], Moscow.
21. Sukhorukov, V.D. 2000, *Teorija geoprostranstvennyh sistem* [Geospatial Systems Theory], Smolensk, 192 p.
22. Tarhov, S.A. 2013, Social'no-jekonomicheskaja geografija: ejo sushhnost', predmet izuchenija i metody [Socio-economic geography: its essence, the subject matter and methods], *Regional'nye issledovanija* [Regional studies], no. 3 (41), p. 12.
23. Chistobaev, A.I. 2012, Nauchnye issledovanija i obrazovanie v oblasti obshhestvennoj geografii: problemy i zadachi [Research and education in the field of human geography: challenges], *Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshhestvovedov. Social'no-jekonomicheskaja geografija* [Bulletin of the Association of Russian geographers, social scientists. Social and economic geography], no. 1(1), p. 22.
24. Sharygin, M.D. 2011, Social'no-jekonomicheskaja geografija: tradicii i sovremennye tendencii razvitija [Socio-economic geography: tradition and modern trends], *Geograficheskij vestnik* [Geographic Vestnik], no. 1, p. 17—25.
25. Shuper, V.A. 2014, Racionalisticheskoe mirovozzrenija v uslovijah krizisa racionalizma: vzgljad geografa [Rationalist ideology in a crisis of rationalism: a geographer's view], *Social'no-jekonomicheskaja geografija. Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshhestvovedov* [Socio-economic geography. Bulletin of the Association of Russian geographers, social scientists], no. 3, p. 25.
26. *XXII sezd Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Sojuza* [XXII Congress of the Communist Party of the Soviet Union], 1962, verbatim report, T. 1, Moscow, p. 17.
27. *XXIII sezd Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Sojuza* [XXIII Congress of the Communist Party of the Soviet Union], 1966, verbatim report, T. 1, Moscow, p. 19.
28. *XXIV sezd Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Sojuza* [XXIV Congress of the Communist Party of the Soviet Union], 1971, verbatim report, T. 1, Moscow, p. 26.
29. *XXV sezd Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Sojuza* [XXV Congress of the Communist Party of the Soviet Union], 1976, verbatim report, T. 1, Moscow, p. 27.

About the author

Prof. Vasilii Martynov, Dept. of Economic Geography, Russian State Pedagogical University “A. I. Herzen”, St. Petersburg, Russia.
E-mail: martin-vas@yandex.ru

УДК 911.3

**РАЗВИТИЕ
РОССИЙСКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
ГЕОГРАФИИ:
ТРЕНДЫ,
ПРОБЛЕМНЫЕ СИТУАЦИИ,
ПРИОРИТЕТЫ**

А. Г. Дружинин*

Развитие исследований в сфере общественной географии (одной из важных составляющих научного знания) — особо значимо для современной России. В последнюю четверть века российская общественная география существенно трансформировалась, заметно расширив свою предметно-содержательную сферу; на этом фоне нарастало противоречие между актуализацией общественно-географического знания, необходимостью формулирования внятных представлений о факторах, проявлениях и следствиях полимасштабной территориальной социально-экономической динамики и возможностями науки, ее организацией, кадровым потенциалом, теоретическим и информационным «оснащением». Цель статьи — на основе анализа постсоветского тренда развития российской общественной географии высветить не только ее фактические достижения, но и проблемные ситуации, обосновать приоритеты. Показано, что традиционные векторы развития общественной географии (ее «гуманизация», «культуризация», «экономизация», «географизация» и «экологизация») в современном контексте не только сохраняют свое значение, но и обретают новое содержание. Акцентирована необходимость, а также раскрыты конкретные направления интеграции научного сообщества российских географов-обществоведов, концентрации его усилий на фундаментальных вопросах пространственной организации России, ее позиционирования в евразийском и глобальном масштабе.

---

* Южный федеральный университет
344006, Россия, Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, 105/42

Поступила в редакцию 20.12.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-2-9

© Дружинин А. Г., 2015

Ключевые слова: общественная география, Россия, постсоветский период

Введение

Россия (с ее обширнейшим и в высшей степени фрагментированным в природном, социально-экономическом и этнокультурном отношении пространством) для профессионального географа — сложнейший, увлекательнейший объект исследования, предполагающий оперирование широкой «палитрой» инструментальных средств и подходов. Отвечая на «вызовы» пространства и потребности учета географического фактора в социально-экономическом развитии, с конца XVIII в. в России формируется сильная и оригинальная экономико-географическая школа; ее «пик» (практически совпав с периодом обретения страной наивысшей за всю свою историю экономической и политической мощи [1]) пришелся на середину — вторую половину XX в. Современная российская **общественная география** (в настоящее время в профессиональном сообществе это словосочетание наиболее популярно), функционируя в сложном контексте кардинальных хозяйственных, политических и социокультурных изменений на постсоветском пространстве, во многом наследует ее достижения и наработки.

Распад СССР, появление новых границ, геополитических субъектов и очагов конфликтов, глубокий экономический кризис и социальное расслоение, деградация базовой инфраструктуры, приватизация и переориентация хозяйственных связей, глобализация и существенная коррекция позиций страны в мировом разделении труда, терциаризация, де- и реиндустриализация, депопуляция и локальный демографический рост, этнокультурные изменения и миграционные потоки — эти и многие иные корреспондирующие с ними процессы имеют свои географические формы и проявления, способствуют трансформации территориальной организации российского общества, модифицируют общественно-географическую проблематику, инициируют эволюцию российской общественной географии, актуализируют адекватное видение ее трендов, проблемных ситуаций и приоритетов.

Традиционное и новационное в современной российской общественной географии

Анализируя ретроспективу, вмещающую сложный процесс адаптации науки (институциональных форм ее организации, исследовательского инструментария, а также профессионального сообщества) к политико-экономическим трансформациям и социально-культурным изменениям, к реалиям глобализации, — можно констатировать: современная российская общественная география — продукт общего тренда эволюции национальной научной школы (рис. 1), сопутствующих ему достижений, проблемных ситуаций, утрат, упущенных возможностей.

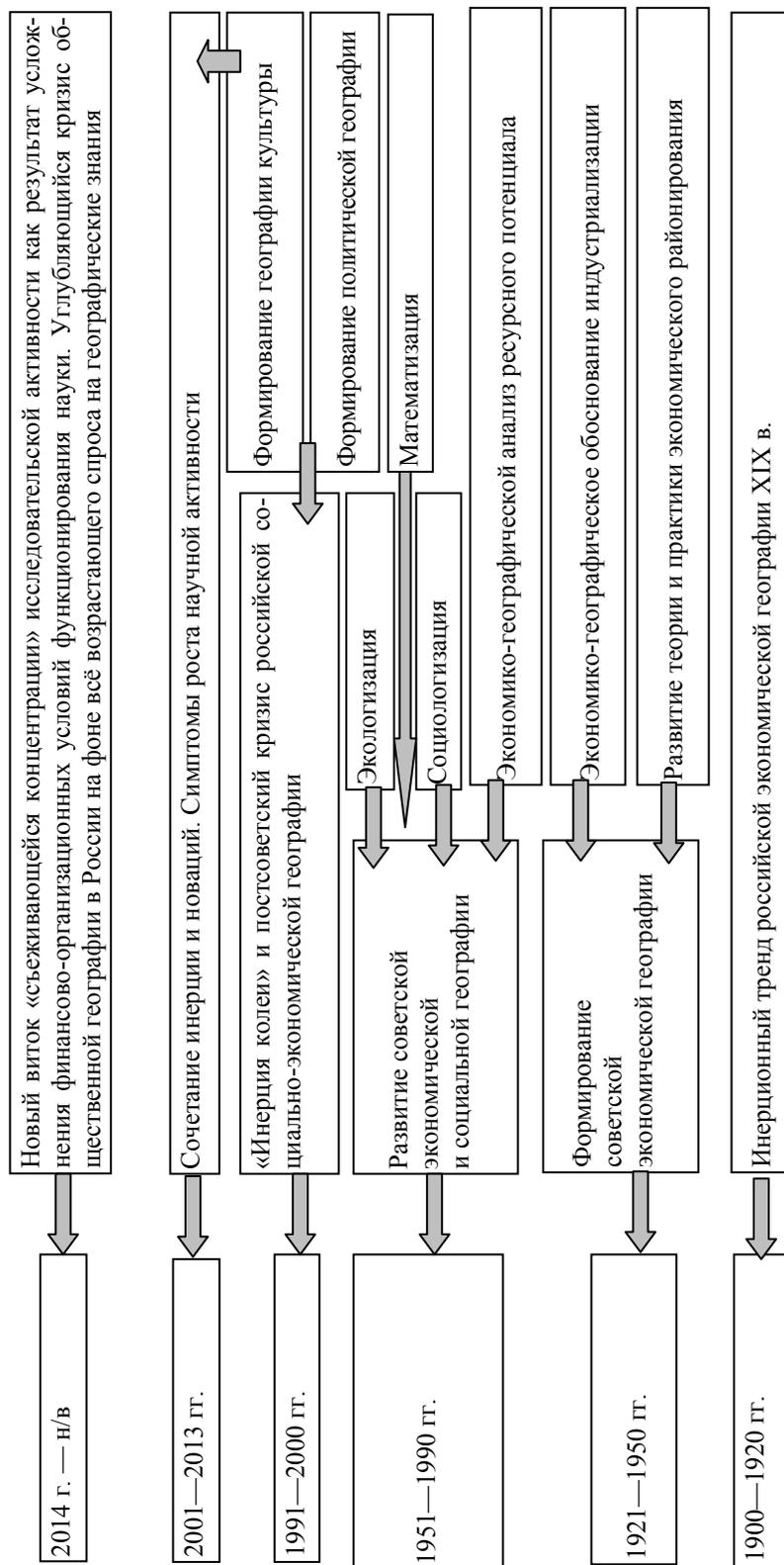

Рис. 1. Основные тенденции эволюции российской (советской) экономической географии в XX и начале XXI в.

В постсоветский период следование традиции сочеталось с существенным «переформатированием» всей системы исследовательских приоритетов российской общественной географии, направленности и интенсивности ее научных связей. Отчасти сохранились (однако утратив былую интенсивность) взаимодействия с исследователями (и научными коллективами) из бывших союзных республик (сейчас — новых независимых государств). Параллельно расширялись (обретая многовекторный характер) контакты российских географов-обществоведов с коллегами из так называемого «дальнего зарубежья». В результате от преимущественной опоры на собственные теоретические построения и концепты (а XX в. подарил современной российской общественной географии обширное интеллектуальное наследие — табл. 1) наша наука перешла к более широкому использованию теоретических заимствований извне, следованию (зачастую — с некоторым запаздыванием¹) модным трендам столь динамичной и вариативной по своим методологическим установкам и направлениям исследований современной западной географии.

Таблица 1

**Российская (советская) научная школа в XX в.:
лидеры науки и основные идеи**

Лидеры науки	Идеи, теории, концепты
Н. Т. Агафонов; Э. Б. Алаев; П. М. Алампиев; И. Г. Александров; В. А. Анучин; Н. Н. Баранский; И. В. Белоусов; С. В. Бернштейн-Коган; Н. И. Блажко; И. А. Витвер; В. В. Вольский; А. М. Гаджи-Заде; В. М. Гохман; Л. Н. Гумилёв; В. Э. Ден; В. Ш. Джаошвили; Ю. Д. Дмитриевский; Б. Н. Зимин; Р. М. Кабо; С. А. Ковалёв; Н. Н. Колосовский; А. М. Колотиевский; И. В. Комар; О. А. Константинов; В. Г. Крючков; С. Б. Лавров; Г. М. Лаппо; О. П. Литовка; И. М. Маергойз; В. П. Максаковский; Я. Г. Машбиц; А. А. Минц; И. В. Никольский; С. Я. Ныммик; М. М. Паламарчук; Е. Н. Перцик; Н. Д. Пистун; В. В. Покшишевский; А. Е. Пробст; А. Н. Ракитников; Б. Б. Родоман; С. С. Сальников; Ю. Г. Саушкин; Г. В. Сдасюк; Б. Н. Семевский; С. Б. Слевич; А. Е. Слука; И. Т. Твердохлебов; А. Г. Топчиев; А. М. Трофимов; Б. С. Хорев; А. Т. Хрущёв; В. М. Четыркин; А. И. Чистобаев; М. Д. Шарыгин и др.	Теория экономического районирования; учение о территориально-производственном комплексе; концепция энергопроизводственных циклов; учение об экономико-географическом положении; учение о конструктивной географии; концепция территориального сочетания природных ресурсов; учение о территориальной организации общества; теория районной планировки; теория единой системы расселения; теория поляризованного ландшафта; теория территориальной социально-экономической системы и др.

¹ К примеру, бум исследований культурного регионализма и региональной идентичности в Human Geography пришелся на 1980—1990-е гг. (у нас — середину 2000-х); состоявшаяся в конце 1980-х гг. (в результате прорывных работ П. Ромера и Р. Лукаса) значимая для общественной географии смена парадигмы в теориях экономического роста (с экзогенной на эндогенную) проявилась в России лишь 15—20 лет спустя [2].

Заимствования позволили, в частности, в сжатые сроки нарастить необходимый для познания пространственных реалий (в контексте укореняющихся в России рыночной экономики и глобального капитализма) исследовательский инструментарий, инкорпорировав в него теории «полюсов роста», «центро-периферийной структуры», «кластеров», «глобальных городов», модели конкурентоспособности и позиционирования, подходы в сфере геоконфликтологии, геомаркетинга и др. Более полное знание зарубежных научных подходов и школ, видение (преимущественно сквозь их же «призму») полномасштабно уже проявивших себя в других странах общественно-географических явлений и процессов стимулировали становление в российской общественной географии ее новых субдисциплин, позволили глубже осмыслить диалектику универсального и локального в территориальной организации общества, четче идентифицировать современную российскую специфику. Одновременно множились риски подмены национальной (геополитически, геоэкономически и геокультурно центрированной на России, интересах нашей страны) географической картины мира экзогенными ее инвариантами (взглядом на себя и глобальную реальность «глазами Запада»); возникли предпосылки «вечного ученичества» и практически неизбежной в этой ситуации интеллектуальной (в первую очередь теоретико-методологической) «вялости», а следовательно, и немощи.

Под воздействием глобализационного тренда теоретико-методологические основания российской общественной географии становятся в итоге все более *эkleктичными и плюралистичными*. Наряду с доминированием **сциентистской парадигмы** (основанной на объективистской и рациональной, ценностно-нейтральной методологии изучения причинно-следственных и функциональных связей между свойствами географического пространства и социально-экономическими и культурными явлениями) обретают своих сторонников и **феноменологические** подходы [3]. Тем не менее и в постсоветский период превалировавшие ранее методологические установки (базирувавшиеся на фундаменте марксизма [4]) в целом сохранили свое значение. В их числе: акцент на исследовании двуединства «природа — общество» при одновременном признании социально-экономической географии как обществоведческой науки; понимание территориальности как важнейшего признака географических исследований; сфокусированность на «способе производства» как основе социальных, политических и духовных процессов; видение территориальных систем как объективной реальности; признание необходимости активнейшего участия географии в социально-экономических преобразованиях (в процессе районирования, пространственного планирования и др.).

Сохраняя приверженность методологической традиции и одновременно активно воспринимая интеллектуальные новации (и моды), в постсоветский период общественная география (в русле тренда ее **дифференциации**) продолжала динамично видоизменять внутреннюю структуру в процессе выдвижения на авансцену новых своих субдисциплин и сфер научной активности.

Постсоветская трансформация российской общественной географии: важнейшие тренды

Именно в последнюю четверть века оказались сформулированы теоретические основы российской **политической географии и геополитики** (С. Лавров, Н. Мироненко, Н. Каледин, В. Колосов, Л. Смирнягин, Н. Багров и др.); важная их составляющая (в настоящее время в особой мере актуализированной и активно разрабатываемой) — **географическая идентификация и концептуализация Евразии и евразийской интеграции** (Л. Гумилёв, С. Лавров, В. Каганский, Д. Замятин, А. Дружинин, В. Шупер).

На волне изменений 1990-х гг. стала активно развиваться **геополитическая лимология** (В. Колосов, Л. Попкова, Р. Туровский и др.). Обозначился интерес к исследованию **трансграничных географических структур** (П. Бакланов, С. Ганзей, Т. Герасименко, Л. Корытный, В. Колосов, Н. Межевич, Г. Фёдоров и др.), в первую очередь в метарегионе Балтики, Причерноморья, Азиатско-Тихоокеанского региона, российско-украинском и российско-казахстанском приграничье и т. д.

Наряду с геополитическими сюжетами, приоритетные усилия российских географов-обществоведов в последнюю четверть века были направлены на осмысление трансформаций собственно постсоветского социально-экономического пространства (А. Алексеев, С. Артоболевский, Ю. Гладкий, Н. Зубаревич и др.), включая обоснование новой регионализации России (Л. Смирнягин, А. Трейвиш), ее эколого-географического положения (Н. Клюев, В. Разумовский и др.). Новый импульс (в ситуации стремительной постсоветской трансформации городского пространства) получила **геоурбанистика** (К. Аксёнов, В. Битюкова, О. Вендина, Н. Власова, В. Глушкова, А. Дружинин, В. Колосов, Г. Лаппо, О. Литовка, А. Махрова, А. Обедков, Е. Перцик, Н. Слука и др.).

Характерная для крупнейших городов (и ареалов их непосредственного влияния) терциаризация (отчасти — структурное следствие деиндустриализации, отчасти — результат экономического роста 2000-х, породившего спрос на финансовые, образовательные, туристско-рекреационные и иные услуги) стимулировала географические исследования **туристско-рекреационной сферы** (А. Зырянов, Л. Мажар, Н. Мироненко и др.), **инфраструктуры** (В. Дронов), **банковской сферы** (А. Лузанов), **проблематики высшей школы** (А. Катровский). Были продолжены (активно развиваемые ранее И. Никольским) изыскания в области **географии транспорта** и транспортных сетей (В. Бугроменко, Б. Раднаев и др.), предприняты (весьма успешные) попытки ее теоретизации (С. Тархов). Развивался (применительно к новой экономической ситуации) инструментарий **пространственного планирования** (В. Лажнецов, А. Чистобаев). Одновременно обозначились совершенно новые для российской географии направления исследований: географические аспекты **институциональной модернизации** российской эконо-

мики (Н. Зубаревич, А. Пилясов, В. Шувалов и др.), **география инноваций** и инновационных циклов (В. Бабурин), география российского **крупного бизнеса** (Н. Зубаревич).

Существенные позиции в структуре российской социально-экономической географии заняла и **культурно-географическая проблематика** (А. Дружинин, Д. Замятин, В. Каганский, В. Калущков, М. Крылов, А. Манаков, У. Набиева, Д. Николаенко, В. Стрелецкий и др.); при этом в лексикон российских географов-обществоведов вошли такие понятия, как «восприятие территории», «географический образ», «историко-культурное наследие», «культурный ландшафт», «идентичность».

Размер и структура географического пространства России, его административная, хозяйственная, этнокультурная и природно-экологическая фрагментированность инициируют и полимасштабные **исследования регионального уровня**, заметно преобладающие в общей «палитре» общественно-географической тематики: до 85—90% всех публикуемых в стране статей в области общественной географии выполнены именно на конкретном региональном и локальном материале. Характерно, что все последние годы приоритетность «региональной» тематики для географов-обществоведов предопределялась не только федеративным устройством постсоветской России, но и осязаемыми «подвижками» в ее социально-экономической регионализации, то есть ситуацией, когда хозяйственная структура, системы расселения и инфраструктуры, совокупность внешних связей, идентичность и даже имидж регионов России и ее отдельных поселений — нестатичны, требуют постоянного профессионального внимания. Географию России, ее региональную организацию фактически приходится вновь и вновь «открывать» заново. Подобная задача в целом успешно решается, что подтверждают масштабные монографические работы, выполненные по социально-экономической географии центральной России (А. Махрова, Т. Нефёдова, Б. Родоман, М. Сигалов, А. Трейвиш и др.), ее Юга (В. Белозёров, А. Дружинин, Н. Щитова и др.), Балтийского региона (Г. Фёдоров), Севера или, как все чаще говорят в последнее время, Российской Арктики (В. Лаженцев, А. Обедков, А. Пилясов и др.), Урала (Е. Анимица, Н. Власова, М. Шарыгин и др.), Сибири (Л. Безруков, Б. Ишмуратов, Ю. Михайлов, Н. Сысоева и др.), Тихоокеанской России (П. Бакланов, А. Мошков, М. Романов и др.).

Пережив сложный адаптационно-трансформационный период, российская общественная география не только добилась определенных позитивных результатов (рис. 2), но и существенно расширила сферу своей активности; подобные (приближающие ее к модели мировой Human Geography [2]) структурные изменения (при всем многообразии их причинности) в целом соответствовали проявившемуся еще в 60—70-х гг. XX в. и акцентированному в работах Ю. Г. Саушкина тренду развития советской экономико-географической науки «вширь», то есть преимущественной ее ориентации на поиск и обретение все новых и новых сторон изучаемого объекта.

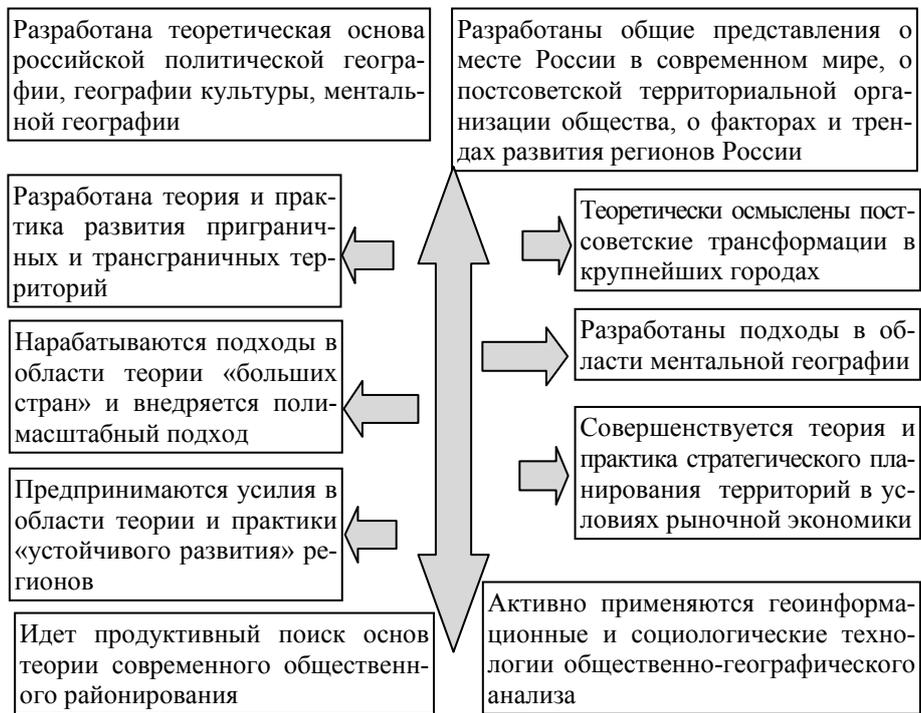

Рис. 2. Важнейшие достижения постсоветской российской общественной географии

Проблемные ситуации в развитии российской общественной географии

Параллельно появились и многочисленные проблемные ситуации, сдерживающие развитие современной российской общественной географии (рис. 3).

На фоне диверсификации научного поиска в последние два с половиной десятилетия, к сожалению, обозначились существенные дефициты в базовой общественно-географической тематике, то есть в исследовании собственно экономических процессов. Лишь отдельные авторы (Л. Смирнягин, А. Пилясов, В. Шувалов) продолжают поддерживать продуктивную активность в области **теории и методов экономического районирования**. Немногочисленны в последние годы и серьезные работы (П. Бакланова, Т. Потоцкой, Р. Сафиуллина и др.) в области **территориально-производственного системообразования**; мало публикаций, продолжающих развивать актуальнейшую для России проблематику **географии сельской местности и агросферы** (в числе специализирующихся в данном направлении авторов следует назвать Ф. Мичурину, Т. Нефёдову, А. Носонова, В. Тюрина и др.), включая исследование уникальной по масштабам российской сезонно-дачной контрурбанизации (Т. Нефёдова, А. Трейвиш).

Рис. 3. Основные проблемные ситуации, сдерживающие развитие современной российской общественной географии

Несмотря на ряд работ в области **социальной географии** (А. Анохин, В. Бугаев, Н. Зубаревич, Н. Щитова, А. Якобсон и др.), не получили пока должной экономико-географической интерпретации и рельефно проявившиеся на постсоветском пространстве территориально-социальное неравенство, бедность, дефициты в развитии социальной инфраструктуры, различного рода социальные патологии (алкоголизм, наркомания). Практически отсутствуют серьезные наработки по военной географии, гендерной проблематике и географии рисков. Крайне мало графических исследований на микроуровне, в том числе и в разрезе отдельных городов и городских кварталов, а также сельских районов и поселений (в качестве «прорывной» здесь необходимо отметить монографию Н. Ю., Замятиной и А. Н. Пилясова [5]). На фоне стабильно неудовлетворительного качества официальной социально-экономической статистики и перманентного дефицита бюджетного финансирования науки наблюдается и фактическое свертывание серьезных экспедиционных исследований и натурных обследований объектов (гранты РГО, позволившие в последние два-три года организовать, реализовать и презентовать немногочисленные полевые исследования [6; 7] — скорее исключение из общего правила).

Немногочисленны и работы общетеоретического плана, выполненные узким (практически не расширяющимся) кругом авторов (П. Бакланов, В. Каганский, В. Лаженцев, Б. Родоман, А. Ткаченко, А. Трофимов, М. Шарыгин, В. Шупер, Э. Файбусович и некоторые другие). В массиве публикаций российских географов-обществоведов все меньше проявляется интерес к вопросам **теории**, что в последние годы констатируют ведущие специалисты по методологии науки [8—14]. Проведенная в Ростове-на-Дону представительная международная конференция, целиком посвященная различным аспектам теории социально-экономической географии [15], акцентировала проблему, интерес к ней, но тем не менее сама по себе оказалась неспособна переломить тренд.

Приоритеты российской общественной географии

Вослед за непродолжительным оживлением (подкрепляемым потоком интеллектуальных заимствований и пришедшимся на 2002—2007 гг. «всплеском» диссертационной активности) российская общественная география, к сожалению, вновь вступает в стадию «съеживающейся концентрации». Ситуация в науке остается сложной; ее перспектива — поливариантна.

Что можно противопоставить подобному негативному тренду? Прежде всего — фокусировку нашего профессионального сообщества на действительно масштабных и фундаментальных проблемах российского общества, важная из которых, как видится, связана с преодолением факторов и проявлений «периферийности» в социально-экономической динамике как Российской Федерации в целом, так и ее обширнейших территорий. Чрезвычайно важно в связи с этим обосновывать общественно-географические условия и формы обеспечения существенного роста эффективности (экономической, социокультурной и социально-экологической) территориальной организации страны. Не менее значим и общественно-географический мониторинг уже наметившейся (и способной полномасштабно проявиться через 1—2 поколения) этнокультурной трансформации России, равно как и ее позиционирования в динамично видоизменяющем свою архитектуру «евразийском пространстве». Наконец, требует вдумчивой профессиональной экспликации и все громче декларируемый (и медленно, подспудно, но тем не менее фактически свершающийся) геостратегический «разворот» Российской Федерации; акцентирую, специфика нашей страны предопределяет необходимость его поливекторности, инициирует этот «разворот» не только на Восток (как это уже осмысливается [15]), но и на Юг, а также «внутрь», «вглубь» самой России, к ее территориальным общностям, культурным ландшафтам, природно-ресурсному и экологическому потенциалу.

Для решения подобного рода полидисциплинарных задач необходим многократный рост внутрикорпоративной сплоченности российского общественно-географического сообщества, включая «сетевизацию» научных исследований и коллективов. Важным, знаковым (но лишь первым) шагом в этом направлении является создание в мае 2010 г. **Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО)**, научного общественного объединения (в настоящее время насчитывающего 32 региональных отделения), призванного выстраивать и координировать «горизонтальные» профессиональные связи, развивать межрегиональные контакты [16]. Столь же важно и практическое культивирование «универсализма» (!) географов-обществоведов, дополняемого высоким уровнем научной культуры, в том числе и профессиональной компетенции. Крайне желателен возрождение эффективно зарекомендовавшего себя в советский период «факультета повышения квалификации» (целесообразно «запустить» этот проект на совместной базе Московского и Санкт-Петербургского государственных университетов с привлечением в качестве лекторов ведущих специалистов страны).

Заключение

Опираясь более чем на двухвековую национальную исследовательскую традицию, позиционируя себя в качестве самостоятельной общественной науки и одновременно являясь неотъемлемой составляющей «системы географических наук», российская общественная география в сложной политико-экономической трансформации конца XX — начала XXI в. не только выстояла, сохранилась, но и добилась определенных позитивных содержательных результатов, существенно расширив при этом сферу своей активности. Несмотря на многочисленные проблемные ситуации и дефициты, сдерживающие развитие современной российской общественной географии, она уверенно сохраняет потенциал лидерства в разработке проблематики территориальной организации общества — одной из наиболее фундаментальных и сложных как для Российской Федерации, так и в целом для современного человечества.

Список литературы

1. Суций С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов н/Д, 1994.
2. Теория социально-экономической географии: спектр взглядов российских ученых / ред. и сост. А. Г. Дружинин и В. Е. Шувалов. Ростов н/Д, 2010.
3. Дружинин А. Г., Стрелецкий В. Н. «Культурная составляющая» общественной географии в современной России: генезис, особенности и приоритетные направления развития // Изв. РАН. Сер. географическая. 2015. № 1. С. 3—18.
4. Саушкин Ю. Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М., 1973.

5. *Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н.* Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. М., 2013.
6. *Постсоветское пространство: двадцать лет перемен* / под ред. В.Л. Бабурина. Смоленск, 2013.
7. *Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя.* Путешествие из Петербурга в Москву в 21 веке (по итогам экспедиции 2013 года). М., 2015.
8. *Котляков В.М.* Мировой кризис конца XX века и географическая наука. СПб., 1995.
9. *Колосов В.А., Мироненко Н.С., Петров Н.В. и др.* Российская общественная география первой половины 90-х годов // Изв. РАН. Сер. географическая. 1996. №3. С. 17—27.
10. *Трофимов А.М.* Особенности формирования современных научных школ в российской географии (критическое осмысление кризиса в географии) // Научный потенциал отечественной географии : тр. Междунар. науч. конф. Майкоп, 1999. С. 89—90.
11. *Шупер В.А.* Географическая теория и социальная практика: размышления над статьей Г.А. Агранта // Изв. РАН. Сер. географическая. 2001. №2. С. 65—72.
12. *Трофимов А.М., Шарыгин М.Д., Мальганова И.Г.* Ренессанс географической мысли или кризис в географии? (изменение общественной ситуации и задачи географов) // Географический вестник. 2005. №1—2. С. 5—9.
13. *Дружинин А.Г.* Российская общественная география начала XXI века: старые проблемы, новые вызовы // Экономико-географический вестник Южного федерального университета. 2008. №5. С. 3—9.
14. *Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты* / под ред. А.Г. Дружинина и В.Н. Стрелецкого. Ростов н/Д, 2014.
15. *Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития* : сб. матер. междунар. науч. конф. / под ред. А.Г. Дружинина и В.Е. Шувалова. (Ростов-на-Дону, 4—8 мая 2010). Ростов н/Д, 2010.
16. *Караганов С., Макаров И.* Поворот на Восток: итоги и задачи // Российская газета. 06.02.2015 : [сайт]. URL: <http://svop.u/main/14175/> (дата обращения: 20.02.2015).
17. *Дружинин А.Г.* Приоритеты развития российской социально-экономической географии и задачи АРГО // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2012. №1. С. 26—31.

Об авторе

Александр Георгиевич Дружинин, доктор географических наук, профессор, председатель Координационного совета Ассоциации российских географов-обществоведов, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN SOCIAL GEOGRAPHY:
CHALLENGES, TRENDS, PRIORITIES

A. Druzhinin*

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Submitted on December 20, 2014

Promoting the development of social geography (one of the most important components of present-day social sciences) is especially important for contemporary Russia. In the last 25 years Russian social geography has seen dramatic disciplinary changes. On the one hand, it has widened its scope. On the other hand, it has suffered from a growing contradiction between the popularization of the social geographic knowledge, the need to have a clear understanding of the factors and results of a multi-scale territorial social and economic dynamics, and the limits of the field (with its organizational structure, possibilities and practitioners desperately falling behind the times). The aim of this article is to analyze the post-soviet period of the development of social geography to identify the strengths and weaknesses that the discipline has demonstrated, the challenges it still has to overcome and the priorities it has yet to formulate. It is shown how the traditional dimensions of social geography (with their focus on humanities, culture, economics, geography or environment, respectively) not only keep their value but acquire new meanings. The author concludes about the importance and the strategies of further integration within the community of social geography researchers, and points out the directions of future research: fundamental issues of Russian spatial planning, Russian positioning in both global and local (Eurasian) contexts.

Key words: social geography, Russia, post-Soviet studies.

References

1. Sushhiy, S. Ya., 1994, *Ocherki geografii russkoj kul'tury* [Essays on Geography Russian Culture], Rostov-on-Don, 576 p.
2. Druzhinin, A.G., Shuvalov, V.E. (ed. and comp.), 2010, *Teorija social'no-jekonomicheskoj geografii: spektr vzgljadov rossijskih uchjonyh* [The theory of socio-economic geography: the range of views of Russian scientists], Rostov-on-Don, 166 p.
3. Druzhinin, A.G., Streletsky, V.N. 2015, «Kul'turnaja sostavljajushhaja» obshhestvennoj geografii v sovremennoj Rossii: genezis, osobennosti i prioritetyne napravlenija razvitija ["The cultural component of the" social geography in modern Russia: genesis, characteristics and development priorities], *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija Geograficheskaja* [Russian Academy of Sciences. Geographic Series], no. 1, p. 3—18.
4. Saushkin, Yu.G. 1973, *Jekonomicheskaja geografija: istorija, teorija, metody, praktika* [Economic Geography: history, theory, methods, practice], Moscow, 559 p.
5. Zamyatina, N. Yu., Pilyasov, A. N. 2013, *Rossija, kotoruju my obreli: issledujuja prostranstvo na mikrourovne* [Russia, which we have found: exploring space at the micro level], Moscow, 544 p.
6. Baburin, V.L. (ed.), 2013, *Postsovetskoe prostranstvo: dvadcat' let peremen* [Post-Soviet Space: Twenty Years of Change], Smolensk, 300 p.
7. *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu: 222 goda spustja. Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu v 21 veke (po itogam jekspedicii 2013 goda)* [Journey from St. Petersburg to Moscow: 222 years later. Journey from St. Petersburg to Moscow in the 21st century (according to the results of the expedition 2013)], 2015, Moscow, 352 p.

8. Kotlyakov, V.M. 1995, *Mirovoj krizis konca XX veka i geograficheskaja nauka* [World crisis of the late XX century and geographical science], Saint Petersburg, 49 p.

9. Kolosov, V.A., Mironenko, N.S., Petrov, N.V., Treyvish, A.I. 1996, Rossijskaja obshhestvennaja geografija pervoj poloviny 90-h godov [Russian social geography of the first half of the 90s], *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija Geograficheskaja* [Russian Academy of Sciences. Geographic Series], no. 3, p. 17—27.

10. Trofimov, A.M. 1999, Osobennosti formirovaniya sovremennyh nauchnyh shkol v rossijskoj geografii (kriticheskoe osmyslenie krizisa v geografii) [Features of formation of modern Russian scientific schools in geography (critical reflection of the crisis in geography)], *Nauchnyj potencial otechestvennoj geografii* [The scientific potential of the national geography], Proceedings of the International Scientific Conference, Maikop, p. 89—90.

11. Shuper, V.A. 2001, Geograficheskaja teorija i social'naja praktika: razmyshlenija nad stat'noj G.A. Agranta [Geographic theory and social practice: Reflections on the article GA Agranta], *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija Geograficheskaja* [Russian Academy of Sciences. Geographic Series], no. 2, p. 65—72.

12. Trofimov, A.M., Sharygin, M.D., Malganova, I.G. 2005, Rennans geograficheskoy mysli ili krizis v geografii? (izmenenie obshhestvennoj situacii i zadachi geografov [Renaissance geographical thought or a crisis in geography? (change of the social situation and the problems of geography)], *Geograficheskij vestnik* [Geographic Vestnik], no. 1—2, p. 5—9.

13. Druzhinin, A.G. 2008, Rossijskaja obshhestvennaja geografija nachala XXI veka: starые проблемы, новые вызовы [Russian social geography of the beginning of the XXI century: old problems, new challenges], *Jekonomiko-geograficheskij vestnik Juzhnogo federal'nogo universiteta* [Economic and geographic Vestnik Southern Federal University], no. 5, p. 3—9.

14. Druzhinin, A. G., Streletsky, V.N. (eds.), 2014, *Fenomen kul'tury v rossijskoj obshhestvennoj geografii: jekspertnye mnenija, analitika, koncepty* [The phenomenon of the Russian culture in the social geography: expert opinions, analysis, concepts], Rostov-on-Don, 536 p.

15. Druzhinin, A. G., Shuvalov, V.E. (eds.), 2010, *Teorija social'no-jekonomicheskoj geografii: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija* [The theory of socio-economic geography: the current state and prospects of development], Collection of materials of the international scientific conference, Rostov-on-Don, 2010, 4—8 May, Rostov-on-Don, 475 p.

16. Karaganov, S., Makarov, I. 2015, Povорот na Vostok: itogi i zadachi [Turning to the East: results and objectives], *Rossiyskaya Gazeta*, 6 February, available at: <http://svop.ru/main/14175/> (accessed 20.02.2015).

17. Druzhinin, A. G. 2012, Prioritety razvitija rossijskoj social'no-jekonomicheskoj geografii i zadachi ARGO [Priorities of the Russian socio-economic problems of geography and ARGO], *Social'no-jekonomicheskaja geografija. Vestnik Assotsiacii rossijskih geografov-obshhestvovedov* [Socio-economic geography. Bulletin of the Association of Russian geographers, social scientists], no. 1, p. 26—31.

About the author

Prof. Aleksandr Druzhinin, Coordination Council of Russian Human Geographers Association, Director of the North-Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

E-mail: alexdru9@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят **внутреннее** и **внешнее рецензирование**, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. При подаче статьи на рассмотрение автор вместе с материалами рукописи должен представить внешнюю рецензию на работу (с обязательным указанием контактных данных рецензента: Ф. И. О., место работы, должность, e-mail, контактный телефон). При подаче статьи в электронном виде рецензию можно представить в формате PDF.

7. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

8. С января 2013 г. статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале «Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта» http://journals.kantiana.ru/submit_an_article/ и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*приблизительно 1500 знаков*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- вступительное слово о теме исследования;
- цель научного исследования;
- описание научной и практической значимости работы;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы;
- ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);
- практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4—8 слов*);

5) список литературы (*не более 25 источников*);

6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и *на латинице* (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/> (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2015
2 (24)

Редактор *Н. Н. Мартынюк*
Корректор *Н. Н. Генина*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 25.05.2015 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 12,6
Тираж 1000 экз. (1-й завод 46 экз.). Заказ 093

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6